

Н. УЛЫБИН
НЕТРОНУТЫЕ
СНЕГА

НИКОЛАЙ УЛЫБИН

НЕТРОНУТЫЕ СНЕГА

ПОВЕСТЬ

ЧИТИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧИТА — 1957

Николай Николаевич Улыбин родился на прииске Казаково, Балецкого района, Читинской области, 10 ноября 1919 года. До призыва в армию жил на многих приисках Забайкалья: Могочинских, Ононских, Усть-Карских. В 1939 году был призван в ряды Советской Армии. Войну встретил на обороне города Киева. Участвовал в боях на Северо-Западном фронте по уничтожению Корсунь-Шевченковской группировки противника, на Орловско-Курской дуге. принимал участие во взятии г. Будапешта, за что имеет медаль. Окончил войну в г. Вене. Был тяжело контужен и два раза ранен. Награжден орденом Красная Звезда и двумя медалями.

По состоянию здоровья в 1945 году демобилизован в звании старшего лейтенанта.

Член КПСС с 1948 года.

Печататься начал в 1949 году в газете „Забайкальский рабочий“, опубликовав три рассказа: „Старатели“, „Какая профессия“, „Миллионер“.

В 1955 году в альманахе „Забайкалье“ № 8 опубликована повесть „Нетронутые снега“.

С 1952 года солдатские раны, раны бойца Великой Отечественной войны, приковали Николая Улыбина к кровати. Но он проявил большую волю и настойчивость солдата. Лишенный возможности общаться с внешним миром, он не вышел из боевых рядов строителей коммунизма. Больной, он создал повесть „Нетронутые снега“, написал на ее материале киносценарий и сейчас готовится к созданию новой повести о партизанах Забайкалья. Мужество, характер — залог того, что Николай Улыбин сделает для народа еще многое.

1

Далекий север. Ночь. Кругом без конца и края тайга. За год не обежит ее самый быстроногий олень.

Полыхает полярное сияние. Радуга красок, как огромное полотнище, отороченное снизу бриллиантовой канителью, широко раскинулась по небу. На снегу играют разноцветные блики.

Тихо в тайге. Летом капризная и своенравная речка Учугэй сейчас мирно лежит, промороженная насквозь. Кажется, все спит вечным сном. Но вот из листвячника выскочили три оленя. Они встали, как вкопанные, высоко держа красивые головы. Через несколько секунд они сорвались с места и исчезли в густых зарослях.

Возле стены тайги прижались к земле два низеньких зимовья. По снежной глади бежит лиса. Вот она остановилась и смотрит на зимовья, полузасыпанные снегом, на отвалы, которые плоскими буграми виднеются возле старательских ям, и бежит дальше, оставляя ровную цепочку следа. На дереве, причудливо изогнутом северными ветрами, сидит полярная белая сова, лениво поворачивая большую голову то в одну, то в другую сторону. Вот она взмахнула серебристыми крыльями, бросилась вниз — замелькали деревья, ветки, кусты. Добыча поймана. Балансируя распущенными крыльями, хищница рвет нежное мясо зайца.

...Наступает рассвет.

Северная тайга особенно красива ранним утром. Золотом горит первый луч солнца в заиндевелых кронах лиственниц. Ничему так не радуются на севере, как солнцу. Величественно поднимается золотой диск из-за синеющего гольца, и вся природа наполняется радостью необыкновенной. Ликут звери и птицы.

Снег быстро меняет краски. Голубая даль широкого русла реки розовеет и искрится. Вот развернулись большие голубые пятна, как

будто расцвели сказочные поля незабудок. Но со стороны севера пахнул ветерок, они повяли, и теперь вся снежная ширь реки залита розовым цветом.

Зимой 1928 года небольшая артель старателей забралась далеко на Север, на речку Учугэй. Вырываясь из дебрей тайги и пересекая тундру, Учугэй впадает в многоводную реку Комюсь-Юрях и вместе с ней несет свои воды к Ледовитому океану.

По тропе от ям, где добывают золото старатели, идет старшинка артели Филипп Егорович, или, как его называют, дедушка Пых. Он щурится от яркого солнца, которое горит, сияет и искрится в каждом кристаллике снега. Морозно и тихо. Буйный северный буран трое суток хороводами гонял по широкой долине тучи ледяной пыли. Все это время гудела дремучая тайга. Пели и подпевали старые, высохшие на корню, лиственницы. Теперь все утихомирилось, улеглось, успокоилось.

Филиппу Егорычу уже давно за пятьдесят, но юношеская сила и здоровье крепко засели в его мускулистом теле. Роста он высокого, широкий. Походка легкая. Лицо чуть скуластое. На лбу три крупные морщины. В густой черной бороде, словно обрубленной снизу топором, уже виднелось несколько прядок седых волос, но она всегда аккуратно расчесана. На его трех рубашках нет ни одной пуговицы. Открытая грудь такая же загоре-

лая и обветренная, как и лицо. Подол у рубахи прожжен махоркой и замазан глиной. Несмотря на трудную жизнь, в глазах старателя под чуть насупленными бровями — всегда добродушная улыбка. В движениях он медлителен, но в работе спор.

Дедушка Пых подошел к зимовью, хлопнул рукавицей об рукавицу. Зимовье, где жили старатели, сделано наспех. Толстые, почти не тесанные бревна пропазованы плохо, углы не опилены. Большие щели кое-как законопачены мохом.

Филипп Егорыч вошел, не торопясь скинул легкую шубенку, изрядно порванную на боках, втолкнул несколько суковатых поленьев в печь и поставил чайник.

— Давно не был у Данилы Кузьмича, давно, — подумал он вслух. Привык разговаривать с собой.

Старый охотник-якут Данила Кузьмич жил недалеко от приискателей. Его юрта стояла в устье долины Учугэй, на невысоком берегу.

Дедушка Пых познакомился с ним в первые же дни, как охотник прикочевал сюда. И с тех пор они повели дружбу, часто бывали друг у друга.

Филипп Егорыч выпил кружку горячего чаю и вышел из зимовья. По тропе от ям уже возвращались старатели. За кострами остался наблюдать молодой парень Андрейка. Гибкий и подвижный, туго подпоясанный длинным, широким кушаком, с большим чу-

бом, который падал на темные брови, Андрейка всегда выглядел удалым.

Возле ям жарко полыхали костры. Едкий дым широкими лентами поднимался в сизую высь, а там ветер-верховик подхватывал его и нес над тайгой. Скоро большая куча каменного бута накалится на жарком огне, и ее спустят в ямы. Раскаленный булыжник к утру отдаст свое тепло. Золотоносный песок оттает.

Вот уже три дня как Андрейка прибыл сюда и принес дорогое письмо Филиппу Егорычу с того прииска, где раньше работала их артель.

Прочитал письмо Филипп Егорыч и крепко задумался. «Вот так прииск! Какие там дела идут... Фабрику строят, электричество горит! Назарка... черта ли в нем, в Назарке, у меня его в артели за работника не считали, а тут, гляди, человеком стал, премию получил, в газетах печатают. А я, верно, как медведь живу. Пропаду, и никто добрым словом не помянет...».

Давняя обида на свою бездомную, нескладную жизнь тягуче накипала на сердце. Письмо дразнило воображение.

«Нет, я им покажу. Они узнают про Филиппа Егорыча. Разве у нас здесь нельзя драгу пустить, разве у нас... Золото здесь не чета ихнему, знаю, какое там золото. Здесь, если подразведать, можно такое завернуть, что на всю тайгу гул пойдет. Сколько дорогого металла можно дать нашей стране. Здесь золото не тамошнее. Здесь можно...».

Дедушка Пых распалялся все больше и

больше: он-то бы, Филипп-то Егорыч, да при технике-то!..

«Нет, сообщить надо, известить о золоте на Учугэе, на реке Хорошей! Не зря ее якуты «Хорошей» прозвали!». Но куда, кому написать, да так, чтобы немедленно ход делу дали, Филипп Егорыч не мог придумать. «Медведь, медведь и есть», — зло выругал он себя.

Филипп Егорыч нацепил лыжи и отправился в путь. Хмуро стояли деревья по колено в снегу. Кругом снег наметен в тугие сугробы. Следы диких коз, зайцев, лунки-схоронки в снегу, где проводят ночь рябчики — все замело. Над тайгой — солнце в матовом кольце. Завернулась в шубу тайга, притихла. Но только дедушка Пых поднялся на пригорок, навстречу выскочили семь диких оленей. Вот животные стали, посмотрели в сторону приискателя и поскакали дальше, пружинисто подбрасывая свое стройное тело.

«Эка красотища!» — подумал старый приискатель.

...Филипп Егорыч еще парнем пришел на прииск. Бедно жилось в деревне, а жить хотелось, конечно, лучше. Хотелось на своем коне пахать свою землю. И чтобы хлеба хватало от урожая до урожая. Но радостное и веселое солнце никогда не заглядывало в старенький домишко бедной семьи. Понуро шли серые дни, а солнце светило и улыбалось тому, у кого были деньги. И лишь несколько радостных дней бывало в году — это праздники. Напьется самогону измученный жизнью человек и кажется ему, что

жизнь уже не такая паршивая штука. Даже в пляс пойдет и крикнет:

— Эх-ма!

Начнет подпевать какую-нибудь частушку, которую знал в юности, пропоет начало, а конца не помнит, убей — не помнит, остановится на полуслове и опять крикнет:

— Эх-ма!

Как-то раз в праздник, в масленицу, не весть с каких приисков завалился к ним в деревню старатель-гулеван. Три дня всех поил водкой. Загонял насмерть тройку лихих, катаясь по деревне.

Смотрел отец Филиппа Егорыча на проделки старателя, качал головой и удивлялся.

Отгулял гулеван, вытряс суму и исчез.

— Иди-ка, Филька, на прииск, — сказал ему отец, — может, и ты вынесешь деньжонок оттуда, а то так-то нам не в жизнь хозяйство не справить. Иди, попытай жизнь-жестянку, может, и вывезет кривая. Хватит батрачить у богатеев.

Отцу хотелось избавить сына от нужды, от унижения. Хотелось видеть своего сына человеком.

Собрался Филька, крепко подпоясавшись, надел новые рукавицы-голички. Запричитала мать, заплакала:

— Голубчик ты мой сизокрылый, кормилец ты наш, надежда ты наша, смотри, не загуби там свою головушку, бойся лиходеев, бога не забывай.

Много деревенских парней в ту пору от хозяина из деревни шли к хозяину на прииск. Каждый надеялся подработать деньжонок,

вернуться, жениться, завести свое хозяйство.

И с тех пор повела Филиппа Егорыча бродячая жизнь с прииска на прииск, от одной ямы к другой. А там зашелестели карты в руках, зашумело от водки в голове. И затерялись где-то мечты о собственном хозяйстве.

...Филипп Егорыч остановился. Он всегда останавливался в этом месте взглянуть на странное дерево, изогнутое северными ветрами. Высокое, оно напоминало часового. Как будто вечно бодрствующий страж, одетый в тяжелые доспехи, стоял посреди долины и бдительно охранял подступы к сказочному богатству. Закурил Филипп Егорыч, и, легко переваливаясь с лыжи на лыжу, покатился, упираясь палками.

...В прошлую зиму к другу Филиппа Егорыча приполз полуживой с далекого Севера его старый знакомый Петр Петрович. Вот он-то и рассказал о богатом золоте на Учугэе.

Много за свою жизнь слышал Филипп Егорыч путаных рассказов о золоте и не один раз нарывался на «пустоту», сейчас же хотелось верить — старый и опытный приискатель доверял ему тайну. И заныла у приискателя косточка, как застуженные ноги перед ненастьем. И добрался Филипп Егорыч со своими товарищами, такими же как и он, любящими жизнь, ширь и раздолье, до нетронутого золота.

...Чуть приметная старая лыжня часто пропадала в снежных передувках. Вот она вынырнула из-под глубокого снега, свернула в сторону и пошла по увалу книзу. На крутых откосах стояли низкорослые деревца.

Они как будто прижались и боялись, что их вот-вот оторвет студеный ветер и покатит, как перекасти-поле, по холодному снегу. Широкую реку окаймляли высокие груды торосов. Обрывистый левый берег высоко поднялся над руслом. И, как на большом приступке, стояли громадные лиственницы.

Резким, отрывистым лаем встретила дедушку Пыха остроухая лайка. Из юрты вышел Данила Кузьмич. На нем была куртка шерстью наверх и легкие унты. Он что-то сказал собаке. Та прижала уши, отошла в сторону, но еще нет-нет да взлаивала. Приискатель отстегнул лыжи и поздоровался.

— Всю лыжню почти замело, новую пробивал, — жаловался Филипп Егорыч.

— Снегу ноне беда много, — подтвердил Данила Кузьмич.

Он долгое время был проводником у сибирских купцов, рыскающих по северу за дорогой пушниной, и научился говорить по-русски.

— Да, весной воды будет!

— Беда, как много. Однако заходи в юрту, греться будешь.

Юрта Данилы Кузьмича — большая, жарко натопленная. Все в ней по-хозяйски прибрано. Печка обмазана свежей глиной. На скамьях оленье шкуры. В углу на нарах постель, покрытая заячьим одеялом. Одна на другой лежали большие пуховые подушки. На стене, вниз дулом, висели винтовка и дробовое ружье. В переднем углу — небольшая деревянная иконка. На ней изображен Никола-угодник с тонкими, как будто недав-

не подбрityми бровями. К потолку подвешены связанные пачками беличьи шкурки.

Данила Кузьмич рассказывал о том, как буран застал его с сыном в тайге.

— Дует и дует, прямо беда, шибко надсе-
ло. А у вас как золото? — вдруг спросил он.

— Золотит помаленьку. Еще одну яму
бьем, приходи смотреть.

— Сходить можно, давно не был.

Охотник показал на шкуру медведя.

— Угощать медведем буду. Большой по-
нался медведь. Только старик маленько он, —
объяснил Данила Кузьмич.

— Как же ты его это, где нашел?

Охотник махнул рукой, как бы показывая, стоит ли говорить про такой пустяк. Зато он рассказал, как однажды, в начале зимы, охотясь за белкой, увидел след медведя-шатуна. От юрты было недалеко. Он вернулся за берданкой и пошел по следу, далеко в тайгу ушел, заночевал и лишь на второй день настиг зверя. Первый выстрел был неудачный. Данила Кузьмич не поверил, что мог промахнуться. Второй — тоже промах. Он удивился и подумал: не случилось ли что с ружьем. Подкараулив удобный момент, третьей пулей поразил наконец зверя под левый пах. Много охотник убивал медведей, но это был единственный случай, когда пуля не брала зверя. Как видно, медведь еще осенью на большую, сильно осмоленную шерсть, катаясь по земле, намотал по несколько слоев песку. Все это зимой смерзлось и получилась толстая, прочная корка, от которой рикошетила свинцовая пуля.

— А этого в берлоге собака нашла, — кивнул на медвежью шкуру Данила Кузьмич. — Позвал сына. Я дразнил, сын стрелял, — пусть учится. Большой жеребец попался. Вам мяса заготовил.

Филипп Егорыч знал, что жеребцами якуты-охотники называют медведей-самцов.

— Значит, мяса нам сготовили, это хорошо. Давно мы не ели медвежатины:

— Помогать надо вам, а то совсем пропадете.

— Это верно, помогать нам надо, — согласился приискатель и поинтересовался промыслом.

Данила Кузьмич встал и прошёл в угол, где висела икона.

— Во, гляди, какая попалась.

Он показал старателю шкуру большой черно-бурой лисы.

— Распрочудесная, язви её! — восхищался дедушка Пых, глядя шероховатой ладонью нежный серебристый мех, — и зачем ей такая красивая шкурка в нашем диком лесу? Вот шапку сшить — не замерз бы!..

Данила Кузьмич улыбался, тоже любясь чернобуркой.

Мясо уже сварилось, и аромат его разносился по всей юрте.

— Давай медведя пробовать будем.

И он поставил на стол большой котелок и две миски.

— Мясо хорошее, кушай, — радушно приглашал охотник.

Мясо действительно было сочное, вкусное. Филипп Егорыч ел с большим аппетитом, а

гостеприимный хозяин все подкладывал и подкладывал ему жирные куски. Сам охотник быстро срезал мясо с кости, потом расколол ее обухом охотничьего ножа, легко подхватил лезвием душистый мозг и проглотил, облизывая губы.

Потом пили густой горячий чай с сахаром. Дедушка Пых допил последнюю кружку и поблагодарил за угощение.

— Тогда я завтра своих ребят пошлю за мясом, — сказал он и стал собираться домой.

— Внучка даст, если меня не будет. Посылай ребят. Это сейчас возьми.

Данила Кузьмич подал старателю большой кусок медвежатины.

2

У подошвы горы, глубоко врытая в каменистый грунт, поблескивала двумя подслеповатыми окошечками низенькая землянка. Сейчас она вся была засыпана снегом. Лишь широкая, почти квадратная дверь, утепленная старыми, потрепанными оленьими шкурами, вырисовывалась на белом бугре. Летом у подножья горы протекал бурный ручей. Он с шумом падал с камня на камень, подмывая проросшие корнями берега. Возле землянки — широкая поляна, заросшая лоснящейся на солнце травой и яркими северными цветами: красными, синими, желтыми. Воздух насыщен пряным запахом трав и мха. Необитаемым и диким кажется это место. Птица пролетает спокойно, не шарахаясь в сторону. И

лишь чуткий олень, выйдя на поляну, стоит сторожко, внюхиваясь, и когда до его трепетных ноздрей доходит запах человеческого жилья, он мгновенно исчезает в зарослях. И летом и зимой землянку трудно увидеть. Она сливается со склоном, на котором торчат крупные камни, растет мелкий кустарник и репей. Путник может пройти в ста метрах и не обратить никакого внимания на этот ничем не приметный уголок тайги.

В землянке живут два человека. Что их заставило поселиться здесь? Какая судьба забросила их сюда, на далекий русский Север, на один из многочисленных притоков Комюсь-Юряха?

Невысокого, с плоским лицом, в больших роговых очках и с толстыми потрескавшимися губами, звали Джемс. За выпуклыми стеклышками беспокойно бегали узко поставленные глаза. Родился он где-то на юге Соединенных Штатов Америки в семье торговца галантереей. Торговые дела отца шли плохо, и Джемс хорошо видел, что ему никогда не получить в наследство большого капитала, не начать своего дела. Он учился в колледже и мечтал стать богатым. В свободное время сын галантерейщика с жадностью читал книги, в которых убедительно рассказывалось, как молодой человек, не имеющий и доллара в кармане, наконец, становится миллионером. Джемс был разумный парень, и он понял, что рецепта, как разбогатеть, в этих книжонках не найти.

Окончив колледж и получив диплом горного инженера, Джемс около десятка лет болтался по Америке и чуть ли не каждый

год собирался в таинственную Россию на золотые прииски. Джемс был уверен, что его счастье лежит где-то там, на сказочно богатых золотых россыпях Сибири. Он даже начал изучать русский язык.

Как-то утром, в воскресный день, он пил кофе и читал газету. Ему бросился в глаза набранный крупным шрифтом сенсационный заголовок. Каждый божий день Джемс читал под такими заголовками различные истории. То это был из ряда вон выходящий случай с миллионером, то с известной кинозвездой. Очень часто сообщалось о жутких убийствах и ограблениях. Но на этот раз...

— Что-о? — удивленно произнес Джемс и низко склонился над газетой.

Крупными буквами было напечатано: «Уважаемый мистер Боб в течение суток стал миллионером!» И дальше рассказывалось, как никому не известный разорившийся мелкий фермер, потеряв всякие надежды вернуть свое хозяйство, отправился на богатую Аляску. Здесь ему, как и многим искателям счастья, чертовски не везло. Будущий миллионер жил, перенося всякие трудности и лишения. «Но вот, — читал Джемс, — золотоискатель Боб пробил шурф, второй, третий, и в каждом было богатое золото. Мистер Боб открыл золотую долину, а потом продал ее за миллион долларов компании, которая занималась добычей золота». Автор статьи писал, что в настоящее время, то есть в те минуты, когда пишутся эти строки, уважаемый мистер Боб подбирает людей, чтобы приступить к разработке выделенного ему участка.

Вот и все, что было напечатано в статье, если не считать мелочей, которым автор, однако, уделил немало места, тому, например, в какой костюм был одет мистер Боб, что любит кушать мистер Боб, какие сигары курит мистер Боб.

Раньше подобные статьи не трогали Джемса. Но сейчас его действительно стала бить «золотая лихорадка». В наше трудное время люди становятся миллионерами, а он, Джемс, сидит, как привязанный, к отцовскому дому, сидит и киснет и ничего не предпринимает! «Везет же людям, черт бы их побрал. Я уверен, что этот навозник ни бельмеса не смыслит в золоте, а оно ему привалило целой золотой россыпью. Вот если бы мне найти такую россыпь!» Джемс решил немедленно выехать на Аляску. Да, это единственное место на земле, где он найдет тот конец веревочки, за который можно крепко уцепиться и вылезти в люди.

Когда Джемс прибыл на прииск, недалеко от которого, как сообщалось в газете, находилась золотая россыпь Боба, искатель счастья до глубины души был разочарован и огорчен. «Подло! Какая подлость!» — сказал он. Никакого миллионера Боба и никакой россыпи не существовало даже за сотни миль вокруг. Джемс и раньше знал о многих проделках фирм и компаний, но тогда он улыбался. Читая об очередной аванюре, восхищался ловкостью, с какой все это проделывалось. На этот раз Джемс попался на удочку сам. Попался легко, как сотни других про-

стаков. Обдумав свое положение, он направился к доверенному компании. Солидный мужчина, который заворачивал всеми делами на прииске, выслушал жалобу Джемса очень внимательно и спокойно объяснил, что компания здесь не при чем, если какой-то забулдыга-репортер придумал рядом с их прииском золотую россыпь и мистера Боба. Доверенный компании рассказал, что он сам был возмущен до глубины души, когда прочитал эту статью. Даже больше: он, как честный человек, написал опровержение, которое газета почему-то не напечатала. Джемс хорошо понимал, что здесь виноват не забулдыга-репортер. Статья продиктована репортеру вот этим уважаемым доверенным компании.

А люди, прочитавшие эту статью, прибывали и прибывали, надеясь получить долю на громадной россыпи Боба. Когда же они узнавали, что никакой россыпи не существует, многие из них, которые не имели и доллара в кармане, были вынуждены идти работать на почти отработанную золотую россыпь, чтобы сколотить гроши и вернуться обратно. Именно это и нужно было компании. Дела у нее пошли значительно лучше. Объем работ расширился, и инженеру Джемсу нашлась работа.

Он остался на прииске. Через год, как-то в воскресный день, Джемс сидел и читал газету. И снова, как и год назад, в той же столичной газете, под таким же крупным заголовком, он прочитал, что на прииске, где сей-

час работал Джемс, за летне-промывочный сезон рабочими-приискателями было найдено четырнадцать крупных золотых самородков. Репортер описал все подробности, как был найден каждый из них. О последнем самородке он сообщил самые точные данные: и какую он имел форму, и вес его до миллиграмма, и обстоятельства, при которых он был найден. Джемс прочитал статью знакомого ему репортера и улыбнулся.

— Что же, будем ждать новый приток рабочей силы, — сказал он сам себе.

Шел год за годом, и нужно было прожить сотню лет, чтобы при тех вкладах, которые Джемс делал из месяца в месяц, скопить нужный ему капитал. Он по-прежнему не был женат, не пил виски, не курил дорогого табака, а его сбережения увеличивались крайне медленно. «Нет, так дальше нельзя», — решил Джемс.

И вот он — на шхуне «Северное сияние», принадлежащей крупной фирме Стивенсон. Маленькая шхуна часто совершала рейсы из Аляски к берегам богатой чужой земли и закупала «мягкое золото». У Джемса дела пошли значительно лучше. Скупая пушнину для фирмы, он не забывал и себя, а потом выгодно сбывал дорогие шкурки. Его сумма в банке стала увеличиваться быстрее, и планы большого бизнеса казались более осуществимыми. Но в России произошла революция, к власти пришли рабочие и крестьяне. Открытая торговля на советском крайнем Севере прекратилась. Однако фирма Стивенсон про-

должала торговать. Ее шхуны стали плавать контрабандно. Заниматься этим было очень опасно. С каждым рейсом Джемс чувствовал себя все хуже. Но что делать?

Болтаясь по русскому Северу, он не слышал, что тут во многих местах находят золото. Да, действительно, почему он, инженер, увлекшись «хвостами», ни разу не заинтересовался этим дорогим металлом? Не странно ли, что, думая разбогатеть, он упустил из виду золото? «Нет, мой дед никогда бы не сделал такого промаха», — подумал с уважением Джемс о своем дедушке, который, как он был уверен, чуть не стал миллионером. «Начну через Степку. Надо выяснить подробнее о золоте на Севере, — решил он. — Переговорю с якутами-охотниками. Словом, надо сделать все, чтобы узнать, где можно найти этот дорогой металл. Да, начну, пожалуй, со Степки».

Степка для Джемса был своего рода приказчиком в торговых делах и незаменимым человеком. Предприимчивый якут подготавливал ему пушнину, объезжая своих разбросанных по тайге сородичей. Никогда еще Джемс не был таким любезным и щедрым со Степкой, как в этот раз. Он много рассказывал разных историй о том, как можно разбогатеть, дружески хлопал Степку по плечу и обещал из него сделать большого торгового человека. На лице у Степки расплылась улыбка. Что случилось с американом? Почему он в этот раз приехал таким веселым? Может быть, его баба родила сына? Когда Степкина баба родила сына, Степка несколько

дней был вот таким же веселым. Теперь хороший сын растет. Он скоро будет помогать отцу в торговых делах, и Степка сделает из него большого торгового человека.

Джемс щедро угощал разведенным спиртом, а сам все говорил и говорил и зачем-то спросил у Степки, не видал ли он в тайге золотой песок или людей, которые моют золото. Степка, услышав о золотом песке, призадумался. Зачем это вдруг захотелось американу, который имеет очень много денег, узнать о золоте? Не думает ли он ковыряться в земле? Степка тут же хотел рассказать о русском приискателе Соловейке, который в этих местах моет золото, но передумал. Только скажи американу, он обязательно захочет посмотреть, потом вести его по чаще, по болотам. Разучился торговый человек Степка ходить пешком. И он рассказал только о двух ямах в долине Учугэй. Как будто пружиной подбросило Джемса с мягкой оленьей шкуры, на которой он сидел.

— А кто их пробил, когда? — поспешно спросил Джемс.

— Не знаю, — ответил Степка.

Хотя ему хорошо было известно, что эти ямы пробил Соловейка, но лучше ответить, что не знаешь. Зачем вести пустой разговор о ямах, пробитых в земле? Джемс всегда учил его вести только деловые разговоры.

— Пойдем, сейчас же пойдем к этим ямам, — заторопился Джемс.

Долина Учугэй Джемсу очень понравилась. Извилистое русло реки, амфитеатром сходящие террасы и могучая стена тайги — все

это делало долину необыкновенно живописной. Но больше всего привлекали Джемса, конечно, старательские ямы, пробитые на открытом чистом поле у излучины реки. Джемс сгорал от нетерпения скорее узнать, есть ли в них золото. В первую очередь он решил опробовать широкую и более глубокую яму. Из нее было вынуто больше породы, чем из первой, и она ближе к руслу реки. Сбросив в яму лопату и кайлу, он сам быстро слез туда. Степка, глядя на него, удивлялся. Как этот толстенный и неуклюжий в движениях человек сейчас так ловко поворачивается! Внимательно осмотрев стенки ямы и забой, Джемс приступил к опробованию. Эмалированный таз ему вполне заменил старательский деревянный лоток.

Джемс окончил опробование обеих ям, сел на большой камень, раскурил трубку и, посмотрев на Степку, неожиданно захохотал, сначала тихо, а потом все громче и громче. И, наконец, успокоившись, сказал:

— Мистер Боб! Мистер Боб! Я теперь мистер Боб.

Степка удивился, что теперь Джемс вдруг стал Бобом. Очень интересно! Вылез из ямы и стал мистером Бобом. Что произошло?

Сегодня выдался день, каких еще не было у Джемса. Сегодня он первый раз за всю жизнь мог смело строить планы, как разбогатеть. И к утру план действия созрел полностью.

Была составлена пространная докладная, и через месяц Джемс предстал перед главой фирмы.

— Нас интересует этот район. Да, интере-

сует, — произнес глава фирмы, выслушав Джемса, и небрежно ткнул обслюнявленным концом сигары в красный кружок, поставленный сбоку от извилистой голубой полосы.

Вскоре Джемс с одним помощником был доставлен на то место, куда ткнул глава фирмы концом сигары.

Высокий человек осмотрел все капканы и на широких охотничьих лыжах пошел вдоль опушки густого леса. У конца поляны уже виднелась над коротенькой трубой землянки струйка дыма. День был безветренный, солнечный. Не скрипела на корню высохшая лиственница, не трещали от мороза деревья. Вдруг человек остановился и снял с плеч винчестер. Сухой треск выстрела прокатился по долине. Глухарь комом свалился с высокого дерева. Ветка, на которой он сидел, закачалась. Серебристые пушинки заколыхались в воздухе.

Охотник торопливо пробрался через чащу и подошел к своей добыче. Тяжело раненная птица била крыльями. Человек поднял глухаря и отвернул ему голову. Капли крови, как ягоды спелой брусники, заалели на снегу. Охотник подвязал птицу к поясу и направился к землянке.

Это и был Дик — компаньон Джемса. Крупного телосложения, с хорошо развитой шеей и сильными длинными руками, он походил на боксера-профессионала. Темные дела заставили его исколесить почти всю Америку, несколько раз сменить имя и фамилию.

И как-то неожиданно для себя он очутился на русском Севере. Он не мечтал стать миллионером, как Джемс. Он просто хотел сколотить кругленькую сумму, и тогда ему не страшны никакие законы, и он сможет, не опасаясь быть пойманным, вернуться в свой родной город. Деньги были бы прочной защитой от всяких преследований.

От нудного и утомительного безделья в ожидании сигнала, который должна была подать фирма, Джемс и Дик порядком надоели и опротивели друг другу. Иногда из-за каких-нибудь пустяков у них дело доходило до драки. Дик часто выводил из себя раздражительного Джемса. Но иногда вечерами, натопив жарко печку и развалившись на койках, они любили поболтать о прожитой жизни и о своем будущем. Джемс всегда рассказывал про себя добропорядочные истории. Он рассказывал, как помог одной бедной семье, которая после этого стала жить очень богато, и Джемс был у них всегда первым гостем. Рассказывал, как однажды спас молодого человека, который хотел покончить жизнь самоубийством. Он дал юноше десять долларов, вскоре бедняга нашел работу, женился и зажил счастливо.

3

Утро. Холодный ветер тянет вдоль долины. На крутом повороте реки показалась фигурка человека. Она приближается. Уже видно, что это идет человек на широких, охотничьих

лыжах без палок. Он поет в такт передвигаемым лыжам. Он поет протяжную, длинную песню обо всем, что видит: о замерзшей реке, о горах, о тайге.

Человек сворачивает в сторону и поднимается на крутой берег. Впереди широкое заснеженное поле. У подошвы горы поблескивают стекла землянки, над трубой вьется ленточка дыма. Человек направляется к землянке.

...Джемс, развалившись на кровати, напевает какую-то веселую песенку.

Дик сидит у стола и играет ножом. Он ловко подбрасывает его вверх и так же ловко ловит.

— Ужасная скука. Хотел бы я знать, когда кончится эта, так называемая жизнь без всяких удовольствий, — сказал Дик, покосившись на Джемса.

— Ты, наверное, давно не встречался со своей красавицей?

— И впереди ничего не видно, — продолжал Дик развивать свою мысль.

— А между прочим, она не лишена некоторой пикантности. Может, ты женишься на ней? — иронизировал Джемс, внимательно наблюдая в то же время за лицом Дика.

Легкая усмешка появилась на лице «влюбленного».

— Если бы у ней был миллион приданого, тогда еще можно было бы.

— Как ты ни говори, а эта северная Диана тебе крепко вскружила голову. Уж меня в таком деле не проведешь!

Дик взглянул на Джемса, подбросил еще

несколько раз нож и с силой метнул его в дверь. Нож глубоко воткнулся. В это же самое мгновение дверь открылась, и человек, который шел по реке на лыжах, вошел в землянку.

— О, Степка! Наш старый друг Степка! — воскликнул Джемс. — Но что с тобой? Ты смотришь, как будто лимон проглотил.

Якут снял шапку и сел на узкую скамеечку, на которую всегда садился, когда приходил к американцам.

— Закуску принес, — сказал Степка.

— Это чудесно! Лучше оленьих языков в нашей жизни ничего не придумаешь, — обрадовался Джемс.

Степка сидел и мял голову.

— Голова шибко болит, — сказал он.

— Если болит голова, это плохо. Может быть, что-нибудь новенького расскажешь?

— Маленько есть новенькое, — сказал тихо Степка.

— Интересное?

Степка не ответил на вопрос. Он косо поглядывал в угол.

— Понимаешь, у него болит голова, — не без иронии заметил Дик.

Джемс хорошо знал, что нужно было Степке. Он прошел в угол, взял флягу и налил в баночку из-под консервов немного разведенного спирта.

Степка дрожащей рукой взял баночку и стал пить маленькими глоточками. Выпив, вытер рукавом губы.

— Ну, что за новости, выкладывай, — сказал требовательно Джемс.

— Еще пришли люди золотого копать.

Джемс соскочил с кровати, как будто его подбросила сильная пружина.

Степка с удивлением взглянул на Джемса и тут же сообразил, что новости он принес сегодня для американцев интересные.

— Когда пришли? Сколько?

При каждом вопросе Джемса Степка ниже склонял голову, морща нос и не отвечая.

— Много пришло?

Джемс стал торопливо набивать табаком трубку. А Степка все молчал, как будто потерял дар речи.

Дик ехидно подмигнул Джемсу.

— Он проглотил язык. У него горло совсем пересохло... На, — и Дик подал ему новую баночку.

Степка снова стал пить маленькими глоточками, часто отрываясь, чтобы перевести дыхание, продлить удовольствие.

— Почему ты нам сразу не сказал? Сколько человек пришло? — уже более спокойно спрашивал Джемс.

Степка отвечал задумчиво:

— Может, пять, может, шесть, однако, семь человек будет.

Степка склонил голову и начал мять свою шапку. Джемс взял баночку и плеснул немного из фляги.

— А где работают приискатели, которые пришли?

— В яме. В большой яме.

— В какой яме?

— Ты забыл? Ты сам в ту яму лазил и там мыл золото.

— Я не мыл золото, я просто так баловался, — раздраженно ответил Джемс.

— А почему в яму лазил и стал мистер Боб, а? Потом ты в Америку ездил, говорил к начальнику шибко надо. Потом стал здесь жить. Зачем зря здесь живешь? Давай снова покупать пушнину. Много купим пушнины, хорошей. Зачем зря жить!

— Мы не зря здесь живем. Мы ученые. Тебе хорошо известно, что мы изучаем животный мир и растительность: травы, цветы.

Степка захохотал. Ему казалось смешным, что взрослые люди ходят и собирают цветочки. Он подвинул баночку к Джемсу и сказал:

— Тогда еще маленько налей.

Джемс налил, и Степка неторопливо, причмокивая, выпил.

— Надо домой идти. Голова маленько вылечилась.

Степка надел шапку и, не торопясь, вышел из землянки.

— Ты понимаешь, что все это значит? — с раздражением заговорил Джемс. — Сюда приползли люди, а потом приползут еще и еще. И там у них в центре станет известно, что здесь открыта богатая золотоносная россыпь. И тогда нашим планам конец. Все наши надежды погибнут. Мы нищие.

— Я давно говорил, что надо всех этих приискателей уничтожать и тогда бы никто не знал об этой золотой россыпи.

— Но почему медлит этот седой черт — глава фирмы? Когда он нас посылал сюда, говорил, что вопрос решит быстро. По-моему,

уже давно пора взять эту землю на концессию. У русских громадная страна. Что им стоит даже продать такой клочок.

— Вот именно, — подхватил Дик. — Они же продали нам Аляску.

Джемс курил, глубоко затягиваясь, и ходил от стола к кровати, от кровати к столу.

— У них чертовски громадная территория, и им потребуется не меньше сотни лет, чтобы они смогли начать осваивать Север. А в данное время, после такой ужасной революции, русским, конечно, не до Севера. Я уверен, что близок уже тот день, когда мы начнем здесь большое дело.

— Если я от этой скуки не сойду с ума и не убью тебя, то мы, конечно, будем богаты, — сказал, улыбаясь, Дик.

— Пустой ты человек. Если бы у тебя в голове мозгов было столько же, сколько войлока в твоих боксерских перчатках, ей-богу, мне бы жилось гораздо легче. Разве тебе не нравится климат этих джунглей? — и Джемс плюнул на пол.

Им обоим не нравился климат русского Севера, им не нравился снег, дикие леса и люди, населяющие эту страну, и даже солнце, которое почти не греет. Куда лучше жить там, где не бывает зимы. Но... у них есть основательные причины не покидать эту суровую страну. Они живут здесь большой надеждой на то, что настанет долгожданный день, когда им подадут сигнал. Они застолбят золотonosный район, где сейчас копаются старатели. О, тогда начнется большое дело! По контракту, который заключили перед выезд-

дом, они получают круглую сумму, как первооткрыватели. Кроме того, им обещан солидный участок на золотой россыпи.

Нет, Джемс и Дик не дураки, им известна золотая россыпь, где совсем неплохое золото, даже очень неплохое, и про это золото никто не знает. Правда, там работал один русский приискатель, но теперь его нет в живых. Когда они застолбят долину Учугэй, они утаят эту россыпь от главы фирмы. Они просто оставят ее за собой. У них будет свой золотой прииск. Золотой прииск! Только бы скорее получить сигнал.

— Как ты хочешь, а мне здесь что-то не нравится, — твердил свое Дик.

— Я всегда говорил, что у тебя хорошо работают руки и чертовски плохо работает голова, — Джемс положил на стол трубку и продолжал: — Слушай, я тебе нарисую картину из нашей будущей жизни. Как только мы застолбим местечко для нашей фирмы, мы сразу же приступим к россыпи, где работал Соловейка. Все закипит под нашими руками. Ты верь мне. Я сумею дать разгон этой чудной машине, которая делает доллары. Я сумею...

Дик, развалившись на кровати и блаженно улыбаясь, не в первый раз слушал грандиозные планы своего компаньона, они были продуманы в мельчайших деталях и увенчивались женой и уютным коттеджем, приспособленным к суровым условиям севера.

Слушая, Дик даже пожалел своего друга: «А все же жаль мне тебя, старина, но ничего не поделаешь, уж, видно, так устроен

мир! Тебя придется стукнуть. Как только мы поставим эти проклятые столбики, я тебе сразу же воткну нож в печеньку и от этого стану вдвое богаче».

Джемс окончил рассказывать и задумался: «Да, Дик, уж кто, кто, а ты мне не компаньон в таком деле. Как только мы поставим последний столб на золотоносном полигоне, одна пуля из моего винчестера влетит в твой широкий затылок. Это будет чудесный выстрел! Когда пуля просверлит эту пустую голову, то тебя даже можно будет похоронить и выбить на камне: «Здесь покоится гражданин Америки, погибший от русской пули». Надпись на камне была новой мыслью Джемса, и она ему понравилась. «Так я и сделаю», — решил он окончательно.

Джемс встал, подошел к Дику и предложил:

— Давай, дружище, пропустим «огненной водички», а то у меня горло что-то совсем засохло.

Они поставили на стол алюминиевую флягу, холодную оленину и сели. Джемс налил кружки. Они чокнулись и выпили за счастье, за здоровье. Каждый пожелал друг другу долгих и счастливых лет жизни.

4

Иваном Выгодой звали другого старшинку, который со своей артелью начал работать рядом с ямами дедушки Пыха. Выгода был высокий и сгорбленный. Даже в большой шап-

ке-малахае голова у него казалась вытянутой. Иссеченное морщинами лицо давно не видело мыла. Впалые щеки покрывала густая рыжеватая щетина. Он казался каким-то колючим и злым.

Отец Ивана был богатый аргунский казак, который цепко держался за свое хозяйство. Когда в Забайкалье наступили беспокойные дни революции, он сказал сыновьям:

— Спасать надо царя, веру и отечество.

Он заседлал двух лучших гнедых коней и на прощание наказывал старшему сыну:

— Смотри, Иван, ухарство свое не показывай. Везде с расчетом, везде с выгодой действуй. Голову под пули не подставляй, для этого другие найдутся. А ты, — говорил отец другому сыну-офицеру, — помни, мне твоих крестов да медалей не надо, был бы сам жив. Ивана береги. Может, в штаб куда сунешься, то и братца к себе поближе пристрой, у него семья. Случись что, не приведи бог, сиротами останутся. Смотри, не забывай родительского совета.

Обнял Иван на прощание жену и ребятшек и с грустными думами поскакал вслед за братом к атаману Семенову.

Революционные войска, освобождая Забайкалье, гнали белогвардейцев на восток. В 1922 году части народно-революционной армии в городе Владивостоке прижали потрепанных белогвардейцев к морю. Когда Иван в памятный месяц октябрь подошел к берегу, он увидел большой океанский корабль, который уже готовился к отплытию. Иван знал, что на этом корабле уплывал в Америку его

брат-офицер. Возвращаться в свою деревню казак-семеновец побоялся и пошел скитаться по приискам, строго соблюдая наказ отца жить с расчетом, с выгодой.

Когда Выгода узнал, что недалеко, в соседней долине, живут два американца, он сразу же решил побывать у них.

Как всегда, в землянке американцев было жарко. Джемс блаженствовал, развалившись на койке. Дик тасовал карты. Выгода сидел на том месте, которое обычно занимал Степка, и рассказывал про свою жизнь.

— Как сказал? Зовут Иван, а кличут Выгодой? Очень оригинально, очень оригинально. Мистер Выгода! — смеясь, говорил Джемс.

Рассказав о себе все, Выгода стал просить Джемса взять его с собой, когда они будут возвращаться на родину. Американец сразу же согласился. О! Он хорошо понимает, что значит встретиться со своим родным братом. У него тоже есть брат, и очень хороший человек, который не один раз помогал людям, попавшим в беду. Конечно, он возьмет с собой русского, это ему ровным счетом ничего не стоит. А пока тот пусть спокойно работает на богатой золотой россыпи и добывает больше золота.

— Спасибо вам, душевное спасибо. Утешили душу, утешили. Благодарствую, благодарствую, — твердил растроганный прииска-тель.

— Возьмем. Если твой брат сбежал от большевиков в Америку, то и тебе здесь делать нечего.

Карты в руках Дика изогнулись, шелкнули

и как будто рассыпались, но в то же мгновение он их крепко сжал между пальцами.

— Возьмем. Как поедем отсюда, так и возьмем. В Америке места и тебе хватит. А пока работай спокойно и добывай... Америка золото любит. И ты, имея эту крупку дьявола, сможешь там начать свое дело, — подтвердил и Дик.

— Очень благодарствую, очень благодарствую.

— Ты вот так работай,—продолжал Дик.— Вот видишь карту? Раз—и ее уже нет. Она—в кармане. Вот так и ты делай, когда будешь золото отмывать. Раз—и золото все в твоём кармане, а твои помощники останутся при пиковом интересе, и никто не заметит.

Выгода смотрел и улыбался, как ловко Дик показывал фокус.

В этот вечер Выгода счастливым возвращался в свое зимовье. Мало выпало дней на долю Выгоды, когда он чувствовал себя счастливым, а если и были такие, то так давно, что он уже о них плохо помнил. Они, казалось, потерялись в тумане воспоминаний.

Приискатель неторопливо, вперевалку, шел и улыбался своим мыслям. Приятно похрустывал снег под лыжами.

Вечер был тихий. Солнце уже лежало в седловине гор. Не пройдет и пяти минут — оно спрячется за ломаной чертой горизонта. И только Выгода свернул в сторону, из-за молодых порослей лиственника к нему, слева, подкатили якут-охотник Данила Кузьмич и девушка.

У охотника за спиной болтались два связан-

ных зайца. Девушка, одетая в легкую куртку якутского покроя, отличалась стройностью и своеобразной красотой. Из-под легкой и теплой шапочки, сшитой из нежных шкурок горностая, выбились черные густые волосы. Щеки нарумянены морозом. На длинных ресницах серебристый иней. Кажется, что эта девочка сошла со страниц какой-то северной сказки.

— Драстуй!—поприветствовал охотник.

— Здорово были!—весело ответил Выгода.

— Я тебя пошто не знаю? Ты, наверное, недавно пришел?—рассматривая приискателя, спрашивал Данила Кузьмич.

— Точно. С добычей, значит. Американцам зайчишек несешь?

— Нет, моя нога совсем к ним не ходит,—ответил охотник.

— Почему?—удивился Выгода.—Они, вроде, люди добрые.

— Ты не знаешь. Они недобрые. Я не люблю их совсем.

— Но ты бывал у них?

— Бывал. Учил я их капканы ставить, долго учил, все рассказывал, а потом они у меня лисицу украли. Совсем плохие люди. Чистые воры,—с возмущением говорил Данила Кузьмич.

— А может быть, это не они украли?

Охотник засмеялся.

— Я знаю, какой след делает их лыжа. Как не они! Они.

Девушка стояла молча и слушала. Неприлично женщине ввязываться в разговор двух мужчин. Не женское это дело. Она оттолкну-

лась палками и быстро покати́лась. Выгода любовался, провожая ее взглядом.

— Это дивчина чьих будет?

— Внучка моя.

— Твоя? Красивая у тебя внучка, — с восхищением говорил Выгода, — красивая, прямо красавица, ровно царица какая. Родители ее с тобой живут, али в другом месте?

— Нет, мать ее давно померла. Отец ее тоже золоти́то мыл. Русский он был. Хороший человек был.

— Слышал я про него, как же, слышал. Значит, это он и есть?

— Ушел мыть золото и больше не пришел. Шибко жалко мне его.

— Да, жалко родителя, жалко. Сиротинкой, значит, она осталась. Бедная, — посочувствовал горю охотника Выгода.

— Однако, домой надо идти, — вдруг заторопился Данила Кузьмич.

— Ну, ладно, бывай здоров.

— Ты тоже бывай здоров.

Уже утонул в сумерках дальний лес.

5

Старатели поели отваренной медвежатины и пошли на работу.

— Эвон, гляди, возле наших ям опять Выгода вертится. Наверное, пробу брал, — обратился дядя Гриша к старшинке, который шел позади него, — вот холера! Все хочет знать, как у нас золотит.

Выгода действительно похаживал около выработок дедушки Пыха. Сейчас он стоял на расчищенной от снега площадке, где уже были видны контуры заложенной ямы.

— Так не гоже, товарищ,—сказал дедушка Пых Выгоде.

— Почему же это не гоже?—спросил тот, подоткнув концы кушака и упершись на лопату.

— Да разве это по правилу? — нарочито громко произнес дедушка Пых.

— А тебе что, места жалко?

— Да мы же забоем идем сюда и сегодня только хотели здесь зарезать другую яму.

— Значит, прохотели. А я по правилу, отсчитал пять сажений и зарезал.

— Да какие же здесь пять! Так не по-соседски. Тут пяти сажений ни в жизнь не будет.

— А ты измерь возьми. Я же отсчитывал.

— Твоими шагами если считать, то можно бы и согласиться... А то ведь здесь меряно куриными,—вмешался Андрейка и начал вновь отсчитывать пять сажений от своей старой ямы. Шаги он делал нарочно широкие.—Какие же здесь пять! Здесь не больше трех,—сказал молодой приискатель.

— Давай, паря, откочевывай дальше,—заявил дедушка Пых.

— Эх вы, чижиково племя! Если так будете мерить, дак я вас одним махом отсюда сдвину!—вспылил Выгода и начал размахивать руками.

— А ты нам,—сказал дядя Гриша,—не показывай эти самые, ну...Андрейка, как их,

картинки, которые в книжках бывают, да ты сегодня говорил...

— Иллюстрации, дядя Гриша.

— Во, во. Так вот, ты нам брось рисовать эти иллюстрации, мы их не один раз видывали. И вообще ты не того, а то мы тебя того. Раскудахтался и прочее и тому подобное в этом смысле.

— А ты не вязни,— цыкнул Выгода на дядю Гришу.

— Пойдем, Андрейка, ну его, пустомелю,— махнул вдруг рукой дядя Гриша. Он сразу остыл, излив свой гнев в несколько туманных, но «интересных» выражениях. Дядя Гриша любил щегольнуть словечком.

Андрейка наколот дров, подбросил в костер, натаскал в зумпф снега, стал из костра лопатой выгребать раскаленные камни и бросать в зумпф. Клубы густого пара поднялись вверх.

Андрейка уже натаял воды из снега, чтобы промыть пробу из новой ямы, которая вчера еще села на пески.

Дедушка же Пых все еще спорил с Выгодой, как будто речь шла о большом наследстве. А спорить по сути дела было не из-за чего. В других ямах шло такое же золото, ничем не богаче и ничем не беднее. Но дедушка Пых спорил с жаром и даже сердился, обвиняя соседа, что тот слишком близко подобрался к нему. Уступи он без спору участок, опытный Выгода сразу поймет, что этим местом несколько не дорожат. Бросит старатель свою затею и начнет искать новое место. И чего доброго, отмерит пять саженей от их новой ямы,

в которой дедушка Пых ожидал богатое золото. Вот тогда иди, целуй его.

— Ну, вот,— дедушка Пых шагнул один шаг от только что зарезанной ямы противника и пнул кусок снега,— вот здесь можешь искать свое счастье.

— Я шибко-то не принципирую, могу и тут,— согласился Выгода, подоткнув конец кумачевого кушака.

— Вот тогда и бей ее, холеру, здесь, только прок-то небольшой будет,—уже искренне сказал дедушка Пых.

Он подошел к Андрейке, который все еще выгребал раскаленные камни.

— Давай пробовать будем из той вон,—ткнул старшинка пальцем через плечо.

Андрейка взял котелок и бегом бросился к яме. Давно ждал молодой приискатель этой минуты, когда будут брать пробу. Он осторожно спустился, упираясь руками в мерзлые стенки.

— Правея, правея давай!— командовал старшинка сверху.—Вот здесь и бери.

Андрейка отгреб еще теплый вчерашний бут и стал кайлить породу.

— Нагребай!— крикнул дедушка Пых, спуская на веревке котелок.

Пробу вывалили в лоток.

— Ничего, взыграет еще у нас селезенка, как на дурнинуку потрафим. Я же чувствую, как она у меня начинает поднывать,—захоробрился дядя Гриша.

Он сунул лоток до половины в воду и гребком начал разбивать комки. Потом сел на корточки и плавными движениями, держа ло-

гок обеими руками, начал его покачивать, то зачерпывая воду, то спуская ее вместе с небольшой частью породы.

Дедушка Пых стоял с полузакрытыми глазами. Казалось, что он дремлет после тяжелого труда и мучительного ожидания, в дремоте распуская синюю струйку дыма по ветру. Много он за свою жизнь перевидел проб, много смыл лотков и всегда испытывал волнение в эти решающие минуты.

Андрейка, почти не мигая, смотрел, как постепенно убывала порода в лотке.

— Как, по-твоему, дядя Гриша, зазолотит али нет? — тихо спросил молодой старатель.

Люди стояли и молча смотрели в мутную воду, где купалась деревянная посудина.

Но вот умелые руки сделали еще несколько осторожных и плавных движений, и дядя Гриша тряхнул. Золото выскочило из-под мелко-го черного шлиха и застыло большим полумесяцем на дне лотка. В глазах старого приискателя зажглись огоньки азарта.

— Золотит,—проговорил, переводя дух, дядя Гриша и взглянул в сторону Выгоды.

Андрейка, увидев золото, невольно приподнялся и стоял, упершись руками в колени.

— И как ты его чуешь, Филипп Егорыч?—спросил Пыха один из приискателей.—Тут отродясь никто бы не придумал яму бить, совсем в стороне...

— Здесь нужен собачий нюх да еще прахтика,—ответил за него дядя Гриша.—Будет теперь золото у нас, как лоток так и пудок. Мы нежадные, нам и этого хватит.

— Не прахтика, а практика, поправил Андрейка.

В другую минуту не осмелился бы молодой приискатель делать замечания бывалому, но сейчас столько радости! Ему хотелось что-нибудь сказать доброе, хорошее. Но все старатели стояли хмурые, хотя в душе у каждого ключом кипела радость. Они боялись, что их с «хальным» золотом может разоблачить проворный сосед.

— Тащи, Андрейка, миску под пробу,— проговорил дядя Гриша.

Паренек бросился со всех ног выполнять поручение.

— В тех ямах нам придется пока поваландаться,—говорил дедушка Пых, принимая от Андрейки миску,—посмотрим, куда там пойдет золото, тогда еще пробить ямы две-три можно будет, а потом и бросим.

— Правильно,—согласились старатели.

— А хватит ли у нас у всех этой... Как, Андрейка?

— Инициативы, что ли?

— Во, во. Вот и я говорю хватит ли у нас инициативы, а то мы развернемся, да и того...

— Хватит,—заверил его Андрейка.

Четыре человека пошли за дровами, чтобы заложить большой бут у богатой ямы. Остальные начали поднимать пески из старых ям. Работа шла вяло и медленно. Каждый думал только о новой яме: а что она даст завтра?

На площадке, где Выгода решил пробить яму, уже горел яркий костер. «Пусть, холера,

колотит, мы их тоже немало прохлестали пустых», — думал дядя Гриша.

О чем бы ни разговаривали старатели, Филипп Егорыч думал свою думу: кому сообщить о золоте на Учугэе? Решал и не мог решить. Однажды он уже написал письмо своему товарищу, чтобы тот сходил к начальнику прииска и рассказал о богатой россыпи, но передумал и письмо изорвал. Не поверит начальник на слово, что где-то там, далеко на севере, есть золото. Много существует сказок о золоте, нельзя верить каждой. Что делать? Кому сообщить? Старатель долго ломал голову.

Как-то вечером Андрейка опять рассказывал о новой жизни у них на прииске. Он с гордостью говорил о красавице-драге, которая, черпая породу, своими большими ковшами гремит на всю тайгу. Рассказывал и о рудном золоте, найденном в горе.

— Слушай, Андрейка, а план пятилетний, про который ты рассказывал, на наш прииск тоже распространится?

— А как же! По этому плану у нас на прииске фабрику будут строить, золото извлекать из руды. Из Москвы приказ пришел про эту фабрику, — с гордостью ответил молодой приискатель.

— Из Москвы! Значит, про наш прииск и Москва знает? Так, так. Москва знает.

Андрейка рассказал о недавно выстроенном клубе, о больших переменах, происшедших в жизни приискового люда.

— Факт, все изменилось, — согласился дядя Гриша.

— Обожди ты!— цыкнул старшинка.— А правда ли, Андрейка, что во всех домах приискателей горит электричество?

— Своими глазами видел,— с готовностью ответил тот.

— Ну, уж если на нашем маленьком приiske фабрику строят и электричество есть, то в городах-то, в больших городах, наверно, сильно большие фабрики, а? Так, значит, и Москва про то знает? Так, так.

Мысль Филиппа Егорыча усиленно заработала: «Вот он, правильный-то путь! А Москва что хочешь сделает. Она-то уж разберется, где электричеству гореть».

Вечер был уже поздний, а старатели все еще не спали. Они сидели и рассуждали, как добыть продукты.

— Золото у нас вывернулось доброе,— сказал старшинка,— это верно, а продуктов мало. Если остаться еще на одно лето, то факт — заголодуем.

— Как Шамякин,— заметил дядя Гриша.

— Какой Шамякин? — поинтересовался Андрейка.

— Вот как жрать нечего будет, так Шамякина узнаешь.

Дядя Гриша рассказал, что будто бы где-то в тайге жил охотник, фамилия его была Шамякин. Жил он один, и вот вышел у него порох, охотник стал голодать. Он не мог добыть себе даже дохлого зайца. Сильно ослаб охотник. Лежал как-то на нарах и думал, чего бы ему поесть. Мыши скреблись под нарами. Решил он поймать хоть мышь. Залез под нары и

начал ковырять ножом мýшью порку, а в ней оказался золотой песок. Обрадовался охотник, стал дальше копать. Пока копал, ослаб окончательно.

— Воткнулся носом в золото и помер,— закончил дядя Гриша,—с тех пор и стали говорить, что Шамякин придет. Вот как бы с нами не случилась такая же история, как с Шамякиным.

Долго судили и рядили старатели и, наконец, пришли к одному: идти старшинке к Даниле Кузьмичу и просить его о помощи.

Утро. Морозно и тихо.

Филипп Егорыч с Андрейкой нацепили лыжи и отправились в путь.

Стояла, как замороженная, тайга. Каждое деревцо куталось в пуховую кухту. Кругом ни звука, только слышно, как поскрипывает снег под лыжами.

— Эээ!—крикнул дедушка Пых, когда поднялись на пригорок.

И тайга и горы ответили:

— Эээ-эй! эй! эй!

Он в эту минуту не испытывал ни радости, ни восторга. Ему просто хотелось вспугнуть тишину, показать, что здесь есть человек. Дедушка Пых оттолкнулся палками и покатился вниз.

Быстро добрались они до юрты Данилы Кузьмича.

Когда разговор о здоровье и об охоте кончился, старшинка с суровой прямоотой сказал:

— К тебе я, Данила Кузьмич... с просьбой.

— Говори, слушать буду.

Филипп Егорыч сидел против печки и в раздумье поглаживал бороду. Лицо его хорошо освещено пламенем горящих дров. Брови, как никогда, насуплены, глаза смотрят печально.

— Решили было мы уходить, да передумали, до весны хотим додюжить, а там видно будет,—говорил дедушка Пых.—Но с продуктами у нас плохо, не хватит нам, никак не хватит.

— Плохо тогда вам будет.

— И вот решили мы, — продолжал дедушка Пых,—обратиться к тебе. Все ребята просят. Помоги нам.

Трудно отказать в просьбе друга, когда у друга большая беда. Всем хорошо известно, как тяжело таскать пустой желудок, даже с тяжелой добычей идти легче.

— Я и так помогаю.

— Это верно, что помогаешь, за это мы всей артелью тебе спасибо говорим. Но вот у нас... Видишь, Данила Кузьмич, муки у нас мало и соли. Выручай нас, а то нам в пору хоть уходи.

— Соли я вас дам и мяса буду давать, ну и муки маленько можно.

— Вот, брат, спасибо за подмогу,— сразу ожил приискатель.

Филипп Егорыч стал рассказывать о своем заветном желании послать письмо в далекую Москву. Охотник выслушал его и сказал:

— Письмо в Москву... Наверно, можно сы-

на послать, до почты довезет. Пусть в Москве знают про наше золото. Наверно, не зря пове- зет. Камень бросишь в реку — не найдешь. Медведя по чернотропу трудно следить. Пись- мо дойдет или нет, как можно сказать? Од- нако, сердце чует — дойдет. Давай посылать будем.

— Вот, брат, спасибо, что согласился, боль- шое спасибо,—от души благодарил прииска- тель охотника.

Андрейка не спускал глаз с девушки. Любо- вался на ее красивые волосы, заплетенные по- русски в толстую косу. Следил за каждым ее движением, и ему нравилось в ней все. Нра- вилось, как она поворачивалась, немного скло- нив голову, как ловко расстилала мягко выде- ланные шкурки. Иногда Андрейка ловил ее взгляд, который и смущал его и вместе с тем вселял незнакомую, живительную бодрость.

Но вот девушка подошла и снова села ря- дом с Андрейкой. Они сидели немного в сторо- не от приискателя и охотника. Андрейка сму- щенно мямля свою шапку.

— Красивое у тебя имя, Сарданга. Я все хо- чу спросить, как по-русски будет Сарданга, — насмелился наконец он заговорить.

— Тебе нравится мое имя? Это дедушка мне его дал. Я родилась рано утром. Дедушка вы- шел из юрты, а на небе горела красивая румя- ная заря, вот он и назвал меня Сардангой. По-русски это — заря.

— Красивое тебе дедушка имя дал.

Сварилось мясо. Аромат его разносился по всей юрте. Сарданга поставила на столик мис-

ки и выскочила из юрты. Она быстро подбежала к амбарчику и исчезла в нем.

Ни один Андрейка заглядывался на Сардангу. Частенько около юрты старого охотника мелькала и долговязая фигура Дика. Вот и сейчас подкатил к амбарчику, отстегнул лыжи и встал около самой двери, загородив дорогу и глупо ухмыляясь.

Девушка выскочила и, увидев американца, сердито сдвинула брови.

— Какая ты сегодня красивая, Сарданга, — стараясь придать голосу ласковость, произнес Дик.

— Уйди с дороги, — требовательно сказала девушка и попыталась пройти.

— Сарданга, почему ты на меня всегда так сердито смотришь? Ведь я ничего плохого тебе не делал.

— Уйди, или я закричу.

— Я хочу увидеть улыбку на твоем личике. Когда ты улыбаешься, ты делаешься просто прелестной. Сарданга...

— Уйди!

Девушка попыталась проскочить мимо американца, но Дик крепко сжал ее в объятиях, пытаясь поцеловать.

— Пусти! — крикнула девушка.

Андрейка первым услышал крик и выскочил из юрты. Вот он уже возле Дика. Рванул его за плечо. Тот повернул к нему голову и выпустил девушку. Сарданга отскочила в сторону. Андрейка со всей силой толкнул в грудь Дика и дал по-деревенски подножку. Дик спиной упал на поленья и сучья, которые тут

же лежали на земле. Лицо американца перекосилось от боли и злобы. Он, морщась, стал медленно подниматься.

— Ах, ты... — выругался Дик.

Американец поднялся, но между ним и Андрейкой стоял уже дедушка Пых.

— Уйди, старик, уйди, — в бешенстве кричал Дик.

Руки его, сжатые в кулаки, стали медленно подниматься. Кажется, еще мгновение, он оттолкнет Пыха и набросится на Андрейку. Лицо его искажено. Но в это время прогремел выстрел, и все повернулись в ту сторону. К юрте быстро спешил на лыжах Джемс. Это он выстрелил. Американец видел все и сейчас торопился к месту происшествия. Дик отошел в сторону и сел на старые нарты. Джемс быстро отстегнул лыжи, подошел к Пыху и виновато заговорил:

— Прошу извинения, прошу извинения, как все нехорошо получилось. Я несколько не виню вас. Прошу извинения. Мы должны жить дружно, как жили все это время. Нам, собственно, и делить нечего. Забудем все это и будем жить по-прежнему дружно, как жили.

— Пойдем, однако, в юрту медведя кушать, — пригласил охотник Филиппа Егорыча.

Джемс с перекошенным от злобы лицом смотрит на Дика и цедит сквозь зубы:

— Дурак. Настоящий дурак. Ты так можешь загубить все наше дело. Любовник! Мальчишка! Видите ли, он влюбился и начал устраивать сцены ревности.

Джемс сидел за столом и читал изрядно потрепанную книгу. Вернее сказать, он просто смотрел в книгу, мысли его витали где-то возле его будущего богатства.

Дик, обнаженный по пояс, избивал грушу, подвешенную в углу для тренировки.

— Будет тебе стучать, читать не даешь. И вообще меня выводит из терпения эта твоя дурацкая затея.

Дик сделал глубокий вдох и сказал, обращаясь больше к себе, нежели к Джемсу.

— На сегодня, пожалуй, хватит.

Он снял перчатки, повесил их на гвоздь рядом с грушей и сделал несколько приседаний. Потом обтер полотенцем слегка вспотевший торс.

— Слушай, старина, ты должен понять, что чем больше я колочу этот глупый пузырь, тем крепче моя рука держит приклад винчестера. Я с одного выстрела разбиваю грецкий орех на сто ярдов, пронзаю бекаса влет, я...

— Довольно, хватит молоть.

— А ты знаешь, я вспомнил один случай, который произошел со мной на соревновании. Это было лет десять тому назад, я...

— Знаю, хорошо знаю, — перебил Джемс, — ты обстрелял на национальных стрельбах чемпиона Америки. Я слышал от тебя об этом в первый же день нашего знакомства и потом еще слышал не одну сотню раз твое вранье.

Дик никогда не обижался, если ему не ве-

рил Джемс. Он и сам не верил многим рассказам своего партнера.

— Ты считаешь меня болтуном, а моей стрельбе, если хочешь знать, позавидовал бы сам дьявол. И в тот раз, если бы не мой точный выстрел, то лежать бы мне с простреленным черепом.

— А вот мой дед, который чуть не стал миллионером, говорит, что от глупой головы пули летят рикошетом.

— Глупая голова! Вспомни о трех приискателях. Я думаю, ты их хорошо помнишь? А? — с ехидством спросил Дик. — Да если бы тогда не мой выстрел, которому бы позавидовал сам чемпион Америки, то ты давно бы не ел оленье языки и медвежьи отбивные.

— Хвастун.

— Вспомни, как тебя душил приискатель. Он тебе чуть не откусил нос. Представляю, наш старина без носа, и мордочка гладкая, как сковородка.

Дик весело и громко захохотал.

— Старина без носа!.. Как сковородка!

Глаза Джемса сузились и налились кровью, зубы закрипели. Он одним движением схватил нож и бросился на своего компаньона. Дик отскочил. Рука Джемса с ножом уже была занесена для удара, но Дик ловко поймал эту руку и ударом слева уложил своего противника. Толстенная фигурка грохнулась, как подкошенная.

— Умалишенный!

Капли пота выступили на лице Дика. Белесый шрам, идущий от самого глаза до нижней челюсти, стал багровым. Мускулы на

щеке все еще подергивались, а глаз почти закрылся. Но, несмотря на нервное напряжение, Дик словно заправский судья на ринге, высоко размахивая рукой, сосчитал до десяти. Потом поднял Джемса и уложил его на кровать.

— Умалишенный! Моли бога, что я сегодня видел во сне свою дорогушу, и у меня доброе настроение.

Дику больше не хотелось ни минуты оставаться вместе с Джемсом. Он взял винчестер, оделся и вышел. Нацепив лыжи, он заскользил вдоль долины. Забравшись на высокую гору, быстро покатился вниз, лавируя между кустиками, делая крутые повороты. Он наслаждался скоростью. Но вот он выкатился на широкое поле и остановился. На снегу был хорошо виден след лисы и глубокая черта вдоль него. Дик сразу же понял, что это прошла лиса с капканом. Такой след ему уже приходилось видеть. Дик, не теряя времени, развернул лыжи и помчался по следу.

...Ярко блестит снег. Андрейка и Сарданга шли на лыжах вдоль широкой долины.

— Стой, Андрейка, стой. Вот хороший лисий переход. Давай здесь поставим капкан.

Девушка сбросила рукавицы и ловко скинула кожаный мешочек, который был у нее за плечами. Она опустилась на колени, вынула из мешочка небольшой ремешок и двухпружинный капкан. Сложила ремешок вдвое и, чтобы перерезать его, вытащила из-за пояса нож.

— Какой интересный нож. Что у него на

ручке вырезано? — Андрейка с любопытством разглядывал рукоять ножа.

— А ты знаешь, чей он?

— Разве не твой?

— Этот нож вчера дедушка нашел возле нашей юрты.

— А кто его потерял? — удивился Андрейка.

— Кто потерял, не знаю. А нож этот моего отца. Когда он уходил последний раз, нож был у него, а вот вчера дедушка у юрты нашел.

— Откуда же он вдруг появился?

— А кто его знает.

— Странно. — Андрейка нахмурился и, сразу забыв о ноже, живо представил вчерашнюю схватку.

«У-у, долговязый! Туда же!»

Девушка взяла капкан, направила насторожку и начала сжимать тугие пружины. Андрейка сидел рядом на снегу и любовался ловкостью девушки. Юная охотница медленно сдавливала пружины.

— Давай я помогу, — предложил свои услуги Андрейка.

Он протянул руки, склонился ниже, помогая взводить пружины, и вдруг, сам не зная как и почему, поцеловал Сардангу в щеку. Девушка откинулась назад и внезапно опустила пружины. Дуги капкана крепко охватили пальцы Андрейки. Он вскрикнул. Сарданга увидела его пальцы в капкане и залилась смехом. Сконфуженный, он морщился от боли.

— Вот крупный лис попался! Однако мне

теперь придется. помогать, — смеясь, проговорила девушка и быстро сжала пружины.

Андрейка, морщась и не смея взглянуть на юную охотницу, растирал отдавленные пальцы. А та, как ни в чем не бывало, насторожила капкан, аккуратно маленькой деревянной лопаточкой сделала небольшую нишу под самым следом лисы и поставила его туда. Замаскировав капкан, она стала маскировать и свои следы. Поцелуй прошел как бы незамеченным.

— Но, вот и все. Теперь в этот капкан уж если попадется, то настоящий лис. Пойдем смотреть, что попало в те наши капканы.

Они быстро и легко покатались вдоль мелкого перелеска и пересекли небольшую поляну.

— Правее, Андрейка. Капкан стоит вон возле того куста.

Подкатились к кусту.

— Во та-та! Лиса ушла с одним капканом, а потаск оторвала, — осмотрев место, сказала охотница.

Андрейка поднял небольшое березовое полено и стал рассматривать.

— Ремешок подвел.

— Бывает и так. Давай догонять будем. Лиса-то, видно, чернобурка.

— Но! А ты как узнала? — удивился молодой охотник.

— А вот видишь волоски из ее шубки.

— Правда, чернобурая, — согласился Андрейка, рассматривая несколько волосков, которые подала ему Сарданга.

Они направились по следу лисы.

— Вот хорошо, что лиса сюда пошла, туда ушел дедушка капканы проверять.

Сарданга с Андрейкой катились по следу, пересекая то ложок, то молодые поросли березняка. Вот они вышли на большое поле.

— Кто-то уже нас опередил, — сказал Андрейка, показывая на лыжню.

Девушка внимательно осмотрела лыжню.

— Это Дик, у него всегда правая лыжа чертит. Вот худой человек.

— Чужой лисой хочет поживиться, — сразу опять распалился Андрейка. — Пойдем догонять его и отберем нашу лису.

Они снова идут по следу. Пересекли реку Комюсь-Юрях и вышли на чистый луг.

— Вон, смотри, еще одна лыжня справа. Интересно, кто это прошел.

Они подкатились к тому месту, где сходились две лыжни, и девушка внимательно стала осматривать оба следа.

— Дедушка прошел, — радостно воскликнула Сарданга. — Оpozдал американец. Вот видишь кровь, это дедушка подстрелил здесь нашу лису.

— А как ты знаешь, что дедушка здесь был раньше Дика.

— Ты разве слепой? Видишь, Дик его след затоптал, значит, он после дедушки пришел.

— Точно, — согласился молодой охотник, уязвленный словами девушки.

...Дик подошел к тому месту, где Данила Кузьмич взял лису, и долго стоял, сожалея, что не ему досталась дорогая добыча. Посмотрев еще раз на капли крови, Дик направился прямо к юрте. Когда американец за-

шел к Даниле Кузьмичу, якут сидел на шкуре, разостланной возле печки, и что-то выстругивал длинным и острым ножом. Дик присмотрелся и понял, что старый охотник делает самолов на горностаю.

Американец всегда удивлялся искусству этих дикарей, как он называл про себя якутов. Они умеют отлично выковывать из старого подпилка красивые и прочные ножи. Этими самодельными ножами выделывают такие изящные вещи, которых не смастеришь и хорошим инструментом. Взять хотя бы вот этот самолов. В продольных стойках так чисто выбраны пазики, где будет ходить давок, и так хитро и вместе с тем просто устроена насторожка, что стоит только горностаю коснуться лапкой прутика, и он сразу же будет убит, а дорогая шкурка при этом останется совершенно целой.

Данила Кузьмич отвечал на вопросы Дика, не отрываясь от работы. Охотник не любил этого американца и его товарища. Правда, они ничего плохого ему не сделали, наоборот, когда они приходили, то были очень приветливы и разговорчивы. Но сам он бывал у них редко — худые люди. Первый раз он зашел к ним, возвращаясь с охоты. Подошел к землянке и увидел: в железном пробое на дверях висел большой замок. Данила Кузьмич долго вертел замок, и ему показалось обидно. Своей юрты он никогда не замыкал. Разве охотник может быть вором! Разве здесь есть воры!

Данила Кузьмич хорошо помнил, хотя и был тогда еще парнишкой, как в трудный год

у охотников вышли порох, свинец, и они начали голодать. А на фактории у американа стоял полный амбар с хорошими продуктами, там даже мука была, сахар был. Люди умирали с голоду, но как возьмешь все это! Начальник печать повесил и уехал. Кто даст порох? Кто даст продукты? Много людей умерло, пока американ вернулся.

А тут замок висит! Зачем висит?

Спустя немного времени, Данила Кузьмич снова зашел к американцам. На этот раз они были дома. Посидел, поговорил, и они его не угостили чаем. Как можно отпустить человека без чаю, когда он зашел с мороза погреться! Как можно говорить о новостях в тайге, когда не глотаешь крепкий горячий чай! Застревают слова в сухом горле. Нет, не нравились старому охотнику такие люди.

Данила Кузьмич решил нарушить закон тайги. И стал их принимать так же, «по-американски», без угощения. Вот и сейчас они сидели и разговаривали. Но Данила Кузьмич не предлагал гостю чаю.

— Ну, а как идет охота? — поинтересовался Дик.

— Во! Сегодня попалась.

Охотник взял шкурку чернобурой лисы и бросил Дику. Как будто сноп ярких искр рассыпался на коленях у Дика. Пышный мех, освещенный огнем печки, отливал серебристым блеском, и в каком-то сказочном переливе по нему будто катались, то угасая, то вспыхивая, тысячи алмазных блесток.

— Какая чудесная! — восхитился Дик.

Он даже приподнялся, любуясь красивым

мехом. Охотник улыбался, глядя на Дика, который с жадностью смотрел на дорогую шкурку, сожалея, что не опередил охотника.

— Дорогая! — как бы в ответ на свои мысли проговорил американец.

Данила Кузьмич кивнул головой, не выпуская изо рта трубку.

— Ты, наверное, тоже поймал лису? Я тебя много учил, как капкан надо ставить, как снег маленько засыпать. Чистый капкан надо ставить, голой рукой капкан брать нельзя. Лиса чуют будет, бояться будет. Много знать надо, тогда маленько обманешь лису.

— Нет, у меня что-то не получается с этим делом. Никак не могу поймать.

— А сын мой и Сарданга ловко обманывают. Эту лису они поймали. Однако, лучше меня ловят, — и охотник засмеялся.

— Они что, наверное, капканы смотреть ушли?

— Нет, сын уехал.

— Куда?

— Далеко уехал.

— К кому это он надумал? На фабрику, наверно?

— Нет, письмо повез.

— Письмо! Кому письмо? Какое?

— Пых написал про наше золото в Москву. Пусть Москва знает.

— Вот еще надумал... Скажи ты! Давно уехал? — с беспокойством спросил Дик.

— Нет, совсем недавно.

— Так, так, — в раздумье произнес Дик.

Американец быстро встал и, не попрощавшись, выскочил из юрты.

Сарданга с Андрейкой, неторопливо передвигая лыжи, шли по руслу реки Комюсь-Юрях. Дик, делая большие взмахи руками, быстро катился навстречу молодым охотникам. Как будто не замечая их, он хотел проскользнуть мимо.

— Вы у нас были? — спросила девушка.

— Да, гостил у вас.

— Дедушка дома?

— Дома.

И Дик оттолкнулся палками.

— Эй, подождите-ка! — неожиданно вспомнив, крикнула Сарданга.

Девушка подошла к американцу.

— Возьмите свой нож.

Дик протянул было руку, но рука вдруг застыла в воздухе. Однако через мгновение он уже спокойно взял нож и стал его рассматривать.

— Это не мой. Вы ошиблись, милая девушка, — осклабился он, подавая нож Сарданге.

Оттолкнувшись палками, быстро покатился. Сарданга задумчиво смотрела ему вслед. Потом повернулась к Андрейке.

— Возьми этот нож в подарок, как память о моем отце.

Дик быстро бежал к своей землянке. Он еще не осознал, что может произойти из-за этого письма. Но внутренний голос подсказывал, что им угрожает опасность. Скорей к Джемсу! Джемс разберется и решит, что нужно делать. Дик неутомимо работал руками и ногами, не теряя ни секунды. Еще, еще — и

вот последний поворот. Дик отстегнул лыжи и бегом бросился в дверь.

— Джемс! — попытался крикнуть он, но вместо крика вырвался только хрип. Горло пересохло от быстрого бега.

Джемс лежал на кровати и, раскинув руки, крепко спал. Дик бесцеремонно схватил его за ворот и посадил.

— Джемс, старина, ты слышишь? — тяжело дыша, кричал он.

Джемс открыл глаза и потянулся, а Дик торопливо и сбивчиво рассказывал.

— Что ты мелешь! — начиная понимать в чем дело, крикнул Джемс и вскочил с кровати. Он выругался и заметался от стенки к стенке, как пойманный в клетку зверь.

А Дик повторял:

— Письмо в Москву, понимаешь, в Москву... Уехал часа два тому назад.

После утренней истории у Джемса было паршивое настроение. Но он не хотел поддаваться ему и, пока готовил завтрак, пел веселую песенку, стараясь внушить себе, что теперь уже, наверное, недалек тот день, когда они застолбят долину Учугэя и начнут свое большое дело. А десяток минут назад он видел приятный сон. И вот тебе на! От волнения у него даже затряслись колени. Он хорошо понимал, что значило это письмо в Москву о золоте на Учугэе. Оно ставило под удар все их планы, делало их нищими. Он круто повернулся, подскочил к Дику, схватил его за ворот...

— Беги к Степке за оленями... Догонять!

Дик не возразил ни слова, подхватил шапку и выскочил.

Джемс чувствовал себя плохо. Болезненные толчки сердца отдавались в висках. Мысли, одна страшнее другой, проносились в голове. Он запрокинул флягу, сделал несколько глотков спирта, потом схватил со стола трубку, набил табаком и начал раскуривать. Спрессованный табак не горел. Трубка ударилась рикошетом об пол и улетела в угол. Нетерпеливые мысли сменяли одна другую. «Что так долго копается кашалот Дик, надо скорее, скорее. Их всех надо было уже давно перестрелять: и Степку, и охотника, и приискателей... Тысячу раз был прав мой дед, когда говорил, что порох делает людей богатыми, а я пронянчился — и вот на тебе, я нищий».

Ведь когда на Учугэй пришла первая артель приискателей, Дик сразу же предложил их всех до одного убить. Но Джемс не согласился. А потом пришел со своей артелью этот «мистер Выгода», и перебить около двух десятков человек стало не так просто. Тем более, что эти люди не бродили по тайге в одиночку, а все время держались вместе.

Тогда Джемс и Дик сидели за столом и спорили, спорили долго, как им быть с приискателями. В это время к ним зашли четыре человека во главе с Пыхом. Американцы их хорошо приняли и угостили. На вопрос Пыха, что они здесь делают, Джемс заверил, что их совершенно не интересует золото. Они здесь живут и изучают мир и природу.

— А летом мы ловим бабочек, которые порхают на цветочках, и делаем из них кол-

лекцию для самого большого университета в Америке, — пояснил Джемс.

Дедушка Пых им сказал, что они не против ловли бабочек, за которыми американцы так далеко приехали, но напомнил о шести человеках, что жили здесь до них и из которых остался в живых только один. И тут же старшинка артели дал понять, что если случится беда хоть с одним из приискателей, то они перестреляют дальних гостей, как куропаток. Джемс возмутился, выскочил из-за стола. Размахивая руками, он что-то громко говорил, путая русские слова с английскими. Пых понял одно, что Джемс и Дик хотели дружить с приискателями, но теперь никогда больше не придут к ним.

— Пошто не ходить, по-соседски всегда можно приходить, пожалуйста.

...Джемс с беспокойством выглянул в дверь, но Дика с упряжкой все не было.

Только через час пара белоснежных оленей в добротной упряжке выскочила на широкое русло реки Комюсь-Юрях. Впереди на нарте сидел Джемс и без усталости шестом-хореем погонял двух рослых быков. Сзади пристроился Дик, держа в руках крупнокалиберный винчестер. Проехав километров пять, они увидели свежий след, оставленный нартой. Не могло быть никакого сомнения, что нарта прошла сегодня: след не был засыпан вчерашней порошей.

Олени бежали дружно. Американцы сосредоточенно смотрели вперед. Они хорошо знали, что посланный с письмом не будет торопиться. Дорога дальняя, и он, сохраняя силы

животных, поедет не спеша. Американцы молчали с тех пор, как сели на нарты. Все было ясно без слов. Только бы догнать сына охотника. И вдруг Дик показал рукой на черную движущуюся точку:

— Он! Это он!

Приподнявшись на коленях, Дик всматривался вперед. Джемс тоже встал на колени, но сколько он ни напрягал зрение, ничего увидеть не мог. В это время нарта вильнула и правым полозом ударилась о торос льда. Дик потерял равновесие и полетел в снег, увлекая за собой Джемса. Олени сначала бросились быстрее, но потом, не чувствуя ударов палки, пошли тише. Дик первый вскочил на ноги. Оценив обстановку, он быстро сбросил с себя длинную шубу и в легкой тужурочке кинулся догонять нарту. Морозный ветер дул навстречу. Дышать было тяжело. Казалось, это был не воздух, а ледяная вода, которую он глотал. Нестерпимо ныли зубы, и он чувствовал, как леденело горло.

Когда Дик, размахивая руками, подбежал уже вплотную к нарте, олени, напугавшись, бросились и перешли на рысь. Силы покидали Дика. Еще немного — и он упадет, и уже больше ему не подняться. Сбавив ход, он бежал, боясь запнуться. Олени снова пошли шагом, и Дик снова был близко от нарты. Он бежал, опустив низко руки, стараясь незаметно сокращать расстояние между собой и нартой. Вот уже нарта в каких-нибудь пяти метрах, Дик собрал все свои силы. Вот она уже в четырех. Только бы не бросились снова олени, а то все пропало. Тогда уже ни за ка-

кие миллионы не догнать эту проклятую пару оленей. Три метра... Дик молил бога о помощи, клял оленей, себя и Джемса. Еще немного, и он схватится рукой за ремень. Пятьдесят сантиметров. Американец осторожно протянул руку, сделал пошире шаг и упал на нарту. Минуту он лежал неподвижно, потом приподнял голову и натянул ремень. Олени послушно остановились. Держа одной рукой ремень, он подхватил нарту за самый задок и затащил ее, описывая полукруг. Теперь упряжка стояла головой в противоположную сторону. Размахивая руками, он гнал оленей навстречу Джемсу. Тот шел шагом, держа в обеих руках по винчестеру, а через плечо перекинув шубу Дика. Снова Дик развернул таким же образом упряжку. Скорей, скорей, нужно наверстать упущенное время. Они оба не сомневались, что скоро нагонят сына охотника.

Берега реки или широко расступались, или же, наоборот, сужали русло так, как будто хотели задавить вовсе. В этих узких местах поверхность льда была очень торосистой. Джемс и Дик соскакивали с нарти, осторожно проводили оленей и мчались снова. Выскочив из-за крутого поворота, они увидели недалеко от себя спокойно, вразвалку бегущих оленей. Расстояние быстро сокращалось. Едущий впереди не торопился, его шест-хорей лежал рядом. Нарта Джемса проскочила вперед, обогнав преследуемого, и остановилась. Джемс был уже на ногах, держа в руках винчестер. Вот он возле нарти незнакомца, но вдруг его лицо исказилось. Дик тоже

от удивления открыл рот. Вместо молодого охотника, перед ними была старуха. Ее глаза смотрели удивленно и испуганно. Джемс в эту минуту так растерялся, казался таким смешным и жалким, что Дик не мог удержаться от смеха. Показывая на старуху, он крикнул:

— Что ж, забирай ее вместо сувенира! Это тебе господь бог послал!

Но нельзя было напрасно терять время на зубоскальство. Они быстро вскочили на свою нарту и снова помчались в погоню.

Вынырнув из-за крутого поворота, они увидели, что два следа от нарт уходили в разные стороны. Джемс резко остановил оленей. Один след шел по реке, другой сворачивал в сторону и уходил в горы.

— Вот тебе на! А теперь куда? — сказал Джемс.

Дик спрыгнул с нарты и стал щупать следы.

— Ну? — с беспокойством спросил Джемс.

— По-моему, вот этот будет свежее.

Дик показал на след, который шел по реке. И... снова погоня.

Синеватым цветом отливала заснеженная ширь реки. В гряде торосов, в каждом изломе льдин, вспыхивали разных цветов огоньки. Вдоль берегов реки стояли причудливой формы деревья. Будто нагнулись они над зеркалом вод полюбоваться своей дивной красотой, но прилетел с севера белой птицей все-сильный мороз и околдовал их, усыпив в разных позах.

Олени мчались по следу.

Выгода бросил яму, которую он с таким шумом, и чуть ли не целый день споря, зарезал рядом с ямой дедушки Пыха. Теперь она ему была совершенно не нужна.

Он видел, что за последнюю неделю у Пыха произошли большие изменения. Артель попустилась старыми ямами и дружно приступила к разработке нового места. Опытный приискатель сразу же понял в чем дело: артель Пыха напала на богатое золото. Но, с другой стороны, Выгода боялся, как бы о существовании его богатой ямы, которую он пробил тоже недавно, не догадался хитрый сосед. Старательский закон неумолим. Придет старшинка Пых, отмерит пять сажений и ударит яму. И ничего ему не скажешь: по закону. Нужно было опередить соседа и сбить его с толку, показать, что золото у них так себе, небогатое. Выгода решил сейчас же пойти к Пыху и сделать вид, что хочет зарезать яму рядом с его пробитой уже. Как отнесутся старатели к его затее? Если они поднимут настоящий шум, он им снисходительно уступит, а у себя сразу же зарежет пару ям. Направление забоя хорошо показывало, куда шла золотоносная струя, и он без ошибки пересечет ее своими ямами.

Выгода взял лопату и пошел к дедушке Пыху. Тот понял, что его сосед идет к нему с лопатой неспроста. Он быстро схватил свою, забросил ее на плечо и пошел навстречу.

— Ты куда это? — спросил Выгода.

— Вишь, как оно получается-то, вроде у

нас в той яме золотишко вывернулось, мы набросились на него, а дальше оказалось пусто. Сейчас пробу сняли — и хоть шаром покати, что делать, не знаю.

Выгода поцарапал пальцем щеку.

— И у нас тоже выклинилось.

— Ты, я вижу, к нам собрался. Иди—я не препятствую.

Дедушка Пых произнес эти слова совершенно спокойно.

— Хошь бросай наши ямы, где и робить будем — ума не приложу, — сказал Выгода, покачивая на плече лопату и стараясь разгадать замысел противника.

— Это верно, хошь попускайся, — согласился Пых.

— Отошла коту масленица — пост великий начался. Совсем что-то худо стало золотить. Завоем скоро, — удрученно продолжал Выгода.

Он снял с плеча лопату, воткнул в снег и, глядя в глаза приискателю, доверительно сообщил:

— Мои ребята бросать собираются. Податься отсюда хотят.

— Мы тоже вчерась про это же толковали, — не отставал в «откровенности» и дедушка Пых. — Я говорю, что подождать еще маленько надо, может, где и вывернется. Верно, плохи наши дела совсем. Надо Соловейкино золото сыскать.

— Ежели бы Соловейкино сыскать, — заговорил Выгода, — тогда, куда ни шло, можно было бы остаться еще на лето красное.

— Да... Где его только найти? Все знают, что где-то здесь оно, но где? Кругом тайга

глухая, безголосая. Спрашивай ее, уговаривай. Она, матушка, тайну свою не выложит.

Они разговаривали, как два дипломата враждующих между собой стран, встретившиеся в нейтральном государстве.

«Дипломат» Пых нагнулся и затолкал на колене вату, далеко вылезшую из его ватных залоснившихся шаровар.

— Холера ее знает, что делать дальше. Получается как-то чудно, хоть впрямь беги отсюда, — сказал он.

— Верно, получается как-то чудно, было золото — и вдруг не стало. Но мы еще думаем поколотиться здесь немного, может, и выскочит где.

Выгода говорил и ковырял в снегу лопатой. Черенок у нее сильно выгнутый и длинный. Она чем-то напоминала своего хозяина.

— Ну, ладно, иди тогда к нам, а я пойду где-нибудь у вас посмекаю, — сказал дедушка Пых ровным голосом. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Здря ты это, паря, придумал к нам идти, — сказал «дипломат» Выгода и снова поцарапал щетину давно нечесаной бороды. Он видел, что противник силен, и теперь не знал, как вывернуться.

— А может, и фартанет. Иди к нам, я тебе слова не скажу против. Заложь, может, и вывезет на счастье, — сказал дедушка Пых и пошел к ямам Выгоды.

Выгода постоял еще мгновение, раздумывая, что ему делать. «Может, и верно у него плохо с золотом», — подумал он и повернул вслед за приискателем.

— Давай тогда вместе думать будем, — пошел на компромисс Выгода, когда дедушка Пых уже стоял возле его богатой ямы.

— Думай не думай, а яму бить надо. Место тут у вас способное и дрова ближе, не то что у нас — кась одна.

Выгода вытащил кисет и, усаживаясь на пенек, стал свертывать козью ножку.

— Закуривай, сосед, — обратился он к Пыху, предлагая ему табак.

Дедушка Пых набил объемистую трубку и начал раскуривать. Табак трещал и горел плохо.

— Место у вас доброе, и, сдастся мне, вот здесь должно быть золотишко, — показал Пых толстым и коротким черенком своей лопаты.

Забой богатой ямы шел как раз к тому месту, куда указал опытный старатель. Выгода уже не в состоянии был спокойно сидеть дальше и курить козью ножку.

Дедушка Пых сейчас мог встать, отмерить пять злополучных сажений от ямы и зарезать свою. Выгода вскочил с пня, высокий и сгорбленный. Размахивая обеими руками, сердито прокричал своим артельщикам:

— Ну, какую холеру расселись, что я вам говорил, зарезайте ямы! — и он хитро подмигнул.

Четыре человека быстро взяли лопаты и пошли на то место, на которое только что указал дедушка Пых.

— Ты же будто у нас хотел попытать, а тут что-то передумал? — глаза старика сощурились в лукаво-добродушной улыбке.

— Да вишь, как оно получается, хотел у вас спробовать, а ты говоришь, у тебя тоже паршиво. Может, здесь богаче будет. Это верно, место здесь сподручное и главное — дрова ближе, не таскать их далеко, кряжи-то эти чертовы измучили нас совсем.

Дедушка Пых теперь окончательно убедился, что яма у соседа богатая. Он походил кругом ям, посмотрел на лес, который стоял рядом и неторопливо пошел к себе.

— Ну, как, Филипп Егорыч, помог ты им новые ямы зарезать? — улыбаясь, спросил дядя Гриша, когда старшинка подошел к костру.

— Припугнул немного. Теперь они к нам долго не сунутся. У них своих хлопот будет полон рот.

— Прописал ты им, значит, инструкцию, как благородный металл искать.

8

Багровое солнце поднялось уже высоко.

Красные лучи с трудом пробивались сквозь синеватый морозный туман, который как будто застыл на широких улицах прииска. Сразу же за небольшими домиками — изрытая приисковым людом земля. По всей долине, как будто разбросанные, лежат плоские и широкие отвалы — результат трудов кипучей человеческой деятельности. За отвалами возвышаются копры шахт. Здесь же рядом и здание конторы с вывеской над дверью:

«Аларское рудоприискное управление».

Под окнами конторы кусты черемухи. На деревьях сидят, распушив вздыбленные перышки, воробьи, как из пуха скатанные шарики. Изредка чуть поворачивают маленькие головки, лениво перепрыгивают. Тонкие ветки не гнутся. От мороза они крепки, как стальные прутья.

Молодой техник Иван Бояркин вышел из приисковой конторы. Он быстро, почти бегом, подошел к Серому, который был привязан тут же возле забора. Отвязав повод, вскочил в седло.

Главный инженер Якорев наказал, как можно быстрее вручить телеграмму-молнию управляющему Аргунову, который вчера уехал на прииск Талакан.

Крупной рысью, часто подстегивая коня плеткой, Бояркин спешил на прииск. Дорога все время шла лесом. Когда кто-нибудь попался навстречу с возом, он осаживал Серого, съезжая в сторону, а потом погонял снова. На Талакан Бояркин приехал в полдень. Возле шахт он увидел горного мастера Шилкина. Несколько рабочих пытались поднять соскочившую с рельс вагонетку. Шилкин помогал им. «Ох и силен же», — подумал Бояркин, когда горный мастер будто легонько толкнул плечом груженный вагончик, и тот послушно заскочил на рельсы.

— Михайлыч, Николая Федоровича не видел? — спросил техник.

— На Миндиху уехал. У нас был, а потом туда махнул.

Бояркин круто повернул Серого и поскакал по тропе, проложенной прямо через гору.

Ключ Миндиха был в двенадцати километрах от Талакана. Там приисковое управление вело разведку.

Бояркин увидел Аргунова еще издали: тот вылез из шурфа и сидел, что-то записывая в блокнот.

— Николай Федорович, молния! — крикнул Бояркин, спрыгивая с Серого, и протянул Аргунову телеграмму.

Управляющий неторопливо развернул телеграфный бланк и стал читать:

«Немедленно выезжайте управление также необходим приезд Якорева и Узова».

Телеграмма была подписана начальником главного управления. Аргунов удивился: только три дня тому назад он был в главном управлении. Что стряслось? Кажется, все обстояло благополучно. Годовой план золотодобычи выполнен к 7-му ноября. Программа на новый производственный год утверждена. Прирост запасов дан большой.

Правда, основательно попало за разведку, вернее, за большой объем разведки, которую он развернул, перерасходовав деньги, но разведка дала свои результаты: деньги не ушли на ветер. Его предупредили, чтобы он впредь увязывал свои действия с главным геологом управления — и только.

Зачем начальник вызывает с ним инженера и главного бухгалтера, было тоже непонятно. Когда прощался, Петр Ильич сказал:

— Ну, теперь не скоро свидимся. Счастливого работать!

И вот...

Бояркин стоял возле костра и о чем-то разговаривал с разведчиками.

— Ваня, — обратился Аргунов к молодому технику, — сейчас же скачи на Талакан и найди Узова. Пусть он немедленно едет в Аларск. Вечером мы выезжаем в управление.

Скорый поезд подходил к станции. Колеса вагонов проскакивали последние стыки рельс. Состав быстро терял скорость. Дружно зашипели тормоза, и поезд остановился. Из вагона вышли три человека. Все они были одеты в меховые куртки ороченского покроя, беличьи шапки, унты из шкурок сохатинных лап и теплые меховые рукавицы. На перроне толкалось много народу, и приезжие скоро затерялись в шумной толпе.

Опускалась морозная ночь, смолкал городской шум, зажигались огни.

Утром Аргунова пригласили в кабинет начальника управления Союззолота.

Лысоватый человек сидел за большим письменным столом и что-то сосредоточенно писал. На столе, кроме бумаг и телефона, находились образцы богатств Забайкалья. Здесь были касситерит, кварц, галинит, большая друза горного хрусталя и другие минералы. А рядом с массивной чернильницей стоял отлитый из бронзы чистокровный сеттер. Художник заставил его сделать стойку на дичь, и пес застыл в такой позе навечно.

По-видимому, начальник куда-то торопился. Это было видно по его движениям, по тому, как он читал, как косо на бумаге накла-

дывал резолюции и, отбрасывая бумажку в сторону, брал другую. Но когда в кабинет вошел Аргунов, он оторвал взгляд от бумаги не дописал слово, быстро встал из-за стола и крупными шагами пошел навстречу. Аргунов был уже без ороченской куртки, в костюме стального цвета. Брюки были заправлены в высокие унты.

— Здравствуйте, Николай Федорович, здравствуйте! Жду вас, жду. Прошу, садитесь, — пригласил начальник, пожимая Аргунову руку.

Петр Ильич Ведерников хорошо знал Аргунова, этого таежного человека, который всем своим сердцем любил приискателей, любил матушку-тайгу, любил свое дело. Аргунов умел видеть то важное, основное, чем живет прииск, хорошо понимал, что нужно для людей, которые работают далеко в тайге. И еще одно хорошее качество имел Аргунов. Это — неутихающую жажду нового дела, это — неутомимость в поисках его. Когда до Аргунова доходили слухи, что где-то там, далеко в тайге, найдено золото, он, часто рискуя жизнью, пробирался в таежную глушь выючно, пешком, с котомкой за плечами, на плотках по бурным незнакомым рекам, искал это место, находил его, проверял. Но в то же время он не безрассудно бросался на эти поиски. Нет, он умел выбрать из всех легенд о богатом золоте одну и детально проверить ее. И он почти никогда не ошибался. Так был открыт Канар, богатый прииск, который находился в тайге за 500 км от железной дороги. Много было положено труда, чтобы найти это богатство, наладить золотодобычу, обеспечить людей про-

довольствием, за реки, за хребты по бездорожную забросить инструмент. Вот такой человек стоял сейчас перед Ведерниковым.

Ответив на вопросы начальника о дороге, о собственном здоровье, Аргунов подвинулся со стулом к столу и начал раскрывать замок портфеля. Петр Ильич чуть улыбнулся и, сделав знак рукой, встал и направился в угол кабинета по зеленой и широкой дорожке к обитому кожей дивану, над которым висела карта. Бросив взгляд на голубую полосу северной реки, в раздумье подошел к Аргунову и остановился, покручивая карандаш в руках.

— Дело вот в чем, — начальник управления сделал небольшую паузу и пригладил ладонью седой висок, — я получил приказ наркома послать экспедицию на Север, на реку Комюсь-Юрях с целью — разведать золотоносность этой реки, выявить перспективы и организовать золотодобычу или, по крайней мере, покрыть это белое большое пятно геологическими работами.

Петр Ильич положил карандаш на стол, вплотную подошел к Аргунову.

— Вот мы и решили... Подумали и решили поручить вам выполнить это почетное и ответственное задание. Если вы выявите, что район действительно перспективный, а я думаю, за целое лето вы, конечно, сумеете это сделать, то срочно выезжайте в Якутск. Свяжитесь со мной по прямому проводу и сообщите мне, каково промышленное значение этого района. Укажите специфику его. Может быть, там можно произвести золотодобычу

открытыми работами, может быть, — шахтовыми. Словом, вы поставите меня в известность. А мы уж здесь постараемся. И как только установится зимний путь, немедленно примем необходимые меры, чтобы обеспечить вас всем, что потребуется для развертывания золотодобычи.

Аргунов взволнованно поднялся. Он стоял перед своим начальником, слегка опершись руками на спинку стула.

Петр Ильич, глядя прямо в глаза, продолжал:

— Мне не хочется пугать вас, но я должен сказать, что работа предстоит большая. Вам придется начать освоение целого, буквально целого края. Там, надо полагать, совершенно другая геология и другой генезис месторождения. В разведке будьте осторожны. Там, как нигде, можно промахнуться, забить время и деньги впустую.

Он пригласил Аргунова к карте, которая занимала чуть ли не половину стены.

— Вот, смотрите. Дорога вам предстоит от Аларска поездом до станции Березовка, от Березовки через Быралон до Тарска — на лошадях, от Тарска — на оленях.

Аргунов в знак согласия кивнул головой и хотел что-то сказать, но Петр Ильич его прервал:

— Подождите, выслушайте меня до конца... Вы должны понять, что от вас требуют сейчас очень и очень многого. Вам придется усердно поработать, при сборах, при формировании экспедиции. Главное — не ошибитесь в подборе людей. Кстати, я вам могу дать только инже-

нера. Получить у меня специалистов не рассчитывайте. Их не хватает в каждом приисковом управлении... По всей стране идут стройки. Я просил наркомат отправить нам инженеров, техников, мне категорически отказали. Вам я даю право подобрать людей у себя на месте.

Начальник управления замолчал, ожидая, что скажет Аргунов.

— Какото числа намечен выезд? — спросил тот.

— На двадцатое января.

— На двадцатое? — переспросил удивленно Аргунов и, помолчав, тут же сказал: — слишком скоро.

— Да. До отъезда осталось пятнадцать дней. Я хорошо понимаю, что для того, чтобы снарядить экспедицию, времени очень мало, медлить нельзя. Один день может сорвать все наши планы. Сойдет снег, а потом разольются реки, и мы будем отрезаны от цели. Надо торопиться.

Петр Ильич ходил взад и вперед по кабинету и объяснял, с чего начать снаряжение экспедиции, советовал, кого из работников взять с собой в дорогу.

Но вот он сел на кожаный диван, положил ногу на ногу. Было видно, что он ждал вопроса от Аргунова, и тот не замедлил задать его.

— Скажите, пожалуйста, Петр Ильич, откуда известно, что на Комюсь-Юряхе есть золото?

Петр Ильич молча подошел к столу, открыл папку с надписью: «Срочно к исполнению». Взял оттуда листок, лежавший сверху. Он

был исписан корявым почерком. Кто-то немало потрудился, ставя на листке вразнобой буквы простым карандашом.

Аргунов прочитал и положил на прежнее место письмо старателя о богатом золоте.

В письме указывалось, что золотая россыпь находится по речке Учугэй, которая является притоком реки Комюсь-Юрях. Приискатель сообщал, сколько золота дает один лоток, какие породы, указал глубину ям. Подробно описывал, по какой дороге к ним нужно ехать и как лучше их найти. Некоторые данные повторялись несколько раз.

— Молодец приискатель, — сказал начальник управления и подошел к карте. — Комюсь-Юрях! Если перевести на русский язык, означает: золотая река. Помню, я где-то читал, что это название появилось среди населения еще в те далекие времена, когда казаки-землепроходцы в семисотых годах, спускаясь вниз по реке, случайно на речном пороге, в щетке камней, нашли несколько золотых крупинок. Золото показали якутам, стали от них требовать ясак не только пушниной, но и этим вот металлом. Но якуты золота по этой реке найти не могли. Реку с тех пор стали звать золотой, а где золото — никто не знал.

Начальник управления сел в кресло, немного помолчал и заговорил снова:

— Аларск вам придется передать товарищу Якореву. Собственно, по этому вопросу я его и вызвал. Ну, а Узов, я думаю, поедет с вами. Он хороший товарищ и знает свое дело.

— Вы меня, Петр Ильич, застали врасплох. Я, откровенно говоря, боюсь, что за пятна-

дцать дней при всем желании вряд ли можно успеть подготовиться... снарядить экспедицию. Смогу ли я справиться с этим ответственным заданием?

Рой мыслей проносился в голове Аргунова. Он мысленно побывал на всех Аларских приисках, поговорил с товарищами. «Что же это вы, Николай Федорович, решили нас оставить? Мы подготовили все объекты, затратили так много труда, теперь только и работать», — говорили одни. «Зачем вы решили ехать на Север, разве здесь мы больше не найдем богатого золота? Ведь находили и еще найдем. Пусть создает себе славу тот, кто не имеет ее, а вас и так знают, зачем вам все это? Шутка ли зимой на Север!» — твердили другие.

Аргунов отогнал навязчивые мысли и сказал:

— Трудно будет, Петр Ильич, очень трудно.

— Да, трудно, — согласился начальник управления, — с грузом проехать такую дорогу, сохранить людей, чтобы по приезде на место можно было сразу приступить к разведке, очень трудно. Но вы должны быть счастливы, что выполняете такое важное государственное задание, — сказал он в заключение.

Поздно вечером Аргунов возвращался в гостиницу.

Много историй о богатом золоте пришлось ему выслушать за свою жизнь. К нему часто приходили старатели и рассказывали, что в тайге в каких-нибудь тридцати-сорока километрах отсюда, возле ключа такого-то, по ре-

ке такой-то есть золото. Когда спрашивали этого открывателя, откуда ему известно о золоте, то оказывалось, что история о когда-то найденной россыпи шла еще из третьего поколения от деда. Будто бы когда-то «фартовый до золота» дед нашел свой фарт и только начал мыть, как у него вышли продукты. Он на месте найденного золота свалил для приметы громадную сосну и вышел из тайги, а потом вскоре заболел. Про богатое золото рассказал своему сыну в день своей смерти. Сын сеял хлеб, и ему некогда было пытаться свой фарт. Иногда случалось, что этот сын-крестьянин ходил на то место, но по тайге прошел пожар, и все приметы сгорели. Сгорела и та, сваленная дедом сосна. И вот теперь пришел уже внук делать заявку. Он просил денег, продуктов и был готов ехать сейчас же.

Были и более убедительные рассказы, в которых не найдешь как будто и слова лжи; слушая их, уверяешься, что в указанном месте действительно есть золото, так как этот рассказ ведет человек, прекрасно знающий природу дорогого металла. Он подробно расскажет, какие там по цвету породы, большая ли глубина ям, какой в яме шлик, какое по виду золото: или крупное, как тараканы, или мелкое, как мука. И вот этот человек рассказывает, что его отец в старое время занимался хлеборобством, а зимой ходил по приискам на заработки. Однажды он пробил яму в пади, где-нибудь здесь недалеко от прииска. Этот открыватель назовет вам и падь, расскажет, где она находится, потому что он с от-

цом бывал там. И вот в этой яме оказалось богатое золото, но тут как раз наступила пасха, отец ушел праздновать, а когда вернулся, яма была полна весенней воды, потом отца взяли на германскую войну, и он там погиб. Золото лежит целое, и никто о нем не знает. Этот первооткрыватель уже всюду обращался, но ему отказывали, вот он и пришел теперь за помощью сюда. А когда ставили там разведку, то даже признаков золота не оказывалось. Все рассказанное было вымыслом, хотя заявитель и не хотел обманывать. Нет, он от всей души жаждал помочь предприятию, в котором сам работал. Он много думал, где бы найти золото, и не одну яму пробил в тайге, питаясь одними сухарями. Мысль, что где-то вот здесь есть золото, он растил, вынашивал изо дня в день в течение нескольких лет, подкрепляя другими свежими рассказами о найденном золоте. Он настолько все это внушил себе, что сам стал верить в несуществующую богатую россыпь и, когда золота все-таки не находили, то он был удивлен больше, чем те, которые ставили разведку.

На этот раз все обстояло как будто совершенно иначе: нужно было проверить заявку уже работающих на месте старателей, проехать путь в три тысячи километров. «Что же, Филипп Егорыч, — думал Аргунов, — доберемся и до твоей россыпи, посмотрим, какое у тебя золото».

— Три тысячи километров! Только подумать, три тысячи! — говорил Узов и быстро ходил от стола к двери, запрокинув далеко назад голову, как будто он хотел увидеть и на

потолке это большое расстояние. — И проехать по бездорожью, — добавил он, подходя к окну.

За окном ветер гнал снег, где-то лязгало на крыше железо, ветки бились о стекло, на улице стоял шум, как будто мимо проходило грозное войско Ермака.

Узов был среднего роста, сутуловатый. Небольшая борода аккуратно подстрижена. Лицо бледное, веки воспалены, как у человека, которому часто приходилось работать по ночам. Узов мальчиком, после смерти родителей, начал работать переписчиком. Теперь он главный бухгалтер управления Союззолота. Всю свою жизнь он работал в кабинетах.

— Мне иногда приходится, — говорил Узов, — ездить на прииска за полсотни, за сотню верст, а ведь здесь... здесь... только подумать и то мороз идет по коже. Честно говоря, что-то боюсь такой дороги.

Инженер Якорев, тучный и малоподвижный человек, откинувшись на подушку, проговорил:

— Вот если бы можно было немного подлечить сердце или сбросить десяток лет с моих шестидесяти, то я с удовольствием и, даже не рассуждая, бросился бы в эту дорогу.

— Да вы поймите, — обращался Узов к Якореву, — теперь наступает время, когда у нас здесь посыплется, буквально посыплется золото, и программа будет перевыполняться из декады в декаду, из месяца в месяц, когда мы можем видеть, что и наш труд дает обильные плоды, и в это время уезжать?

— Ну и что же? — басил Якорев. — Да вы

там можете такое развернуть, о чем даже сейчас подумать трудно.

— Доедем, Андрей Матвеевич, доедем. Я знаю, сначала вам будет трудно, а потом... а потом все пойдет как по маслу, — успокаивал Аргунов Узова.

Узов стоял, широко расставив ноги, поджав губы. «Хорошо ему так рассуждать! — подумал он про Аргунова. — Его вся жизнь как будто специально готовила для этой дороги. Родился в семье шахтера, потом еще мальчишкой пошел гонять лошадей в приводе шахты, а когда исполнилось восемнадцать, стал работать забойщиком, потом каторга, революция, партизанский отряд, и вот жизнь в тайге по приискам, а я всю жизнь не вылезал из конторы. Теперь попробуй я сунуться в такую дорогу. Что со мной станется?»

9

Стояла морозная ночь, выпал снежок. Рядом с Аргуновым шел, глубоко засунув руки в карманы, присланный из Главка инженер. Было тихо. Ни одна щелка оконных ставней не светилась. Инженер иногда прикладывал ладонь к озябшему носу, к щекам, отдувался.

— Холодновато сегодня, — говорил он.

— Да... Вот и моя квартира, сейчас отогреемся.

Аргунов легко постучал в окно. Жена не спала. Дверь скрипнула, в сенях щелкнула задвижка.

— Ну, вот мы и в тепле, — пропуская

дверь инженера, проговорил Аргунов, — про-
шу, раздевайтесь.

Инженер снял пальто, повесил на вешалку
и стал энергично потирать озябшие ладони.

— Знакомьтесь, это моя жена Анастасия
Семеновна.

Инженер назвал себя Михаилом Александр-
овичем Коточковым.

— Проходите, Михаил Александрович, в
столовую, здесь быстрее отогреетесь, — при-
гласил Аргунов.

Инженер сегодня прибыл с вечерним поез-
дом в Аларск в распоряжение начальника экс-
педиции.

Аргунов прошел к двери своего кабинета.

— Я думаю, Михаил Александрович, вам
не стоит искать квартиру на каких-то пять-
шесть дней. Если вас устраивает мой кабинет,
то занимайте его. Мы вам перенесем вот эту
кушетку, и вы можете свободно располагать-
ся.

— Если я вас не стесню, Николай Федоро-
вич, — немного смущаясь, проговорил Коточ-
ков, — то я с удовольствием.

— Чего там, какое тут стеснение.

Аргунов только сейчас хорошо рассмотрел
уже немолодое лицо инженера с глубокими
морщинами в углах глаз, густые брови и ре-
денькие волосы на голове. Ему можно было
дать лет сорок пять. Лицо его было не заго-
релое, не обветренное. Руки были нежны. Он
стоял возле этажерки, разглядывая книги.

В сенную дверь постучали.

— Кто бы это мог быть так поздно? —
удивленно проговорила Анастасия Семеновна.

поставила тарелки на стол и пошла открывать двери.

В квартиру тяжело ввалился широкоплечий человек с котомкой за плечами, в плисовых приискательских шароварах, в коротком ватнике. В коридоре было темно. Гость снял шапку, ударил ею о голенище ичига, сшибая снег, и медленно, усталыми движениями стал освобождать плечи от лямок котомки.

— А, Романыч! Ну, здравствуй. Раздевайся, проходи, — приветствовал его Аргунов, — да дай я тебе помощь снять котомку.

Романыч распоясал кушак, разделся, все аккуратно сложил в угол и стал земно кланяться Анастасии Семеновне.

— Вам низкий поклон и наилучшее пожелание, и добра много, и здоровья от всей братии таежной.

— Да будет тебе, Романыч, все шутишь, ведь устал и так, наверное, с дороги, проходи, садись.

Романыч прошел, тяжело стучая мерзлыми ичигами о линолеум.

— Знакомьтесь, Михаил Александрович, это мой старый приятель Василий Романович Сохатый, приискатель из приискателей.

Сохатый познакомился с инженером и сел в широкое дубовое кресло.

— Какими судьбами, Романыч?

— Да по делу... — уклоняясь от прямого ответа, проговорил тот.

Сохатый сидел, откинувшись на спинку. Аргунов и Коточков закурили табак из объемистого кисета приискателя.

Аргунов справился о здоровье Сохатого.

— Здоровье, куда оно денется, здоров. Живем да здоровьице бережем, что нам больше делать! — пошутил приискатель.

— Ты как-то, я помню, жаловался на сердце? — спросил Аргунов, хитровато прищурившись на Романыча.

Приискатель насторожился.

— На сердце? — переспросил он. — Нет, сердчишко у меня здоровое.

Он осторожно одной рукой отставил тяжелое кресло в сторону и прошелся по комнате. «Однако силен этот Романыч», — подумал инженер, мысленно взвесив дубовое кресло.

— Вот это черт! — приискатель с удивлением остановился. — Когда же это ты забил такого? А я и не слышал...

Сохатый стоял, чуть согнувшись и склонив набок голову, и смотрел на громадную шкуру медведя.

— Наверное, из этой трехстволки? — Он показал на красиво гравированное ружье штучной работы.

— Из нее.

— Вы еще и охотник, Николай Федорович? — проговорил Коточков.

— Да.

— Действительно, чудесная шкура!

— О! Федорович — охотник знаменитый, его вся тайга знает. Ружьишко, однако, бьет здорово, — похвалил трехстволку Сохатый и осторожно снял ее с рогов.

— Помню, как в прошлый год, прямо в лоб изюбрика своротил, красота одна. А этого когда ты подстрелил?

— Да вот, когда последний раз на Канар ездил.

— Здоровый черт! Сколько?

— Четырнадцать четвертей.

— Как, одному пришлось?

— Одному.

— Хорош загривок-то, смотри какой, как у иноходца твоего, чалого. — Он так же осторожно повесил ружье на прежнее место, чиркнул спичкой и, прикурив угасший окурок, сел поближе к Аргунову.

Тот ждал, когда заговорит приискатель. Он уже догадывался, зачем пришел его старый друг. Большая котомка говорила о многом.

— Вот я к тебе, Федорович, — артелка послала. Поди, говорят, к управляющему, пусть он разберется в наших артельных делишках. Я и пришел вроде делегата. Осенью подошли к золотишку. Да, знаешь, побаиваюсь я почвенной водички, не ухнул бы разрезик. Аммонала на вскрытие шурфов сожгли черт знает сколько. Не погибло бы все.

Сохатый говорил рассудительно, спокойно и останавливался на каждой мелочи, которая как-то может помешать в большой работе. Умные, с хитринкой глаза его чему-то улыбались.

«Ох, мужик себе на уме», — думал с лукавой улыбкой Аргунов.

Еще долго продолжали они вести разговор о «почвенной водичке», о «разрезиках», о машине «Эмпаир», о паровике-«чайнике» и насосе. Говорили степенно, не торопясь, много раз прикуривали, угощали друг друга табаком. Уже все было решено и насчет паро-

вика и насчет насоса, а хитроватые глаза Сохатого все еще прощупывали что-то в лице Аргунова, не выдавая своего.

Коточков слушал внимательно, вникая в каждую деталь, но и не подозревал даже, что присутствует при своеобразном состязании на выдержку.

Наконец, Аргунов сказал:

— Давай, Романыч, к столу, закусим. Мы с тобой уже давненько не встречались. Ты там, а я здесь, и не выпадает нам одна дорога.

Сохатый испытующе посмотрел на Аргунова. Его глаза говорили: «Ты мой все повадки знаешь, я вижу, что ты понял, зачем я пришел сегодня к тебе. Но куда же ты клонишь?» И он решил приступить к выяснению позиции «противника».

— Что-то я тебя, Николай Федорович, разучился понимать последнее время. Смотрю вот на тебя и не пойму, то ли ты шутишь, то ли всерьез намекаешь.

Но Аргунов не торопился принимать вызов.

— Двигай, Романыч, к столу, ужинать будем, — как ни в чем не бывало пригласил он.

Сохатый взглянул на приятеля, на стол.

— Что ж, ужинать так ужинать, — подошел и сел.

Аргунов наполнил граненые рюмки.

— Прошу, Михаил Александрович. За твое здоровье, Романыч. Тебе, пожалуй, скоро будет шесть десятков? — словно невзначай уронил он.

Сохатый не любил вспоминать, сколько ему лет.

— Пожалуй...

Они чокнулись:

— Дай-то бог тебе здоровья, — проговорил приискатель. — Хороша, черт! — громко крикнул, осторожно ставя пустую рюмку на стол и разжевывая ломтик омуля.

— Так, так, — Аргунов посмотрел в лицо приискателя, — золотишко, говоришь, хорошее у вас в разрезе?

— Хорошее, — Сохатый кивнул головой.

— И бояться не надо, что разрез может затопить?

— Паровичок будет, чего же бояться.

— Он уже есть. На лето хороший заработок тоже обеспечен?

— Вполне, чего греха таить.

— Мне только одно непонятно, Романыч.

Сохатый насторожился. Чуть отодвинул тарелку.

— Мне непонятно одно, скажи мне, зачем ты сейчас артель бросил?

Улыбка широко и безудержно расплылась по лицу Сохатого, и он громко засмеялся.

— Угадал, Федорович, ей-богу, угадал! И как я могу отстать от тебя? Только услышал, что ты собираешься, я быстро устроил свои артельские дела — и к тебе.

— Романыч, Романыч, не поторопился ли ты?

— Нет, — просто ответил приискатель, утирая широкой ладонью свисающие книзу усы, — нет, вовремячко. Раз застал, значит, вовремячко.

— Как все же с артелью у тебя?

— Я же говорю: полностью собрался к тебе. Кое-как отпустили, едва отбрыкался.

Помог им председателя другого выбрать — и айда.

Улыбка снова залила его лицо.

— Старина, старина, надумал ты, такую дорогу... Умыкали тебя, Романыч, длинные дороги.

Сохатый положил ладони на подлокотники кресла, с силой сжал их и чуть приподнялся, как будто хотел вскочить и сейчас же отправиться в эту дальнюю дорогу.

— Нет, Романыч, тебе не придется ехать со мной.

Сохатый опустил, будто его ударили.

— Обожди, обожди, Федорович, — он вытянул вперед руку, как бы защищаясь от удара. Рукав, смятый в гармошку, обнажил обветренную руку. — Ты мне все же расскажи, где эта планета такая Комюсь-Юрях, как там и что... Ну, ты сам знаешь, что надо рассказать мне.

— Дорога, Романыч, дальняя.

— Какой ее маршрут?

Аргунов стал рассказывать.

Сохатый щурил глаза, старался наглядно представить всю тяжесть пути. И потом облегченно вздохнул:

— Я думал и верно далеконочко, где-нибудь там за севером, а это мы одолеем. Ты же сам всегда говорил: «Если думаешь найти золото, забудь про блины». Тяжестей я не боюсь, да и никто тут не заплачет обо мне, что если и случится со мной.

Романыч сам налил рюмку вина и выпил.

— Дело не в том, заплачет кто о тебе или нет. Не забывай, тебе уже шестьдесят.

— Тяжело мне слышать, что ты стал во мне как бы сомневаться, а давно ли мы с тобой вместе по тайге хаживали, ныряли на порогах, голодали, а теперь, видишь, что... Нет, и не думай. Помощь тебе окажу немалую, тебе ли про меня рассказывать, а что года мои... про них я не вспоминаю. Они сами собой, а я сам собой. Нет, не верю и даже не могу подумать, чтобы я отстал.

Аргунов наполнил рюмки.

— Давай по последней, да и спать, а завтра ты пойдешь к врачу экспедиции. Пусть он решит, годен ты в такую дорогу по состоянию здоровья или нет.

— Правильно, Федорович, правильно.

Сохатый оживился, улыбка появилась на его покрасневшем лице, большим пальцем он лихо подбросил кверху усы и повел широкими плечами, как бы показывая силу и здоровье. Потом осторожно взял высокую рюмку, словно боялся ее раздавить.

— За здоровье!

Крякнув, уже весело спросил:

— Кого берешь-то с собой?

— Едет Узов, Шилкин, молодой техник Бояркин, а остальных ты не знаешь.

— Хлипкого-то Узова не боишься брат?

— Ничего, свыкнется.

За разговором время прошло незаметно. Спать легли поздно.

Рано утром Сохатый пришел в контору. Аргунов был уже там.

В эти беспокойные дни сборов, дел у Аргу-

нова — пропасть. Нужно все учесть, предусмотреть, проверить.

— Вот, товарищ начальник, я у врача даже официальную справку требовал, что здоров и годен не только на север, а и в солдаты. Вот и все.

Сохатый стоял и гордо улыбался. Можно было подумать, что он только сейчас смыл богатую пробу, и на дне лотка горела добрая щепоть золота.

Все так же улыбаясь, он захватил со стола Аргунова образец кварца, машинально повертел его в руках и опять положил.

Случись раньше, Сохатый непременно рассмотрел бы его и спросил: «Откуда это такой интересный образчик?» И Аргунов бы ему объяснил, что этот образец был найден в такой-то пади, на северном или на южном склоне горы. И обязательно бы взял камень в руки и сказал: «Ты посмотри, Романыч, какой это интересный образец». И подробно рассказал бы о своих надеждах. «Найдем здесь, Романыч, золотую жилу, обязательно найдем. Будет здесь рудник». И Сохатый бы этому нисколько не удивился. Он знал, что если Аргунов скажет найдем, то душа вон, а найдет.

А сейчас... положил на стол.

Аргунов коротко предложил:

— Тогда садись и слушай: должность твоя — завхоз экспедиции. Сегодня же принимайся за хозяйство. Вчера я осмотрел подготовленное снаряжение. Палатки сшили одинарные, трубы к железным печкам сделали прямые, чтобы дым глотать при ветре, — он посмотрел

на Сохатого таким взглядом, как будто тот был во всем виноват, — топор додумались взять один, хотя в списке написано ясно сколько. Пилу взяли тоже одну, возовых веревок совсем нет. Не забудь, Романыч, заказать чулок собачьих, пары по две на брата. Делай все быстро. Нам срок формирования дан очень маленький, всего двенадцать дней, из них половина уже прошла. Торопись со всеми заказами. Двадцатого выезжаем.

Сохатый попросил перечень снаряжения, продовольствия. Детально ознакомился с ним. Сделал ряд дополнений, с которыми не мог не согласиться начальник.

К концу дня усталый, возбужденный, но довольный, ввалился он в кабинет к Аргунову, снял шапку и сел на стул:

— Прежде всего, товарищ начальник, надо сказать о наших людях, с которыми я уже перезнакомился. Этот новый инженер Кочетков...

— Коточков, — поправил Аргунов.

— Дак вот этот Коточков заказал себе шапку, я видел в мастерской, просто страх, из медвежьей шкуры и такие же рукавицы. Сам сатана откажется в такой ехать — всех перепугает. Я ему, конечно, рассказал порядком, достал белок и заказал беличью шапку. Я не знаю, где ты взял такого инженера-молчуна и еще к тому же нетаежника.

— Про Коточкова ты зря, Романыч. Он очень дельный человек, хороший специалист, а что нетаежник, то это не беда. Попривыкнет, надо ему помочь, если чего не знает. Рассказывай дальше.

• — Если наш инженер дело знает — это хорошо.

Сохатый налил из графина полный стакан воды, выпил и стал рассказывать, что он сделал за день.

— Кое-что я приготовил. Сшил маленькую палаточку на всякий случай, заказал ящик для посуды и суточного запаса продуктов, трубы к печкам переделал, заказал другие печки, пошире. Да вот что плохо, Федорович, весь город обегал, но сапог резиновых не нашел, а их обязательно нужно и притом большого размера. Наледи будут по рекам, без сапог пропадешь... Запиши... Так же не нашел половинку.* А то что катанки, разве это таежная обувь, бабам на базар ходить только. Начнут в катанках мерзнуть ноги и не отогреешь. Да и в пути разве их просушить! А в унтах, как в чулках, легко, вымочил — помял их возле печки, и они снова сухие. Про половинку тоже запиши. А чулки собачьи на всю экспедицию заказал, завтра будут готовы, по две пары на каждого.

Аргунов одобрительно кивнул головой.

— Ну вот, видишь, — в довольной улыбке расплылся Сохатый, — а ты меня к врачу!

10

Морозный туман заволакивал станцию и ее окрестности. Звуки паровозных гудков как-то особо глухо прорывались сквозь эту

* Половинка — вид замши. В данном случае — обувь из половинки.

плотную пелену. С севера дул леденящий ветер и нес мелкий колючий снег. Люди, сгорбившись, с поднятыми воротниками, бежали по улице.

Стояли лютые крещенские морозы.

Начальник экспедиции занял небольшую комнату, которая его вполне устраивала. Может быть, уже десятый раз садился он за карту и график движения экспедиции. Цифра дней, нужных для отдыха в пути, требовалась большая, но урвать откуда-нибудь день было невозможно. Стоило «вылезти» из графика, то есть перерасходовать точно отведенное число дней на дорогу, как все могло пойти насмарку. Сойдет снег — и движение остановится. Экспедиция застрянет где-нибудь между реками.

Было уже поздно. Начальник вытащил общую тетрадь с клеенчатыми корочками, раскрыл ее и стал записывать:

«Вот уже сутки, как мы живем на станции Березовка. Отсюда двинемся по тракту. Несмотря на предупредительную телеграмму агентства «Союззолото» по подготовке нам транспорта, этот транспорт угнали с каким-то срочным грузом. Приходится ждать частника, который на этих днях вернется из Быралона. Больше ничего не сделаешь, других возможностей нет».

Аргунов закрыл тетрадь и вышел на крыльцо. Поселок спал. На станции маневрировал паровоз. Резкие свистки рассекали воздух. Сразу же за полотном железной дороги началась тайга.

Он посмотрел в сторону Севера. Что ждет там экспедицию?

...Утром в квартиру Аргунова вбежал Бояркин.

— Транспорт, товарищ начальник, транспорт пришел у Есаулова! Я увидел и мигом к вам. Теперь уж скоро поедем.

Он быстро повернулся, подбежал к порогу, взял веничек и аккуратно обмел снег с ката-нок.

Аргунов посмотрел на молодого техника с большой симпатией.

Как только Ваня Бояркин услышал об экспедиции, он сразу же вообразил себя на Севере... Пурга. Вокруг ничего не видно. Потик* отказывается идти. Все ориентиры уже давно потеряны. Ваня с руганью, замерзшими руками вытаскивает из-под снега измученных большим перегонном собак. Он видит себя одетым во все меховое. Громадные унты кверху шерстью, как у казака Дежнева, пыжиковая кухлянка, рукавицы чуть не до локтей, сбоку нож, за спиной карабин, в зубах трубка. «Возьмет ли меня Николай Федорович с собой? — подумал Бояркин, и видение сразу же растаяло. — Мигом к нему», — решил он.

Это было несколько дней назад. А сейчас Аргунов с удовольствием слушает от Бояркина приятную новость и, не задерживаясь, выходит из квартиры.

Дом Есаулова высокий, с фигурными наличниками, обнесен частоколом. Немало бы-

* Потик — упряжка собак.

ло вложено труда в сооружение широких тесовых ворот. Каждая воротина подвешена на массивных петлях, окована крест-накрест полосовым железом и скреплена болтами. В некоторых местах железо надсечено в кольца и барашки. Высоко над воротами — причудливая вырезка, окрашенная в красный цвет. «Ничего себе ворота, — подумал Аргунов, — хозяин-то, видно, думал от новой жизни отгородиться».

Калитка, взнузданная тяжелым кольцом, открывалась со скрипом. Большой двор был чисто выметен. Приземистый амбар охранялся мохнатым кобелем, который неустанно бежал на длинной цепи. Сенник огорожен плетнем. Возле лошадей копошились два человека.

Хозяин был дома. Он сидел за столом на широкой крашеной скамье и пил чай. В сахарнице лежали белые толстые калачи, которые обычно берут в дорогу возчики.

— Садитесь, уважаемые товарищи, садитесь, угощу, чем бог послал, — приглашал приветливый хозяин, — отведайте нашего хлеба-соли.

Загорелый и обветренный, с облупившимся носом, он медленно жевал, прихлебывая из блюдца чай со сливками.

— Ко мне пожаловали, прошу, прошу. Хорошим людям всегда рад.

Он, не торопясь, спокойно и деловито повел разговор. Справлялся о грузе, о людях, куда едут. На его широком лице часто появлялась улыбка, которая ясно говорила, что хозяин все знает, он уже пронюхал, что экс-

педия нуждается в срочном выезде, знает, какой груз и сколько людей нужно везти.

Как не понять такую улыбку! Аргунов все хорошо понимал. Он не впервые подряжал подводы для себя. И везде эти хозяева вылеплены из одного теста.

Есаулов, опустив к полу глаза, со вздохом сказал:

— Видите, мой транспорт мне не дает никаких доходов. Я, порядив, порассудив, решил своих лошадок продать. Правда, немного оставить для своего хозяйства, этак пять-шесть и жить спокойно, а то налоги... Хотя, кто знает, может, и договоримся. Я понимаю ваше положение, я могу, пожалуй, и повременить с продажей лошадей, пойти вам, так сказать, навстречу и сделать последний конец до Быралона. Вообще-то даже и не знаю, что делать. Заходите завтра, а я пока подумаю, может, и договоримся.

После этой тирады хозяин поднял на Аргунова глаза, и на его лице снова появилась любезная улыбка.

С Есауловым сторговались в цене лишь на пятые сутки.

И вот, наконец, назначен день выезда. Подводы прибыли вовремя. С передних широких саней удало соскочил Есаулов. Он щелкнул бичом и обратился к Аргунову:

— Давай будем грузить.

Во время погрузки Есаулов стоял с кнутом в руках и покрикивал на возчиков:

— Куда вертишь, завертки оборвешь, шлею-то поправь, ослеп, что ли?

В высокой рысьей шапке, в полушубке и звериных унтах, он скорее походил на северного купца, нежели на хозяина обозных лошадей. Маленький возчик с рыжими усами больше всех бегал и крутился возле саней, помогал укладывать возы, увязывать их.

Хозяин крикнул ему:

— Эй ты, мокроусый, опять засуетился, тащи веревки да иди вон к Игреньке, вяжи воз.

Мужик быстро побежал за веревкой.

— Как, нравится вам этот игреневый конек? — обратился Есаулов к Аргунову и, не ожидая ответа, продолжал: — С виду будто и неказист, а как идет иноходью! Закачаешься! На нем в бега только бегать, а тут вот приходится в воз ставить. У одного даурского купца перекупил, чистым золотишком отдал. Взгляните на его ноги только, как точеные, а грудь, ширина-то какая! Вот вам бы такого конька...

Игрневый кусал удила и, как всякий норовистый конь, дергал из себя вожжи, переступая, озираясь.

Люди разместились на возах, кто как смог, и транспорт тронулся.

Большие выбоины, недокопанные кюветы, раскаты делали дорогу очень тяжелой. На раскатах сани летели боком, ударялись в высокую кромку набитой колеи и с силой перевертывались, а пассажиры, летели в снег. К перевернутому возу сбегались люди. Сохатый больше по привычке, нежели от мороза, постукивал нога об ногу, громко хлопал рука-

вицами, поправляя большую шапку с длинными ушами, из-под которой на лоб лезли волосы, и не без иронии командовал:

— Еще разок взяли. Так, так, еще немного поднатужились. Ходом сама пошла. Не пошла. Воз на месте. Еще разочек!

Возчики поглядывали на него и не сердились.

Аргунов, Коточков, как и все остальные, таскали мешки, укладывали большие неудобные тюки палаток. Аргунов, сбросив рукавицы, быстро и сноровисто увязывал воз.

И вот снова крутой поворот и широкий раскат, возчик не успел придержать коня. Тяжелые нагруженные сани с силой скользнули по раскату, возчик схватился за оглобли, стараясь помочь выдернуть тяжелый воз. Но было уже поздно, сани угодили в целик снега. Есаулов выругал возчика, осмотрел насколько крепко засели сани. Заткнув рукавицы за кушак, важно поплевал на руки. Покряхтывая, крепко ухватился руками под копылья и выбросил сани из снега. Но поставить воз на дорогу не смог.

Шилкин, как по чьей-то команде, быстро сбросил рукавицы, и не успел Есаулов перевести дух, как очутился на возу. Подхваченные сильными руками Шилкина, сани взлетели на дорогу. Хозяин, задетый злой шуткой, спрыгнул с вoза, схватил конец веревки, который болтался сбоку саней, дернул его с остервенением, оборвал и пошел прочь.

— Веревка-то перетерта была, — хихикнул маленький мужичок с рыжими усами, рассматривая оторванный конец.

Вся эта сцена разыгралась быстро и занятно. Кто-то свистнул на лошадей, и обоз тронулся.

11

За день экспедиция прошла шестнадцать километров. Уже в сумерках в двух небольших зимовьях разместились на отдых усталые и голодные люди. В зимовье пахло подгорелыми лепешками и постным маслом. Ужин ещё не был готов. Узов с мороза решил согреться. Взял стакан, налил горячего чаю и только хотел поднести к губам, как стакан у него выскользнул из рук, упал и разбился. Аргунов взглянул на Узова. Болезненная улыбка появилась на измученном лице бухгалтера.

— Это, Николай Федорович, из-за того, что у меня руки окоченели, не чувствуют ни тепла, ни предметов.

Печь жарко топилась. Варился суп из мясных консервов. Большой никелированный чайник закипел, пуская пузыри в носок. Возле порога лежал мешок с банками консервированного молока. Молоко в них было мерзлое. Банку не вскрывали ножичком, как обычно, а топором разрубали пополам и бросали в чайник. Давали еще раз вскипеть, и хорошо забеленный чай был готов. Так же поступали с мясными консервами.

Повар заглянул в чайник, потом взял топор и на пороге разрубил высокую баночку

консервированного молока. Подошел Есаулов и положил руку на его плечо.

— Не так надо, — деловито сказал он.

Есаулов взял целую баночку и вынул из ножен свой длинный и острый нож, кованный из казачьей шашки.

— Смотри!

Он оглянул всех и особо остановил взгляд на Шилкине.

— Во как надо, гляди!

Держа банку за самый край, он размахнулся ножом и пересек ее надвое. Половина отрубленной банки упала и покатилась по полу.

— Здорово! — одобрил повар, улыбаясь.

Есаулов торжествовал.

Аргунов, который, казалось, и внимания не обращал на происходящее, вдруг встал, взял у Есаулова нож, пальцем проверил острие и, выбрав такую же банку, отошел немного в сторону, чтобы ему никто не мешал.

Все в зимовье молчали, еще не понимая, что он хочет сделать.

Аргунов два раза подкинул банку, как бы определяя ее вес, потом удобно встал, чуть раздвинул ноги, подбросил ее к самому потолку и пересек в воздухе. Обе половины упали у его ног.

Шилкин и Бояркин улыбались. Повар от удивления открыл рот. Сохатый степенно расправил усы и с довольной улыбкой вымолвил:

— Рубака знатный! Казачья рука видна!

Есаулов тоже понял, что рука — казачья, и невольно поцарапал шею.

Повар приготовил ужин на славу. Видно, он постарался или, может, им просто показалось, что суп и каша такие вкусные. Ведь после морозного дня и тяжелого пути, что не покажется вкусным!

Поевши, начальник устроился за небольшим столиком, приделанным к стенке. Зажженная свеча мигала, слабо освещая лоб, прямой нос и щетину бороды.

Ветер рвался в зимовье. Хотел сорвать маленький огонек, устроившийся на фитильке, загасить его.

Аргунов делал записи в дневнике. Свеча уже догорала. Фитилек согнулся, потом упал и потонул в остатках стеарина. В зимовье стало темно. В обледенелое окошечко слабо пробивался свет луны и небольшой лужицей расплескивался на столешнице, на открытой тетради.

Печь попыхивала, бросая красные пятна на стену. Все уснули. Но в соседнем зимовье никто не спит. Маленький рыженький мужичок оканчивает свой рассказ:

— ...И вот, ребята, как появился первый человек в тайге с красным флагом, шаманка сразу же стала терять свою колдовскую силу, а потом и совсем загнула. И теперь, говорят, бродит она по дорогам и все ищет того человека, который первый появился с флагом. — Мужичок окончил свой рассказ и довольный тем, что его все слушали внимательно и никто не перебивал, важно кашлянул и добавил: — Разные, брат, диковины творятся у нас в тайге.

— Это еще что? — изрек свое слово и Со-

хатый. — Вот я знаю одну диковину еще почище твоей. Ужახнешься! Было это на одном прииске...

Все окружающие смолкли, ожидая интересного рассказа.

— И было это не так давно. Работал там старый кузнец. Молотобойцем у него был Наум, недюжинной силы человек. Про его силу можно рассказывать несколько вечеров подряд. По всей округе неслись слухи о великом мастере-кузнеце. Кузница стояла на отшибе, в густом березняке. Ночью ходить, это верно, страшно, я сам бывал не один раз. Так и кажется, что тебя кто-то схватит. А лес над тобой — уу, уу! Народ, известно, без придумки жить не может. Вот и стали слагать разные небылицы. Один скажет, другой прибавит, чтобы еще красивей да чуднее оно было. Говорили, что ночами слышно, как гудит мех, стучит молот, а из трубы летят искры, что творится бешеная работа, а на утро стоят уже готовые окованные ходки, таратайки, полный угол накованных подков. Чего только ни говорил народ про старика! А по правде говоря, эти самые подковы да прочая ерунда были его маскировкой. Ковал же он ненависть ко всей царевой челяди. Потихоньку ковал старик, помаленьку собирал и ковал воедино, а искры летели из его кузницы, разлетались по всей золотой тайге и зажигали новые огни. Здорово ковал старик! Говорили, что он молотком играет, как Ситька-музыкант, которого всегда приглашали с его скрипкой на большие свадьбы. Ну, куда там Ситьке! Куда! Старик его побивал. Он такие ве-

щи выигрывал молотком со своим молотобойцем, что и рассказать невозможно. Разговоры шли да шли. Дошла весть и до начальства. Вот однажды с двумя казачками и прискакал пристав да прямо к кузнице. Старик с Наумом были там.

«А ну, старина, — сказал пристав, — покажи удаль, как ты владеешь своим ремеслом!»

Старик даже растерялся. Шутка ли! Сам пристав приехал посмотреть на его мастерство! Взглянул на Наума. А Наум стоит с молотом на плече, как будто ни в чем не бывало. Хоть и оробел старик, но быстро скумекал. Ловко повернулся, схватил клещи, выдернул из горна кусок железа, на лету перехватил его и ударил о наковальню. Сноп искр полетел под ноги приставу.

Кузнец начал ковать.

Да разве расскажешь, как было-то на самом деле! Каждый удар у старика — точный, куда там! Послушно было годами ученое тело, и трудно разобрать, где начинается рука, а где кончается молоток.

Наум гулко вторил ему своим молотом. Пристав внимательно смотрел и вдруг...

Сохатый замолчал, как заправский рассказчик, на самом интересном месте, вытащил кисет, свернул папиросу, лизнул бумагу, прикурил, глубоко затянулся. Все застыли, затаив дыхание. С подтаявшего окна ударилась об пол капля, прозвучала, как удар молотка.

— И вот, — продолжал Сохатый, — до уха пристава донесся в перезвоне молоточка и молота такт «Барыни», самой настоящей «Ба-

рыни», какую играл музыкант Ситька на своей скрипке. Пристав стоял, шевелил от удивления и ужаса усами. А «Барыня» так и выигрывает, так и выплясывает из железного звона, как живая. Скажи ты!

Железо остывало, музыка шла к концу. Молоток еще взвился несколько раз кверху, ударил мелкой дробью и лег набок. Наум вскинул молот на плечо, а в щипцах у кузнеца была готовая настоящая подкова, выкованная с музыкой.

Пристав стоял и не верил своим глазам. Потом он как будто очнулся, икнул вроде, и важнецки разгладил усы. Делать было нечего. Вытащил два гривенника и положил на наковальню. Один, значит, кузнецу, а другой Науму. Была у них такая повадка: жертвовать за удаль.

Науму, как видно, показалось обидно, а может, и впрямь леший попутал, — Сохатый чуть улыбнулся. — И вот размахнулся он со всей своей мужицкой силой да как ахнул молотком прямо в орла, аж перья полетели. Шлепнулся молот о сталь наковальни. Отскочил кверху, пробил крышу, да и был таков. У Наума одна деревяшка в руках осталась. Видать, крепко парень держал черенок. Несколько дней искали молота и не нашли. Говорили, что черт подшутил над Наумом, но какой там черт!

— А пристав? — спросил кто-то.

— Ну, что пристав! Заскочил в седло, да и ускакал со своими казачками. Бывали, брат, диковины разные у нас на приисках.

Люди слушали, верили и удивлялись. Лю-

бит таежный народ интересные истории, были и сказки, любит в них веселое и жуткое. Каждый может что-нибудь рассказать.

— Вот я вам сейчас поведаю наш таежный сказ, — проговорил широкобородый приискатель, и снова в зимовье стало тихо. — А кто скажет, что я вру, тому глаз дам выколоть. Кому я ни рассказывал, мне все верили, — он поправил фитиль свечи и продолжал: — Где-то здесь, в наших далеких краях, жил был человек. И, сказывают, силы он был необыкновенной и правду любил большую народную. И знал этот человек все на свете. И даже, говорят, знал, где, в какой пади, в какой горе, по какой речке лежит золото, где тайга упрятала другую полезительность.

Ветер бил в пазы зимовья. Пламя на крохотном фитильке свечи трепетало, как сказочный мотылек, хотело сорваться и улететь. Причудливо изгибались тени людей на закопченных стенах.

Рассказчик разгладил бороду в золотых колечках.

— И стоило этому человеку появиться на приiske, люди сразу шли к нему слушать правду, просить мудрых советов, как им быть, что делать, чтобы паршивую житуху свою подналадить. И человек учил их. Его горячие, как огонь, слова разлетались птицами по всей тайге и зажигали веру в душах людей. Все это не глянулось хозяевам. И вот, как-то на перепутье, когда он шел с одного прииска на другой, — а ходил он в любое время: жара ли стоит, дождь ли идет проливной, или стужа стоит лютая, ему все нипочем. Он ничего не

боится, а знай себе идет куда надо и дорогое слово правды несет людям...

Ветер снегом ударил в окно зимовья, где-то всхрапнула лошадь. Все, кто слушали рассказ, живо представили себе этого человека. Все, что говорит рассказчик, знакомо слушателям. Все это они видели, всю эту горемычную жизнь пережили, и от этого рассказ становится ближе и дороже. Бородатый грубоватым голосом продолжал:

— И вот, когда он шел, проклятые словили его в дороге. — На нарах зашевелились. Кто-то вздохнул. — Заковали его в тяжелые цепи... Острогов в нашем крае тогда много было, столько же, сколько церквей. Но не мог этот человек жить без воли. Разорвал он цепи, как веревочку, да и подался в тайгу. А тайга, известно, такого человека как мать приняла, укрыла, накормила и спать на мягкую постель положила. Не один раз ловили его, говорят, убивали даже, но он снова оказывался живым. А потом, говорят, жил он на севере в шалаше, как самый простой человек, и будто бы там составил планы, как хозяев победить.

— А кто же это был-то? — жадно спросил безусый паренек, высовываясь из-за печки.

— Кто был? — рассказчик погладил бороду в золотых колечках, посмотрел на всех и сказал: — известно, сам товарищ Ленин.

...Рассказы текли, текли. Но потом и в этом зимовье все стихло. Уставшие за день люди погрузились в сон.

К Желтукану транспорт подходил в потемках. Тайга стояла в морозном оцепенении. Из-за горы поднимался молоденький месяц. От лошадей шел тяжелый пар. Мороз закрутил белые кольца на их боках. Куржаком покрылись взъерошенные морды. Люди стряхивали иней с побелевших воротников, шапок, сбрасывали тяжелые дохи и тулупы. Вокруг зимовья стояло много груженных саней. Возчики обметали ерничными веничками своих лошадей и поглядывали на вновь прибывших.

— Народищу-то сколько! Вряд ли здесь найдем место для ночлега, — жаловался кто-то из сотрудников экспедиции.

Действительно, все зимовья были забиты до отказа.

Аргунов, одетый в белый полушубок и подпоясанный кожаным патронташем, разговаривал с Шилкиным и инженером. Сейчас он походил на партизанского командира, который держит совет со своими товарищами.

Инженер, стучая тяжелой рукавицей о рукавицу, озабоченно говорил:

— Неужели придется ставить палатки?

Узов вылез из тулупа и прыгал на одном месте возле старого, покосившегося набок зимовья, которое было подперто суковатым бревном. Зимовье походило на утомленного путника, который уперся костылем в землю и решает, что ему делать: или свалиться в снег и замерзнуть, или собрать последние силы и идти дальше.

Из зимовья вышел невысокого роста чело-

век в нижней рубашке и подошел к Аргунову.

— Вы же сами видели, — как бы оправдываясь, начал он, — полно народу в моем зимовье и ступить негде, а то бы с удовольствием, жалко, что ли! Народу съехалось нынче много, а вот третьего дня опять же никого не было.

В это время откуда-то, как будто из-под земли, вынырнул Сохатый и доложил, что есть одно свободное зимовье, но хозяин на ночлег не пускает, говорит: у него не постоянный двор.

— Мужикашка-то ведь так себе, карандашом убить можно, а вот заломил принцип и ни в какую. Цену набивает!

— Где это зимовье?

— Вон там, — махнул рукой Сохатый.

— Этот мужик — жила, — сказал зимовщик, — разве деньгами большими соблазните, а то он не шибко-то охочь на приезжих.

Старое покосившееся зимовье — большое, крыто корой. Рядом с ним пристройка из тонких бревен, откуда выглядывала тощая корова с обломленным рогом. Возле зимовья валялся старый, истрепанный и, видимо, никому не нужный хомут, на стенке висела шкурка зайца.

Сохатый нашарил скобу, дернул, дверь с глухим щелканьем отскочила. Первое, что бросилось в глаза вошедшим, — это лежащая кверху ножками скамья. На широких нарах валялись тряпки и клочья шерсти. Возле столика лежали перевернутая чугушка, банка из-под консервов. Около печки стоял сам хозяин

зимовья. Тесаные половицы щелястого пола были грязны.

Хозяин не очень-то приветливо поздоровался и, выслушав просьбу Аргунова, ответил:

— У меня не постоянный двор, а за постояльцев меня штрафануть могут.

Его рот при этом странным образом сдвигался то к одной, то к другой щеке, которые были покрыты разного цвета щетиной. Здесь были и черные, и рыжие, и совсем светлые волоски. Широкие брюки, были подпоясаны узловатой веревочкой. «Мужикашка» часто поддергивал их, немного приседая. Одна его нога была обута в изорванный унт, другая в ичиг.

— Вы видите, какой я, — показал он на себя, — да и в середке что-то болит... Потом, поди, затаскают, а у меня и так горе...

— Эх ты, дядя, при худобе и телята не всегда пропадают, а ты же мужик, — не без иронии произнес Сохатый.

После долгих уговоров Северьяныч (так звали хозяина зимовья) согласился; кроме платы, ему будет дана справка с печатью, что ночлег в его зимовье вызван такими-то и такими-то обстоятельствами.

— Вы уже мне печать-то сейчас покажите, — настаивал Северьяныч.

Убедившись, что печать действительно имеется, он разрешил занять зимовье. Зажгли несколько свечей. Пугливая темень бросилась в стороны, и стены зимовья как будто широко раздвинулись. В печи затрещали дрова. Метла зашумела по широким нарам, по полу.

— Шуруй, шуруй, чтобы ужин скорее варился, — крикнул Шилкин повару, бросая подле печки большую охапку дров.

Тепло обдало мерзлые дрова, по коре пополз холодок, потом он растаял, и запахло смолью от нагретых сучьев.

Узов заварил густой чай, налил его в высокую эмалированную кружку; побрякивая и отдуваясь, глотал горячий напиток. Тепло быстро расходилось по истомленному, озябшему телу. Мускулы слабели, пальцы начинали двигаться уверенней. Он снял толстый шерстяной свитер. Его впалые щеки густо покрывала рыжеватая борода. Обмороженный нос почернел и распух. На лбу как будто кто-то нарочно собрал много крупных морщин. Узов смотрел потухшим взглядом и, казалось, ничего не видел. Бояркин стоял возле печки и сушил полотенце. Шилкин пришивал пуговицу к тулупу. Аргунов разговаривал с инженером, показывая на карте далекий Учугэй и путь к нему.

Северьяныч, который грелся возле печки, удивился, когда услышал, что эти люди едут на Учугэй. Приехавшие из Быралона приискатели рассказывали, что там нашли очень богатую золотую россыпь, что если нагребешь песку в лоток, то золота окажется больше, чем породы. Много таких сказок рассказывают приискатели. Сейчас же Северьяныч своими глазами видел людей, которые едут на Учугэй, и он поверил в богатую россыпь.

Ужинали с большим аппетитом. Северьяныч захмелел, подошел к Аргунову и, размахивая руками, заговорил:

— Товарищ начальник, вы думаете мне нужна справка? Нет, она мне не нужна. Я просто... Эх, товарищ начальник, вы меня не понимаете! Я вас люблю и всех жалею, но жизнь моя, скажу, распронесчастная. Ведь я тоже когда-то ворочал делами и приносил пользу. Я это могу сказать и трезвый и пьяный, да, да, да! Вы меня еще не знаете, кто я такой, я могу вам сказать, я... старатель и дед мой был старателем, вот кто мы такие. Старатели, говорю, мы. Шатку снимать перед старателем нужно аршинов так за тридцать, — подумав немного, убавил, — хоть не за тридцать, а за двадцать снимай, и знать ничего не хочу.

Он топнул стоптанным ичигом, будто действительно требовал, чтобы перед ним сняли шапки. Покачнулся и упал. Кое-как поднявшись на ноги, продолжал:

— Вот я и говорю, из мужиков я, из простых мужиков, вот штука. О себе, поди ж ты, сказать не могу, как-то стеснительно о себе-то кричать, — он махнул рукой, — эх, тяжело мне! Пелагеюшка моя умерла. Один я. Пелагеюшка ты моя, Пелагеюшка, лежишь ты и ничего тебе больше на свете не надо, а я вот мучайся один...

Он начал икать, язык его заплетался.

— А справка мне не нужна, и не давайте, не возьму. И потому, как я старый приискатель, она мне не нужна. Мы свои лю... люди...

Тяжелая дверь зимовья снова щелкнула, и покатился, перевертываясь, морозный воздух под нары, под стол, бросился к жарко натопленной печи.

— Хорошо вы устроились, — заговорил вошедший зимовщик. Теперь на его плечах была наброшена легкая шубейка. — Пустил-таки вас Северьяныч. Зимовье-то вон какое, — он широко развел руками, — хоть бабки катать в нем. Здесь можно разместиться!

Северьяныч еще немного потоптался посреди зимовья, но последние его слова были совсем неразборчивы. Побормотав еще, он упал на потничек возле печки и сразу же громко захрапел.

— Просто диву даюсь, как вы его уговорили, ведь это же такая жила! Какой он к черту свой! Еще старателем прозывается. Слышал я, когда заходил: старатель, говорит, я, — передразнил он Северьяныча, — да такому бы старателю давно голову лопатой отрубили, живи он на прииске.

Под утро в зимовье стало холодно. Аргунов проснулся рано. Возле печки сидел Сохатый и курил. Северьяныч стоял возле него и мямл голову худыми желтыми пальцами.

— Трещит проклятая, и чего она трещит? — говорил он. — Раньше же не трещала. Опохмелиться бы немного.

Сохатый сердито помалкивал, видно, не мог простить хозяину его вчерашнюю негостеприимность.

Как ни был вчера пьян Северьяныч, но не забыл про богатую золотую россыпь, на розыски которой ехала экспедиция. Он решил попытать свое счастье и заискивающе обратился к суровому, но, должно быть, покладистому старику:

— Слышь, а что если бы вы меня с собой взяли?

— Как ты сказал? Кого с собой взяли?

— Я говорю, если попроситься у вашего начальника с вами поехать...

— Чего ты это надумал?

— Ты сам посуди, мил-человек, ведь я здесь не живу, а с голоду пропадаю. А там, слухи ходят, — золото богатое. Пока еще здоровьишко есть вот и подработать деньжонок на старость.

— Ты что же думаешь, это «филькина» артель едет? Мы экспедиция, — с расстановкой произнес Сохатый, — у нас штат укомплектован. И вообще, куда тебя такого! — махнул он рукой.

Северьяныч немного помолчал и заговорил снова:

— Скажи, мил-человек, может, я вчера тут... ничего так... Ну, не ругался, может, что обидное кому сказал... Знаешь, пьяный... С ним все может случиться.

— Как же, — невозмутимо ответил Сохатый, — меня чуть не избил, едва тебя уговорили.

Северьяныч захихикал.

— Говорил, брат, много вчера говорил про свое жите-бытье, — схитрил Сохатый.

— Да ну!

— Тише ты.

Сохатый посмотрел в сторону спящих.

— Я ничего не помню, заспал, все заспал. Помню, как ты мне дал кружку водки, я перевернул ее. Почему-то помню, как свечи

горели, помню глаза вашего начальника, а больше ничего. Все заспал.

— Рассказывал ты, как прежде жил. Все рассказал.

Северьяныч подскочил, как будто его шилом ткнули.

— Вот дурак, и рассказал все за здорово живешь. Решеный теперь я совсем.

Хозяин зимовья сел и начал мять голову, как тыкву, которую думает скормить корове...

— Наверное, что-нибудь нахвастал. Когда я пьяный, со мной это бывает, — снова заговорил Северьяныч, надеясь, что Сохатый ему расскажет, о чем он вчера болтал.

— Ладно, ладно. Пой ласточка синему небу, чего мне-то поешь! Воробей живет возле людей, оттого и грамотней, понял? Прокурору все расскажешь, он тебя со вниманием будет слушать, это, брат, — его дело, а я не прокурор, я старатель. Понял? Старатель я.

— Слышь, пощади, если хочешь, век молиться за тебя буду, — умоляющим голосом запричитал хозяин, встал и попятился в куток печки.

— Я и сам помолиться-то умею, да вот не шибко увлекаюсь этим спортом и тебе не советую. Дура! Куда пятишься? Ведь не убивать я тебя собрался. На том свете таких не балуют. Может, поэтому и жалею, — заметил приискатель.

— Беда! — прошептал Северьяныч.

В этом одном слове было столько неподдельного страха и тоски, что Сохатый смилостивился и сказал примирительно:

— Что, перетрусил? Разнюнился? Ну, лад-

но. Кислое молоко с молитвой не употребляю. Слушай меня со вниманием, не пропускай ни одного моего слова.

Хозяин зимовья насторожился, готовый выслушать строгий приговор, сделать все, что скажет этот крепкий и сильный, как из корней сплетенный, старик.

— Отстарался ты, «старатель», на чужих спинах, не золотит сегодня в твоём лотке. Выклинилась твоя жила, и другой тебе больше не найти. Ушло твое, хозяин, время и не быть ему, проклятому, больше на нашей золотой земле. Слушай меня: про деньги за ночлег не заикайся, давать начальник будет, не бери. Деньги-то мы не свои платим, а казенные! Понял? Казенные деньги, говорю. Ну, тогда слушай меня дальше. Старателем больше не прозывай себя. Старатель — это не то, что ты думаешь, ты еще червяк супротив старателя.

Сохатый продиктовал свои условия со всей важностью и степенностью, какие и подобает соблюдать в таких случаях.

— Ну, все понятно? А я обратно когда поеду, справлюсь про тебя.

Видно было по всему, что Северьяныч «условиями» остался доволен.

Шилкин сбросил с себя одеяло, сел и начал протирать глаза.

— Что ты это с ним, Романыч, толкуешь?

— Да тут у нас разговоры свои завязались.

— Время-то уже много, пожалуй, и вставать пора.

— Можно и вставать.

Шилкин соскочил с нар, потянулся до хру-

ста в костях, надел брюки, подошел к печке и сел. Он долго мял собачий чулок. Разгладил ладонью портянки, поправил высокий задник унта. Затем быстро обулся, свернул папиросу и затянулся махорочным дымом всей могучей грудью.

— Как, Романыч, морозец сегодня сильный?

— Хватает, хуже вчерашнего.

— Пойду полюбуюсь.

Шилкин сдул пепел с папиросы и вышел из зимовья. Вставали остальные, умывались в углу возле печки. Шилкин протиснулся в дверь, нагнувшись, как бы боясь удариться о притолоку.

— Верно, Романыч, морозец сегодня степенный!

Узов все еще лежал в постели, глядел из-под кромки одеяла на Шилкина.

Тот стоял, согнувшись, без рубашки, широко расставив ноги, весь по пояс красный, и неторопливо вытирался полотенцем. Грудь его высоко поднималась. Мускулы, как толстые сыромятные плети, опоясывали руки и спину. Казалось, весь этот бревенчатый потолок он держит на своих плечах.

Северьяныч с большой вязанкой дров тяжело перешагнул порог, сделал еще два шага, упал и заохал.

— Врача скорее, — крикнул кто-то.

Появился врач. Северьяныч уже лежал на нарах, охал и кричал, обхватив руками живот.

— Где больно? — спросил врач.

— Ой, доктор, какая-то организма оторва-

лась в самом нутре, а теперь комок подкатывается прямо под сердце. Ой! Худо мне!

Врач осмотрел живот, простучал грудь и задал несколько вопросов.

— Ну, что, Леонид Петрович? — обеспокоенно спросил Аргунов у доктора.

Врач пожал плечами.

Северьяныча решено было везти с собой до прииска Быралон, где находилась больница.

13

Зимовье опустело. Постели уже вынесли и уложили на сани. Натягивали тулупы, поднимали друг другу воротники. Был слышен голос Есаулова:

— Н-но, ты, разучилась пятиться!

Запрягли последнюю лошадь и выехали.

Глубокая, как корыто, дорога была хорошо укатана. Часто попадался порожняк. Начался большой и длинный, как в Забайкалье говорят, тянигус, то есть дорога в гору. Все слезли с саней. Шли молча, лишь изредка перекидываясь замечаниями. Идти в хребет было тяжело. Сбросили тулупы. Узов часто поправлял шапку, большой лохматой рукавицей, беспокойно поглядывая вперед. Хребту не было конца. «Надо дышать через нос, а то можно простудить горло», — думал Узов.

Холодный воздух жег ноздри и, казалось, его не хватало. Узов пробовал делать глубокие вдохи и выдохи — ныли зубы. Ноги начинали дрожать и подгибаться в коленях, хотелось сесть и не двигаться с места. Лошадь,

которая шла сзади, догоняла, и ее тяжелое дыхание было уже возле самого уха, чувствовался теплый воздух и запах сеной трухи.

Узов старался прибавить шаг. «Надо снова взяться за веревку, вот он, конец, как будто нарочно оставленный для меня. Надо догнать воз и тогда будет идти легко, держаться за конец веревки и идти. Пятнадцать метров до воза, надо прибавить шаг. Догнать, догнать и залезть на воз».

Вдруг Узову показалось, что снег посинел. Небо стало сплошь желтым, деревья завертелись и попадали. Все пошатнулось в сторону. Узов упал. Задняя лошадь остановилась, утробно вздохнула и оглянулась назад.

Узова посадили на воз и наказали больше не слезать. Он был бледен, как после тяжелой операции. Струйки пота катились по щекам, лоб был покрыт мелкими каплями.

День быстро начал портиться. Скрылось солнце. Подул ветер. До зимовья еще далеко. Надо торопиться. Ветер усиливался. Снег несло уже не только по дороге. Тучи снега кутали всю тайгу! Во многих местах дорогу начинало забивать. Передние лошади шли особенно тяжело. Иногда они сбивались и тонули по самые тужи в кюветах, тогда воз переворачивался.

Бояркин быстро вытащил из саней лыжи и обочиной дороги постарался быстрее пробраться к паре лошадей, идущей в голове обоза. Он решил, что пойдет впереди транспорта и будет помогать отыскивать занесенную снегом дорогу.

— Пожалуй, нынче до зимовья не доедем,

не ставить ли палатки, пока еще светло, — говорил суетливый мужичок, которого Есаулов звал мокроусым.

— Без тебя знают, — грубо оборвал Есаулов.

— Оно, конечно, без меня знают, но это я так.

Близко прислонившись к уху Аргунова, маленький и верткий мужичок, захлебываясь холодным воздухом, невнятно бубнил.

— На нашего хозяина не надейся, подвести всегда может, есть это за ним, все своей головой решай.

— А может, и впрямь, ребята, переночевать здесь, — сказал один из возчиков, сбрасывая сосульки с усов, — пока еще ветер нехлесткий, вот и устроиться, палатки же есть.

В воздухе носились тучи ледяной пыли. Слышно, как трещат в тайге сучья. За пять-шесть шагов уже ничего не видно.

— Сюда идите, воз перевернулся! — слышался тревожный возглас.

— Говорил я, дальше не уедешь! — прокричал тот же возчик.

— Из палатки парус получится, гляди, что дается кругом, пропасть, что ли, здесь, бестолочь непонятливая, — ответил другой.

Бояркин с Сохатым были все время впереди. Они отыскивали занесенную снегом дорогу, которая во многих местах часто терялась.

Есаулов пробрался к Аргунову и прокричал:

— Товарищ начальник, кого делать-то будем, доехались мы, кажется, вовсе. Лошаденки совсем умыкались. Устали лошаденки совсем,

говоря я, пробираться страх тяжело, передовики из сил выбились, выбились из сил, говоря я! — хозяин что-то еще прокричал, показывая кнутовищем на дорогу, но Аргунов не мог разобрать последних слов.

— Заменить передовиков. Сбавить груз с передних на задние подводы.

Есаулов, нагнув низко голову, побежал.

Передовиков заменили, перегрузили часть имущества, и обоз тронулся снова.

Ветер свистит и крутит снег.

«Вот гад, этот Есаулов, хотел всех нас заморозить, — про себя ругался Сохатый, — ну и дурак! Разве переждешь здесь буран! Да здесь только вздохни немного не так и — захлебнешься, и карачун тогда, сразу на месте же и отпоет тебя ветер».

Ветер бил по лицу, как мокрыми ладонями, ослепляя и не давая смотреть. Сохатый сморщился, утирая лицо рукавицей, пропуская мимо себя переднюю пару лошадей.

— Но, но, вы, торопитесь! — кричал на них Сохатый.

Он сел на последний воз и решил погреться. Нащупал рукой железную флягу. Холодная влата обожгла рот.

Транспорт шел и не сбивался с пути. От усталости и выпитого вина Сохатый задремал. Ветер хлестался возле воротника. Веки устало смыкались. Снег ударял в лицо и неприятно таял.

Откуда-то из-под саней вдруг появилась Груня. Ну, конечно, это была она, милая Груня. Сохатый теперь улыбался. Да нет, это со-

всем не Груня, это шаманка, та, сказку о которой он слышал в зимовье.

Сохатый открыл глаза и протер их, но глаза слипаются снова. Сейчас шаманку хорошо видно в тучах снега, ее большая толстая коса развевается по ветру. Нет, чья это коса — Груни или шаманки? Как она развевается и где-то там, далеко, свивается, перекручивается, пропадает в сером холодном и колючем снегу. Лицо женщины озарено улыбкой. Она смущенно, по-девичьи, закрывается рукой. А в глазах видны крупные прозрачные слезы. Она очень похожа на Груню, на ту самую Груню, которую он когда-то так сильно любил. Вот она сбрасывает с себя белую шаль и долго очищает ее от снега, стряхивает снег, а он льнет и льнет. Она сердится и подходит к Сохатому. «Милая, добрая Груня, где нам пришлось встретиться! Думал ли я когда, что мы с тобой свидимся после того, как меня забрали».

Груня дышит ему прямо в лицо, прижимается к щеке и обнимает. Глаза закрываются, но Сохатый хорошо видит ее смеющиеся губы. Тепло идет по всему телу Сохатого, разливается по жилам.

Сохатый поднимается на руках, но кто-то с бешеной силой выдергивает из-под него сани. Они летят в сторону, перевортываются, воз поскрипывает, похихикивает, бросается вправо, влево, вверх, вниз, и навсегда исчезает.

Измученные вконец животные часто останавливались, тяжело фыркали обмерзшими ноздрями, закидывали головы на конец оглобли, смотрели на людей, прося помощи.

Под утро буран начал постепенно успокаиваться, а тайга еще тудела и охала. Начала сереть восточная кромка горизонта. Транспорт спустился под гору, потом круто повернул влево, потом вправо и остановился в густом лесу возле занесенных снегом избушек. В одной из них на высокой чурочке сидел белый, как лунь, старик и выстругивал длинным острым ножом березовый черенок к приискательской лопате.

— У нас здесь, в наших скаженных местах, этакое часто бывает, — говорил он, обращаясь к Аргунову, — и мы уже, считай, привыкли. Смотришь, раз — и задует, и закрутит, два — и начнет ветер строгать снег, и не выберешься, и пошла писать каналья, и пошла. Откуда все только берется. Но мы все равно не опускаемся, помаленьку стараемся на ямах. Хотя у нас тут и поблизости-то золотишка нет. Но чует мое сердце, что оно должно быть, вот я и ищу.

Аргунову частенько приходилось встречать таких старателей, которые где бы ни жили, не жалея труда, били разведочные шурфы, искали золото. Старик был одним из таких.

Приискатель надел на черенок лопату и стукнул им об пол. Патрубок сел на место. Дед, как винтовку прикинул, поцелился и, довольный своей работой, положил лопату на колени.

— Ну, и как золотит? — спросил Аргунов.

— Три шурфа уже прохлестал. Пока нету, но чует мое сердце, будет золотишко. Чует...

— Товарищ начальник, Сохатый потерялся, — перебил старика Шилкин, входя в избу.

— Потерялся? — спросил Аргунов удивленно.

— Нету, нигде, везде обыскал.

— Вот что, Ваня, сейчас же бери пару лошадей — и айда. Осмотри внимательно все кюветы, все подозрительные бугорочки.

— Я мигом его отыщу, — Бояркин начал быстро одеваться.

Ветер еще нет-нет да ударял в плохо законопаченную стену зимовья, свистел в пазах. В щели пола дул холод. Часовая стрелка, казалось, примерзла к циферблату. Часы лежали на столе и спокойно отсчитывали секунды, тихо и неторопливо.

Метель стала утихать. Небольшие порывы ветра еще вылетали откуда-то из-за горбатых хребтов, проносились по вершинам сосен и терялись далеко в тайге.

В зимовье быстро вбежал Шилкин.

— Приехали! — сказал он обрадованно.

За ним вошли Бояркин и Сохатый.

Сохатый подошел к Аргунову, встал виновато перед ним. Глаза его слезились от долгого пребывания на морозе.

— Что это такое? Что случилось с тобой? — сердито спросил Аргунов.

— Вишь, оно как получилось. Совсем, надо сказать, неожиданно, — опустив вниз голову, тихо говорил Сохатый, переступая с ноги на ногу, как молодой солдат перед командиром. — Просто как-то просчитался. Ветер этот проклятый, снег метет прямо за шиворот, подводы перевертываются, конечно, любого вынудят. Вот я и хлебнул из фляги, да разве от такого количества оботрева дож-

дешь, я добавил немного. Без обогрева изнутри сдохнуть можно, это каждый знает.

— Как ты не понимаешь, ведь ты бы мог остаться без рук и ног! Ну вот что: на три дня лишаю тебя водочного довольствия, всю водку сдай повару.

— Прости ты меня, Николай Федорович, что я позорю тебя и твоих товарищей. Упаси бог, чтоб я еще позволил это.

Старый приискатель тяжело повернулся и, немного покачиваясь и припадая на ноги, пошел из зимовья.

...Опять Аргунов с инженером сидели над графиком, стараясь выкроить хоть один день, чтобы дать отдых лошадям.

Споткнувшись о порог, в зимовье вбежал Сохатый.

— Есаулов-то, что надумал, — прокричал он. — Подводы разгружает, не хочет ехать. Я с ним чуть не разодрался.

Аргунов оделся и вышел из зимовья.

— Кто разрешил? — строго спросил он.

— Лошаденки совсем выбились из сил, — говорил Есаулов. — Так и до гибели недалеко. Вот мы и решили возвращаться. Дорогу всю замело, с грузом не проберешься.

— С кем это вы решили?

— Да дорога-то впереди забита. Лошаденки совсем из сил выбились. Издохнуть могут, а ведь я ими только и живу.

— До Быралона недалеко, сделаем дневку и поедем, — пробовал настаивать Аргунов.

Есаулов часто вытирал нос большой рукавицей.

— Отдохнем и потихоньку доберемся, — вставил и Сохатый.

— Вам-то что, вы сегодня здесь, а завтра уедете, а я ими только и живу. Пропади они, куда я тогда годен?

— Нет, Есаулов, надо ехать.

— Нет, не поеду. Я и так договор перевыполнил. Мне лошаденки дороже ваших денег, — он повернулся и пошел, подчеркивая этим, что дальнейший разговор ни к чему не приведет.

— Какой подлец! — выругался Шилкин. — Что нам теперь делать? Здесь долго, пожалуй, можно просидеть.

— Нет, здесь сидеть мы не будем. Транспорт, который должен был везти нас со станции Березовка, скоро возвратится. Даже если он идет и не порожняком, мы постараемся его вернуть обратно, — сказал Аргунов.

День выдался на редкость солнечный и теплый. Даль тайги была залита синевой. Из пади в падь перелетали глухари.

Транспорт Есаулова ушел.

Поздно вечером прибыл порожняк из Быралона. Аргунов отыскал старшего возчика и стал объяснять ему, в чем дело. Возчик слушал молча и со всем, что говорил Аргунов, соглашался, кивая головой. Но когда начальник экспедиции предложил ему повернуть лошадей обратно на Быралон, возчик наотрез отказался.

— Мне мой начальник приказал быстрее возвращаться на станцию. Я понимаю ваше положение, но при чем тут я? Меня ждут, я должен какого-то начальника везти.

— Вот этот-то начальник и есть я! Моя фамилия Аргунов.

— Да тут много всяких Аргуновых ездит, и тоже начальниками прозываются. А мне приказано настоящего везти.

— Чудак, да я ж и есть настоящий. Тебя и вызвали срочно, чтобы меня везти, — бился Аргунов, в то же время передвинув заветную флягу за спину.

Возчик покосился на уплывшую фляжку, кашлянул и невольным движением расправил усы.

— Как знаты! Оно бы и можно... Вот потолкую с ребятами. Утро вечера мудренее. Завтра посмогрим.

Когда возчик ушел в другое зимовье, Сохатый высказался:

— Если он завтра не согласится, то мы их свяжем самым что ни на есть настоящим образом, погрузим свой груз и поедем. Помогите, больше ничего не придумаешь.

— Правильно сказал Романыч, — поддержал Сохатого Шилкин, — нечего тут с ними долго разговаривать. А то с разговорами да уговорами до нашей реки и к осени не доберемся. Я вот сейчас сижу и жалею, что Есаулова отпустили, уж кого-кого, а его-то надо было связать.

Аргунов сердился на себя, что он не может ничего придумать. Не вязать же и в самом деле этих возчиков, как предлагают Шилкин и Сохатый.

Все складывалось как нельзя хуже.

Аргунов долго не мог уснуть. А утром пришел возчик и объяснил:

— Так вот, товарищ начальник, посоветовался я с ребятами, и решили мы не возвращаться.

Шилкин сидел за столом. Его тяжелые и сильные руки лежали на столешнице. Сохатый стоял рядом с возчиком, поглядывая на Шилкина, но встретил строгий взгляд Аргунова.

— Жаль, что так получается, а то бы увез. Нам все равно кого везти, — слова проговорил, немного растягивая слова, возчик, как бы сомневаясь в чем-то и желая сам себя убедить.

— У вас почта есть начальнику базы? — спросил Аргунов.

— Есть, — ответил возчик.

— Покажите.

Возчик, не торопясь, вытащил из-за пазухи небольшого размера пакет. Аргунов взглянул на адрес и вскрыл.

— Разве так можно! Ведь оно не вам, — сказал с обидой в голосе возчик.

— Можно, — коротко ответил Сохатый.

Аргунов быстро пробежал глазами листочек.

— Вот распоряжение твоему начальнику, чтобы он немедленно перебросил нас.

Возчик удивленно уставился на Аргунова, потом взял с какой-то опаской протянутый ему листок и начал читать. Читал он долго, шевеля губами.

— Интересно, — сказал он и снова начал читать. — Теперь другое дело, — облегченно вздохнул возчик, — теперь я могу возвращаться.

Северьяныч отказался от предложения врача лечь в больницу. Он заявил, что теперь чувствует себя хорошо и, когда они приехали на прииск Быралон, попросил отвезти его к куму.

Кум радушно встретил своего старого приятеля. День был субботний. Северьяныч сходил в баню, которая была тут же во дворе. Он хорошо помылся, попарился и почувствовал: гора свалилась с плеч.

— Баня у тебя, кум, хорошая, чистый рай. Давно я не мылся в такой. Чистый рай!

— А теперь прошу подкрепиться с дорожки, — пригласил хозяин.

Северьяныч, вытирая обильный пот и отдуваясь, прошел в переднюю просторную комнату и сел за широкий стол, покрытый скатертью. На нем было наставлено много закусок, и, пуская клубы пара, отдувался самовар. Кум угощал дорогого гостя из пузатого графина крепкой настойкой, которую он любил готовить сам. За столом они сидели вдвоем. Семья кума ужинала на кухне. Северьяныч, как это требует приличие, справился о здоровье кума и членов его семьи.

— Ну, а работаешь все там же?

— Все в той же артели на своих конишках, — ответил кум и стал жаловаться на плохой заработок.

Гость выслушал и начал рассказывать об экспедиции, которая ночевала у него в зимовье, о том, куда она едет.

— Решил и я туда податься. Там, на реч-

ке Учугэй, говорят, россыпь нашли с очень богатым золотом.

Кум удивился:

— Да ты с ума сошел, в такую даль?

— А чего киснуть-то здесь? Ты не смотри, что я сухопарый. Я, брат, если хочешь знать, другого толстого передюжу.

— Это бывает, — согласился кум.

— По правде говоря, — продолжал Северьяныч, — мне здесь жить дальше невозможно. Ты знаешь, чем я занимаюсь. Пспадись я с этой водочкой, и начнутся допросы, где раньше жил, чем занимался. Гляди и дознаются, что мы с тобой во время революции поделывали. Ой, не похвалят нас...

— А ты правильно решил податься, — вдруг согласился кум и долил рюмки.

— Меня ведь до Быралона бесплатно довели. Больным прикинулся, — подхихикнул Северьяныч, опрокинул рюмку, крякнул, поморщился.

— Когда у меня эта экспедиция ночевала, — рассказывал он дальше тихим голосом, — из их разговоров я понял, что там, на Учугэе, уже работают приискатели. Вот я и решил предупредить ребят. Может быть, найдутся ягодки нашего поля, и, чего доброго, мы сделаем так, что экспедиция и не доедет. Мы золотишко богатое вырвем да и за границу податься сможем.

— Коли так, и я бы с удовольствием поехал. И мне убраться отсюда тоже пора...

— А я на тебя и надеялся, думал — вместе поедem, — перебил Северьяныч кума.

— Надо бы ехать, да не могу. Семья боль-

шая, сам понимаешь — не бросишь ее. Приходится жить и оглядываться, как травленому волку.

— Эх, брат, жалы! — от души пожалел Северьяныч. — Мы бы с тобой там развернулись... А на примете у тебя нет такого человека, подходящего.

— Подходящего человека... Есть такой человек, есть. Да ты его должен знать. Мусянин его фамилия..

— Нет, что-то не припомню.

— Оторви-голова парень, с ним можно дела делать. Он недавно у нас драку учинил, трех человек загубили. Ему только скажи, он хоть на край света согласится. Надежный человек. Может, послать за ним?

— А чего же откладывать? Зови.

Кум выпил рюмку, встал:

— Если он не пьяный, то сию же минутку явится.

Кум послал за Мусяниным и снова сел за стол.

Мусянин действительно явился скоро. Он был высок ростом. Редкая бородка торчала вперед. Густые рыжие волосы стояли дыбом, а широкий приплюснутый нос свернут набок, как у боксера. Приискатель был немного навеселе. Кум познакомил его с Северьянычем и сразу же начал рассказывать, зачем его пригласили. Мусянин слушал и ни о чем не спрашивал, казалось, что все это ему уже давно известно. Он сам наливал себе рюмку и, опрокинув ее в рот, долго не глотал. К закуске не притрагивался.

Выслушав кума, сказал:

— Но, а чего ж не поехать-то!

В этот же день они договорились, что завтра под вечер выедут из Быралона. За целый день успеют запасть самым необходимым.

Кум согласился их везти до Тарска. В Тарске решено было снарядиться основательно.

15

Стояло теплое утро, каких мало бывает на севере. Солнце только что поднялось из-за седловины гор.

Джемс, не торопясь, оделся, взял винчестер и вышел из землянки.

Он шел по тропе и любовался синим снегом, какой обычно бывает при восходе солнца.

Этот снег сливался вдаль с таким же синим-синим небом. Тайга, южный склон горы, поляны, засыпанные снегом, — все играло множеством красок: пурпурно-оранжевыми, пунцово-серебристыми, малиновыми.

Солнце уже поднялось высоко, когда Джемс осмотрел свои капканы, расставленные по тайге, и недовольный возвращался обратно. «Пропали бы все капканы этого кашалота Дика. Пусть сам ходит и смотрит», — думал Джемс и, осторожно ступая, подошел к небольшому кустику, где у него стоял свой хорошо замаскированный двухпружинный капкан. Лисица уже третий раз прошла почти возле него и не обратила никакого внимания на приманку. Она даже не остановилась, ес

ровный вытянутый в цепочку след лежал прямо через поляну. Джемс долго стоял, раздумывая, как можно обмануть этого осторожного зверя, как заставить, чтобы лиса наступила на засыпанный тонким слоем снега пяточок капкана. Трудное это дело — ловить лисиц, очень трудное. За все время охоты в его капканы попались всего-навсего никому не нужная белая сова да еще какая-то пестренькая птичка.

Джемс со злобой плюнул прямо на капкан, закурил трубку и пошел домой.

Усталый и огорченный, он вошел в землянку.

— Ну, как, старина, результаты?

— Пусто. Эти проклятые лисицы боятся наших капканов, как огня. Они даже на приманку смотреть не хотят.

— Казалось бы, проще простого человеку обмануть этого зверька, а вот не получается, не можем, что-то мы делаем не так, когда ставим капканы.

— Черт с ними, с этими лисицами и капканами. Я вот сейчас поднялся на гору, посмотрел на долину, где копаются старатели, и подумал, а что если письмо действительно дошло?

Дик поставил на стол кофейник, две кружки с побитой эмалью.

— Ну, что, старина, будем пить кофе?

Так он называл воду, забеленную мерзлым куском оленьего молока.

— Если действительно это письмо дошло, сюда могли послать экспедицию с каким-нибудь комиссаром, и тогда...

Джемс не окончил последних слов, набил трубку и закурил.

Дик налил в кружку «кофе».

— Мы не можем сидеть так, сложа руки, мы деловые люди, нам нужно что-то предпринять...

— Что делать, говори, — сказал требовательно Дик.

— Надо действовать! Нужно не допустить сюда эту проклятую экспедицию, иначе крах! Всему крах!

И действительно, нужно быть полным дураком, чтобы сидеть, сложа руки, и ждать, когда тебя начнут грабить.

— Ну, что делать? Что я должен делать? Я готов всаживать пулю каждому встречному и из каждого встречного вырывать печенку.

Джемс обыкновенно в такие минуты жадно курил, и дым из его трубки валил, как из самоварной трубы.

— Надо послать человека. Да, да, человека, который встретит экспедицию... «Жизнь—это игра», — так говорил мой дед, который чуть не стал миллионером. Он любил еще говорить: «Кто умней, тот выигрывает». Выиграть должны мы, американцы.

Джемс послал Дика за Степкой, тяжело опустился у стола и стал обдумывать, как заставить этого заленившегося якута выполнить его план. Он хорошо знал, что так, просто, Степка не поедет. Последнее время, если его просили куда-нибудь съездить, он долго морщился и только после доброй порции спирта давал согласие. Сейчас путь предстоял неблизкий, и Джемс был уверен, что Степка

ехать в такую дорогу не согласится. Надо было придумать что-то такое, что могло бы сломить его упрямство.

Через час Степка сидел за столом и молча слушал Джемса. Ему нравилось, как этот толстый человек уговаривал его. Он не задавал никаких вопросов и ожидал, когда его начнут угощать спиртом.

— Я плачу тебе вперед, вот деньги, все бери.

Джемс высыпал из брезентового мешочка на стол полтинники.

— Если ты сделаешь все, что я тебе говорил, то получишь в десять раз больше, понял?

Степка взял один полтинник на зуб, прикусил его и положил обратно. Пусть себе болтает этот американец. Степка никуда не собирается ехать.

— Слушай, когда доедешь вот до...—Джемс посмотрел на карту,—доедешь до Темир-Креста, жди здесь этих русских. Когда они приедут, ты придешь к ним и скажешь, что возил пушнину и теперь едешь обратно, можешь и их подвезти. У них проводником будет какой-нибудь якут, это факт. Договорись с ним и заведи этого русского начальника к черту на рога. Сделай так, чтобы они заблудились. Задержи их до распутицы. Задержи их, пока не разольются реки. Столкни начальника куда-нибудь в пропасть, в снег. Убей их! Убей! Я тебе дам тогда... дам тогда двадцать таких куч денег. Вот такую кучу дам денег, понял?

— Понял.

— Я тебе сейчас дарю винчестер калибра

40 на 40, — Джемс показал на винчестер Дика, — очень хороший. Он всегда работает без осечки. Из него на сто ярдов можно бить любого зверя прямо в глаз.

Степка хорошо знал этот винчестер. Приобрести такое оружие было его мечтой. Ни у кого из охотников нет такого винчестера. Когда у Степки увидят ружье его сородичи, как они будут завидовать ему! Покупать станут у него этот винчестер. Но Степка, конечно, ни за что не продаст. Зачем продавать то, что нравится самому!

Но Степка даже головы не поднял. Зачем показывать, что обрадовался? Может быть, американ еще что-нибудь даст. Если он дарит ему винчестер, значит, ему шибко надо, чтобы русские не приехали сюда.

Джемс продолжал.

— Я сделаю твоего сына торговым человеком. А если сюда приедут русские начальники, они отберут у тебя всех оленей. У русских есть такой закон. И твой сын будет нищим. Ты понимаешь, твой сын будет нищим, как самый бедный охотник. А сейчас, на еще выпей. Я ничего не жалею для хорошего человека...

Дик из квадратной фляги налил стакан «огненной жидкости». Степка выпил и обтер рукавом губы.

— Страшно убивать... Налей еще.

Дик плеснул в кружку. Степка выпил и сказал:

— Еще маленько налей, — он снова с жадностью проглотил разведенный спирт и добавил:

— Однако, не поеду. Шибко страшно.

Джемс хорошо понимал, что значило слово «однако». Это был прямой отказ.

— Если ты не поедешь, тогда мы пошлем другого. Попросим вот хотя бы Данилу Кузьмича.

Степка засмеялся.

— И он не поедет.

— Он поедет в город Якутск и передаст письмо большому русскому начальнику. В этом письме я напишу, как ты убил приискателя Соловейку и взял у него золото, которое потом продал мне.

Степка вскинул голову, глаза его широко раскрылись. Он удивленно смотрел на американца, и его рука медленно опускалась к ножу. Но в это время он почувствовал, что на его плечо легла тяжелая ладонь. Рядом с ним стоял Дик. Взгляд Степки упал на большой нож Дика, который был подвешен справа на широком американском поясе.

— Я не убивал Соловейку!

Джемс вытащил из сундучка небольшую коробочку, осторожно открыл ее и так же осторожно высыпал на ладонь щепотку золота, добытую в яме Соловейки.

— Вот оно, твое золото, которое ты нам продал, — американец сунул ладонь с золотом под нос якута, — вот бумага, в которой мы уже описали, как ты убил этого бедного человека. Поверят нам, что ты убил Соловейку. Тебе не поверят.

— Я никакого золота тебе не продавал. Ты пошто врешь! Я тебе ямы показал, а ты сам

мыл его. Ты пошто врешь! Ты забыл, что сам лазил в ямы и мыл золото?

Захмелевший Степка начал трезветь. Джемс, размахивая руками, говорил:

— Если только ты не поедешь, мы позовем сюда милиционера и покажем ему кости Соловейки. Тебя увезут в город и посадят в каменную тюрьму или расстреляют, а оленей заберут. Отец твой и мать твоя, все твои ребяташки будут нищие и голодные. Если ты поедешь, будешь богатый человек. Ты должен мне верить. Ты знаешь, я тебя никогда не обманывал. Я очень честный человек.

Степка сидел, низко наклонив голову, и о чем-то сосредоточенно думал. Степка не убивал Соловейку, но как он может доказать?

— У меня голова болит. Однако, я домой пойду, — сказал он.

И только Степка скрылся за дверью, так и не дав согласия, Дик сразу же набросился на Джемса:

— На кой черт ты этому косоглазому пообещал мой винчестер?

Джемс захохотал:

— Я люблю дарить чужие вещи. И мой дед тоже любил дарить чужие вещи.

— Я тебе говорю серьезно. Зачем ты подсунул мой винчестер?

— А ты сам ему подарил... Это ты виноват и только ты. Если бы догнали тогда сына охотника, то и Степка сейчас нам был бы не нужен. Следопыт! Не брался бы определять след, если ни дьявола не смыслишь.

— А кто его знал, что он через горы поедет.

— Нам надо было знать. Как ты не пони-

маешь, мой друг, — ласково продолжал Джемс, — что только твой винчестер может заставить его ехать с нашим поручением. И потом ты знаешь, он же вернется обратно. Мой подарок, так сказать, временный подарок. И твой винчестер снова будет твоим. Не горюй, дружище. Пока ты можешь пользоваться моим винчестером.

Дик, поразмыслив немного, успокоился. «У этого проходимца Джемса голова все-таки неплохо работает».

— Ну, что ж, старина, — сказал он, — давай в таком случае поужинаем.

Джемс грыз ноготь большого пальца и сосредоточенно думал:

— Нет, я все равно заставляю этого якутишку поехать и выполнить мой план, — в раздумье произнес Джемс.

16

Про письмо, которое дедушка Пых послал в далекую Москву, знали все. Много было толков и споров среди приискателей. «Хорошо ли поступил дедушка Пых, что послал письмо?» — рассуждали таежные люди.

Но время шло, и о письме как будто стали забывать. Только Филипп Егорыч неотступно думал: «Если письмо получили, то почему все-то никто не едет? Или, может, прочитали да бросили, а то и читать не стали. В письме я будто бы подробно извещил, как нас найти. Какая у них могла произойти задержка? За-

плутались? Уехали в другое место? Неужто не приедут?»

Часто ночью он выходил из зимовья и прислушивался, не слышно ли где голосов, днем до боли в глазах смотрел вниз по Учугэю...

Солнце поднялось из-за высокого гольца. Снег быстро менял краски. Каждая ветка дерева покрыта снегом, как коленкоровой салфеткой, а кругом нанизаны нитки инея. Снег изрисован узорами следов белок, лисиц, горностаев. В тайге запахло теплом.

И вот про письмо заговорили снова, как и в первые дни. Относились к нему все по-разному. Одни смотрели просто, как на блажь, которую выкинул под старость лет старатель. Другие были убеждены, что письмо никогда не дойдет по такой почте, которую придумал вместе с якутом-охотником их старшинка. Были и такие, которые говорили:

— Ну, если дойдет, прочитают его, посмеются да и бросят. Разве ближе мест нет, где можно добывать золото! Шуточное ли дело, в такую даль засылать на разведку.

Некоторые приискатели гадали, хорошо им будет или плохо, если приедут разведчики.

— Скоро конец разведчикам, еще немного — и дорога рухнет. Смотри, в солнпеках уже снег начинает шевелиться.

— Разведчики-то разведчиками, — говорил задумчиво дядя Гриша, — а нам, пожалуй, мотать отсюда надо. Отработать бы еще одно лето не мешало, но боюсь я, как бы животы не подвело.

— Ничего, вот разведчики приедут, и наша жизнь сразу переменится: и продукты у нас

будут, и все будет, — уверенно сказал Андрейка.

— Так они тебя и возьмут на иждивение. Нужны мы им шибко, — возразил «управляющий», — это только в сказке бывает, что волк петуха угощает. На одну кочку два журавля не садятся.

— Вот приедут разведчики, посмотришь, как мы с ними заживем. Только бы дожждаться! — возражал Андрейка.

— Чего это ты шеперишься со своими разведчиками! Может, у них у самих в обрез продуктов будет, — от души возмущался «управляющий».

— Они не на один день едут сюда, значит, запас будет, — ответил Андрейка.

— Спорите вы все ни о чем, — отрубил дедушка Пых, — не один и не два человека сюда могут приехать, а уж если приедут, то целая геологическая партия, и продукты у них будут, и инструменты.

— И думаешь нам подмогут? — поспешно спросил дядя Гриша.

— А если мы потрафим, то почему же и не подмочь? Факт, подсобят... Ну, ладно, хватит балясы точить, давайте начнем промывать пески, — заключил старшинка.

Все дружно встали и взялись за инструмент.

Дни шли, похожие друг на друга. Как-то вечером в зимовье к дедушке Пыху зашел Выгода и, когда разговор зашел о письме, сказал:

— Хреновину ты затеял с этим письмом. Нас всех на посмешищеставляешь. Здря ты затеял его, здря. Если дойдет оно да, не дай

бог, пошлют к нам сюда начальство, мало нам проку будет.

— Еще как оно повернется, — возразил «управляющий».

— А чему тут поворачиваться? — спросил Выгода.

— Может, нам лучше будет, — настаивал дядя Гриша, — вот приедут, и мы заживем, как караси в глубоком омуте.

— Эх вы, кукушкины дети, — вызывающе бросил Выгода, — о гнезде своем не думаете.

— Кто это кукушкины дети? — громко спросил «управляющий».

— Да вот хошь ты.

— Кто-о, я? Да ты знаешь, с кем разговариваешь? Да я как могу... Да я... — проговорил приискатель и, грозно сдвинув брови, встал в молодецкую позу.

— Ну, ты! — проговорил Выгода, даже не взглянув на распетушившегося «управляющего».

— Я никакого родства с этой птицей не имею, — вдруг сразу утихомирился дядя Гриша, как ни в чем ни бывало сел и обратился к Андрейке:

— Эх, Андрейка, наша жизнь копейка. Бывал и у меня в руках фарт, но вишь он какой скользкий — выскальзывает

— А ты держи его крепче.

— Держал, а он только хвост кажет. Характер у меня мягкий, а то бы я ему сейчас дал! — и он посмотрел на Выгоду, а потом на свои тонкие руки.

Но Выгоду мало тронули угрозы дяди Гри-

ши. Он с деловым разговором обратился к дедушке Пыху.

— Ведь ты не бог весть какими перьями украшен, не велика птица, а летать высоко хочешь.

— Ты в натыр на меня не иди, не яришь понял? — назидательно сказал Пых. — Я тебе не какой-нибудь распротакой, — и уже тише добавил: — не можешь ты понять меня, чего я хочу. Золото здесь сам знаешь какое. Вот и получается: лежит собака на сене, сама не ест и другим не дает. Дальше промышлять, как мы промышляем, — терпежу нет, пропасть мы здесь можем, и конец и нам, и золоту.

«Управляющий», желая, должно быть, окончательно доказать, что он не имеет никакого родства с птицей, которая не вьет себе гнезда, проговорил:

— Приедут начальники — и прощай тогда наше золото. Пути нам сразу все будут заказаны. Авторитету у нас не хватит, пропадем мы. — Когда произносил слово авторитет, покосился на Андрейку.

— Хватит, — сказал дедушка Пых.

— И пойдет тогда оно и пойдет, — не унимался Выгода, — дядю Гришу назначат инженером, и он будет ходить вместе с авторитетом и нам своим пальчиком указывать: это скажет не так, а это не этак.

— Ты брось, Выгода, эти... как ты их, Андрейка, называешь? Ну, да ты это слово вчера еще говорил, такое ловконькое...

Андрейка старался вспомнить вчерашний разговор за обедом, когда дядя Гриша пере-

спросил и повторил нараспев сказанное им «ловконькое» слово.

— Какое, дядя Гриша? Комплимент, что ли?

— Во, во, комплимент, — обрадовался приискатель. — Так вот, ты мне брось эти самые комплименты выговаривать.

— И чего вы спорите? Что же ты думаешь, если сюда разведчики приедут, так нам стараться запретят? Что, тайги мало? Вон она, матушка, какая! — Филипп Егорыч широко развел руками. — Вот в ней и будут искать. Не в наших же ямах станут копать. А найдут золото — люди к нам приедут, большую артель организуем и начнем работать по-настоящему. А то, может, и рудное вывернется, тогда и фабрику сгрохают. Надо начинать жить по-новому, уходит старое, не все в берлоге медведем жить. Сгнием мы здесь, как пень на корню.

— И клуб тогда у нас построят, — ввернул Андрейка и мечтательно улыбнулся.

— Ну, уже и клуб! — усмехнулся Выгода.

— Может так случиться, что ты же сам со своей артелью и запросишься на делянку, — ввернул и дедушка Пых. — Скажешь: допустите меня вот до этого местечка, я обязуюсь его отработать честь по чести. А тебе ответят: пожалуйста, товарищ Выгода, а может, еще и свеличают. Бери, работай, золото сдавай в золотоскупку, магазин — вот он, покупай, что душе твоей угодно.

— Ты приманкиставляешь, — стоял на своем Выгода. — Ну, а если, скажем, они из нас пыль качнут? Возьмет этот приезжий на-

чальник и резолюцию наложит на все наше старательство, тогда как?

— Стараться нам не запретят, — уверенно сказал Филипп Егорыч.

Видит сова ночью и белых и черных кроликов. Видит и старый приискатель, под какой уклон дела пошли.

— Говоришь, не запретят? А если чуть что, я из них лучин разом нащепая, я им такое затмение напущу, что они не разберут, где суть, а где муть, — вдруг снова загредел дядя Гриша, забыв о своем «мягком» характере.

«Управляющий» стоял, размахивая руками.

— Я не отвечаю за себя. Поглядим, посмотрим еще, кто кого!

Дедушка Пых на «пустые речи», как он называл про себя рассуждения дяди Гриши, не обращал внимания. «Управляющий» говорил внушительно, и некоторые ему верили. А кто его знает, вот возьмет да и саданет. Ведь бывает, что и лопата стреляет.

Разговоры о том, что будет, когда приедут разведчики, шли подолгу, и всегда победителем выходил дедушка Пых. На его стороне было и золото, которое найдут, и богатые деланки, которые будут сдавать в эксплуатацию старателям, и магазины с разными товарами. У Выгоды же не было ничего, кроме тех ям, на которых он сидел.

И когда ушел Выгода, дедушка Пых заговорил с возмущением:

— Я вот никак не могу разобраться в этом человеке. До чего же он жадючий. Сел на свои ямки — и не трогай его, а что в них, в ямках-то! А по мне хошь как есть все людиш-

ки к нам сюда соберутся, я и слова против не молвлю. Чего нам их бояться? Пусть едут, бог у нас один, вера одна, и золото будем добывать одно. Пусть едут, нам веселей будет. Тайги, что ли, мало. Матушки-землицы на наш век хватит поперебрасывать лопатой. А вот ему все не так да не этак, теперь вдруг разведчиков не надо.

— О господи, прости ты нас хорошенько,— взмолился дядя Гриша.

17

Снова дорога. Лошади идут бодро. С хрустом втыкаются копыта в снег, истертый в пудру, и опять выбрасываются кверху. Чуть покачивается сильное тело животного. Куржаком покрылись его подпотевшие бока. Черноглазый горностай мелькнул в передухах, оставляя следы-копейки. Красной искрой вспыхнул колонок и исчез в зарослях. Старая кополуха оставила лунку-схоронку и плела кружева-узоры, расхаживая вразвалку. Мороз играл в пушистых ветках, невидимыми пальцами перебирая иглы, ронял хлопья снега, испугивал осторожную птицу, белку, вышедшую жировать, или голодного дятла, звонко заколачивающего гвоздики в промерзлые стволы. Кто-то кричал из леса, то ли кедровка, то ли дятел:

— Торопись, торопись, торопись, пока лежит в нашей тайге снег.

День был ясный. Кругом глухая тайга, ни пенька, ни щепки, ни переломленного ногой

человека сучка. Тайга обновилась за ночь. Пушистая белка катилась, как шарик, по снежной пелене.

Аргунов зябко поежился, поправил ворот дохи. Легкий ветерок бил в лицо. Солнце ярко светит, блестит снег. Кругом раскинулась однообразная безбрежная ширь—утомительный пейзаж. Выплывали воспоминания.

...На поляне кое-где видны уже отцветающие цветы. Как поднялись кверху бурые стрелки острца! Во влажном воздухе ничем не пахнет. Не слышно запаха умирающей травы, лютика, жабрея и дикой душистой мяты. Несмолкаемо шумит вода на пороге. Аргунов стоит на берегу весь мокрый. Только сейчас он выплыл. Плот несколько раз перевернуло и унесло вместе с продуктами и оружием. Где товарищи? Ручеек возле самых ног впадает в эту бурную реку.

Вечный таежник! Сколько он прошел километров пешком, выюком? И нередко в глушь тайги пробирался с двумя-тремя товарищами, а потом там вырастало приискное село. Люди жили, работали и не знали, кто пришел сюда первым, кто открыл прииск. А этот человек, неутомимый, скромный, снова ночевал на снегу возле костра, мокнул под дождем, тонул в непроходимых болотах или полуголодный плелся по тайге...

Аргунов открыл глаза — кругом все тот же снег. Вразвалку идет конь, поскрипывает сбруя.

Аргунов вспомнил свою жену, Анастасию Семеновну. Что она делает сейчас? Наверное, сидит и пьет чай с Катенькой. Катенька требу-

ет варенья. А может быть, они уже напились чаю, и мать читает ей сказку...

Вспомнились юношеские годы на родном приiske. Он работал в забое, где добывали пески и увозили на таратайках в широкую пасть бутары. Глинистые пески долго вертелись в быстром потоке воды, рабочие терли их на грохотах, и они плыли по широким и длинным колодам, теряя на бегу маленькие желтые крупинки, ради которых и надрывался с зари до зари трудовой люд.

Заканчивался рабочий день. Золотоносный песок выгребали из длинных колод и под строгой охраной отмывали на важгерте. Он желтой рябью играл в воде. Потом его сушили. И сам подрядчик Селифан ссыпал тяжелый металл в широкую и высокую кружку и нес под охраной к себе в контору.

Аргунову очень нравилась черноглазая девушка Настя. Подрядчик Селифан с усами, как хвост у лисицы, тоже не спускал с нее глаз. Его неуклюжая фигура часто торчала на бровке разреза: он ухмылялся, щурил мышинные острые глазки под щетиной широких бровей. О чем думал Селифан? Кто влезет в его лысую голову? Был Селифан мастак до всяких проказ. Словно и годы не те, а ему неймется. Подрядчику за его делишки не раз уже обещалась старая шахта, где в свое время был утоплен распутный купец, но Селифан по-прежнему гулял.

Подруги говорили Насте:

— Смотри, Настенька, скоро до тебя дойдет черед. Селифановы глаза с тебя не сходят, берегись!

Настенька отвечала:

— Пусть только посмеет, сразу же утоплюсь.

— Вот что, ты,—как-то сказал Селифан Николаю, когда они встретились наедине,— забудь девку, она тебе ни к чему, а то... Понял? В забое сгною или в Акатуй сплавлю. Ну?

Аргунов тогда смолчал. Только его брови, как два медведя сползлись лбами вместе, а пальцы дружно сжались в кулак и страшно побелели суставы.

И давно бы уже была сыграна свадьба, да отец Настеньки, Ермолыч, не соглашался. Все тянул да оттягивал. То ли он боялся Селифана, то ли еще были какие причины, кто его знает.

Селифан задавал Аргунову самые тяжелые уроки.

— Эй, ты, сегодня станешь один вот в этот забой на глину. Правда, там сверху водичка льет да и борт рухнуть может, но ничего, ты парень здоровый, совладаешь,— не скрывая своего ехидства, важно говорил подрядчик.

Ермолыч, слушал этот разговор, внимательно смотрел на Селифана, как-то смешно и неуклюже жал изработанными плечами, тяжело вздыхал и молча продолжал бросать липкую глину.

А вечером, бывало, поучал:

— Эх, Николай, Николай. И где я только за свою горемычную жизнь не бывал: на Каре был? Был. В Акатуе работал? Работал. Вспомнишь и страшно станет. Нагляделся и навидался. Весь север обходил. Все пути-дороги, всю тайгу сквозь прошел. Крепко и со злобой ходил, все наш приискательский фарт

искал, но, видишь, не нашел и уgomонился под старость лет. Много людей перевидал таких же, как я, искателей. Спрашивал их: ну как, мол, где? Но они только руками разводили. Как и я, они попусту потеряли время, и многим им конец пришел. Одни в тайге сгнули, других в шахтах попридавило, а третьи живут без форта, как я. Складывается: нету счастья нашего приискательского. Бросил бы и ты думать про это.

...Обиды, как маленькие доли, росли в большой золотник. Да. А потом каторга...

18

Голубая изморозь кутала толстые стволы суковатых деревьев. На сухостойке-шпиле сидела ушастая сова. Белка грызла шишку.

Из-за замшелых деревьев сверкнуло алмазом крохотное оконное стекло и показалась избушка-зимовье.

— Как в сказке,—заметил Коточков, обращаясь к Аргунову.

— Э-эй, встречай, приехали!—кричал Сохатый, стоя на возу. — Калачиками угощай, прибыли,—шутил он.

Рядом с хорошо проконопаченным зимовьем, которое стояло почти на дороге, дымило еще несколько, в беспорядке разбросанных по лесу.

Ветер по сучьям прыгал, спускался ниже, становился тяжелее и сердитее. Прыгнул на зимовье, начал разбрасывать залежавшийся снег, развевая с каким-то особым упорством

дым, по-мальчишески радуясь своей удали. Заиндевевшие лошади согнулись, нахохлились. Аргунов решил сделать дневку, поискать свежего транспорта.

Поужинав, одни готовились ко сну, другие еще сидели, наслаждаясь теплом, курили.

Поодиночке в зимовье стали приходить якуты. Они садились на пол, на нары, на скамью, перебрасываясь вполголоса короткими словами, курили трубки. Самым последним пришел старик. Маленький, с реденькой бородкой, молча, ни на кого не глядя, прошел в передний угол зимовья, занял место, чтобы ему было всех видно, закурил трубку. Серебряные колечки на черном, пропитанном никотином дереве трубки, поблескивали. Лицо старика было одухотворенным, сосредоточенным.

Он выбил пепел, прочистил чубук, набил новую порцию табака, тяжело вздохнул и что-то забормотал часто-часто, как косач на току. Останавливался, начинал снова, растягивая некоторые гласные.

В зимовье сразу воцарилась полная тишина.

Из забытых трубок поднимался едкий дым. В глазах старика слушатели видели какой-то волшебный огонь.

Старик сделал небольшую паузу. Из груди его вырвался вздох и сразу же, будто даже некстати, запел он сильным и приятным голосом. Он пел на своем языке. Люди восхищенно слушали, не пропускали ни одного слова чудной песни.

Дверь зимовья распахнулась. На пороге показался молодой, хорошо одетый якут. На нем было меховое пальто и дорогие, из шкурок

сохатиных лап, унты. Он сразу быстро разделся, как будто прибыл домой. Увидев Аргунова, который сидел ближе всех, подошел к нему и на русском языке, с небольшим акцентом, заговорил:

— Я учитель из Тарска, будем знакомы.

Аргунов отрекомендовался.

— Очень хорошо, очень хорошо,— проговорил быстро учитель.

Он сел рядом с Аргуновым и начал было рассказывать про свои дела, но сразу же замолчал: песня коснулась его уха.

Старик пел по-прежнему. Его глаза полузакрыты, они видят выше и дальше стен. Стены ушли, раздвинулись... Старик—весь в песне.

Но вдруг певец замолчал, замолчал сразу так же неожиданно, как и начал. Тогда все сидящие кругом якуты дружно, как будто по чьему-то невидимому мановению, произнесли одноголосое громкое: «Но!» И песня полилась снова. Торжественная песня захватывала не только тех людей, которые понимали ее слова, но и тех, кто не понимал ни слова.

Учитель слушал молча и уже не обращался к Аргунову. Старик замолчал снова. И снова, как по команде, все дружно, в один голос, крикнули: «Но!» И песня продолжалась.

В это маленькое «но» люди вкладывали свою просьбу к певцу: пой дальше, нам нравится твоя песня, ты большую правду поешь в своей песне, мы все верим тому, что ты сейчас поешь, нам нравится твоя умная песня.

Старик часто останавливался, дожидаясь, что скажут эти требовательные слушатели, не

признающие никакой лжи, не терпящие обмана вообще.

Когда певец-сказитель ушел и ушли все якуты, Аргунов спросил учителя, о чем же пел старик.

— О! Он очень хорошо пел. Он пел об одном большом человеке, которого сослали на север, он пел о том, как этот человек собрал вокруг себя много хороших и честных людей, как они там набирали силы, как им помогали якуты...

Эту легенду Аргунов уже слышал когда-то от охотника-орочена, и странно показалось ему что и здесь, в далекой тайге, она жила в песнях старика-якута.

Вошел Сохатый. Стряхивая снег с плеч, шапки, ругался:

— Опять началась эта заваруха, в пору хоть в берлогу ложись!

Аргунов сидел на краю нар.

— Ну, что, Романыч?

— Да так... Что же это подвод снова нет?

— Да, нет! Ты же знаешь.

— Знать-то, конечно, знаю. Но что будет, если мы так станем кочевать. Тут быстрее сплывем с этим снегом, нежели попадем на Комюсь-Юрях. Дела...

Сохатый поцарапывал пальцем бороду и, насупя брови, смотрел на огонь.

— Успеем, Романыч, не падай духом, еще впереди много зимы. Морозы, видишь, какие стоят.

— Должны успеть, а то что же, дорога ханет — и все пропадет, позор тогда нам, хоть топись.

Аргунов, улыбаясь, посмотрел на расходившегося старика.

Сохатый подхватил уголь, прикурил и сел за стол.

— Это что, карточка?—спросил он вдруг, показывая на тетрадь, из которой виднелся уголок фотографии.

— Дочери моей,—ответил Аргунов и подал фотокарточку.

— Катенька... ишь ты, какая веселенькая.

Сохатый смотрел долго и улыбался. Но его добродушная улыбка постепенно сходила с лица. Оно все мрачнело и мрачнело, и, наконец, старый приискатель тяжело вздохнул.

— Что, Романыч, вспомнил о чем-то?

— Посмотрел вот я на нее и вспомнил... У меня, Николай Федорович, такой случай бывал в жизни, если хочешь, расскажу. Спать все равно рано.

Аргунову часто приходилось слышать рассказы бывалых людей, этих таежных мастеров художественного слова, которые непринужденно и как будто невзначай начинают свой неторопливый рассказ.

Ночь длинна, тайга холодна, а печка топится жарко.

— ...Подался я в глухую деревню,—рассказывал Сохатый,—от начальства подальше. Ну, думаю, отдохну. Захожу в один дом и прошуь ночевать. Видят, что одет я не шибко ладно, и спрашивают, кто такой и откуда. Я им, конечно, подоврал немного, что на прииске не повезло и что решил поработать до весны в деревне, а там, как будет богу угодно. Ночуй, говорят, места хватит. Я ночевать-то

ночевал, да так и остался в этой деревне. Чем-то поглянулась она мне, хоть и думал уйти еще дальше. Жили в этой деревне, как во всех деревнях. Пахали пятеро одной сохой, да и лошаденки не у всех были. Живу это я день, второй, третий, неделю. И вот одна бабеночка—ну, прямо куда там, рафинад-баба—мне поглянулась. Хороша, но не мне, думаю, за такой тягаться. Неправильно, скажи ты, о женщине думал, как потом выяснилось. А за этой бабочкой хлестал один купчик. Посмотрел я, посмотрел да и потянул еще одну карту, а у самого сердце чует, что перебор будет. Бывало, она навстречу попадет, поклонится и обязательно улыбнется, а потом стала и ко мне прибегать с каким-нибудь задельем, то то, а то это помощи. Известно, как без мужика жить одной в хозяйстве. «Пожалуйста»,—говорю я. А сам со всей вежливостью к ней иду и помогаю. А на купца плюет. Правда, видом-то я ничего из себя был. И все чаще стала она прилетать ко мне, пощебечет, как сорока, к себе пригласит да и упорхнет. Что ж делать? Ударю, думаю, я по банку, была не была. Говорю я как-то ей прямо, что, мол, давай поженимся, я тебе помогу хозяйство справить и прочее. Обнял ее, крепко поцеловал, она, как водится, сначала не соглашалась.

«Что люди скажут,— говорит,— осудят меня».—«Мы людям нос утрем, замолчат, небось». Она посмотрела на меня, как сейчас помню ее синие глаза со слезами... Ну, а потом вскоре и согласилась.

Сохатый тяжело вздохнул.

— Вспомнить даже, Федорович, совестно.

Наварил я на завтра чугунок картошки, поставил на стол, вытащил четверть водки, позвал несколько мужиков и ее зову. Она ничего не знает о моем приготовлении. Приходит, приглашаю ее. Посмотрела она на стол, на меня взглянула и села. Ну, думаю, уж коли так, то и жены мне в свете лучше не найти! Жаль мне ее стало. Налил я полную чашку водки и говорю: давай, мол, за нашу семейную жизнь, за счастье. Отпила она немного, достает картошку, чистит и закусывает. Живу я с ней день, второй, четвертый, а купчик ей проходу не дает. «Спуталась ты, говорит, Грунечка, с бродягой, не послушала меня, я, говорит, найду место твоему варнаку». Да еще баб подучивает. «За кого ты вышла, дура, опомнись», — твердили бабы. Смотрю, дело принимает плохой оборот. Как-то я ей и говорю: «Вот что, дорогая, я утром уйду в город, а ты жди меня дня через три». «А зачем?» — спрашивает она. «Надо, — говорю, — Грунечка, очень надо».

Достал я, Федорович, свой кушак с фартом, подпоясался и пошел. А оттуда, как раз под воскресенье, и прикатил на своей собственной тройке. Кони-звери! Как сейчас помню, коренной пеганый, куда к черту Игреньке есауловскому! А пристяжки в масть серые, сбруя с набором цыганская. На телеге полно товару, вина и всякой ерунды и сам разодет так, что купчику и не снилось. Народу сбежалось много, и все ахают да охают. Она, беденькая, так растерялась, что и сказать ничего не может. А я стал на воз и побрасываю куски товара на крыльцо, а водку мужики таскают. И устроил я тогда свадьбу настоящую!

— А золото у тебя откуда взялось?— спросил Аргунов.

— А золото у меня вот откуда: был у нас на каторге один мужичок — и в бога не верил и начальство его как-то уважало, вернее—больше боялось, чем уважало, даром что человек без свободы. Последнее время он хворать часто стал и вот как-то во время своей болезни и подзывает меня. «Знаю,—говорит,—одно место в тайге, богатейшая россыпь, лоток дает рублишек десять, и неглубоко, вода не мешает, как у царя в кладовке. Вот, если придется вырваться отсюда, попытай свое счастье, может, фартанет». А я возьми да и ляпни: «А что же, дедушка, ты начальству не расскажешь, может, оно и простило бы». Он сверкнул на меня из-под седых бровей и говорит: «Не думал я, что ты такой болван, я почему-то считал тебя нашим народным человеком. Да ты бы знал, душа твоя окаянная, сколько меня за это золото терзали: и на кобыле-то я лежал не один раз, и в карцере сидел, и добром-то меня уговаривали. Но нет, не показал я им это место. Не будут слуги царские чеканить деньги из моего золота. Поэтому, может, я и умираю раньше, чем мне положено. Не такой я человек, у меня свое душевное мнение имеется».

Стали мы с товарищем готовиться в бега. Товарищ у меня был хороший и знаменитый. Помню, за что-то начальство пообещало ему плети. Так он что сделал? Взял на голое тело пришил проволокой в два ряда с царской птичкой пуговицы, явился к начальству и говорит: «Вы в таких мундирах еще никого не наказы-

вали, извольте меня первого». А тот отвечает: «А мы, говорит, в мундирах и не наказываем, мы предварительно раздеваем, а потом уже плеточкой работаем». Подошел, стал обрывать у него пуговицы. А Василий стоит и глазом не моргнет. Когда тот оторвал последнюю пуговицу, Васенька ему и заключил: «Хороший ты, говорит, гад, ваше благородие, но только и тебе не носить своей головы над этим мундиром, оторву я ее, как пуговицу.

Началась весна. Зазеленел лес, закуковал нам командир-кукушка. Услышали мы генерала Кукушкина и начали собираться в бега. А Васенька наш изловчился и оторвал-таки голову тюремному начальнику, так чистенько и оторвал, как пуговицу.

Бежали мы. По рассказам старика, нашли то место, и верно—россыпь оказалась богатой. Поднамоем золотишка, унесем, продадим, запасем продуктишков и снова моем. Хотели из этих мест куда-нибудь подальше, туда за Урал-Камень, податься и там доживать свою жизнь. Но скоро словили нас у одного купца. Я-то сразу вывернулся и вот попал в деревню, а товарища обратно вернули. Я уж эту россыпь советской власти показал, а дальше-то ты все знаешь... Да, было шуму, когда я в деревню закатил... было шуму!

Последние слова Сохатый повторил особенно оживленно.

— К чему это, Федорович, я говорю-то все? Да вот так в жизни бывало. И женщины хорошие попадались и богатство, а я остался один, а после революции жениться уже поздно было.

Дрова прогорели в печке, синие огоньки беспокойно бегали по раскаленным углям. Красные блики играли на старческом лице Сохатого, он сидел, согнувшись, опустив низко голову.

После некоторого молчания Аргунов спросил:

— Ну, а потом?

— Уж если ты сбит в жизни с панталыку, то не упорядочишься, куда не сунься, с фартом не совладаешь, хотя и сам он в руки просится.

Сохатый подбросил дров и добавил:

— Я же и говорю, сердце чуяло, посадили снова.

Приискатель отвернулся, как от едкого дыма, который бьет в глаза.

19

Распрощавшись с таежными дорогами, экспедиция спустилась с крутого берега на торосистую ширь реки Караконды. Высокие торосы извилистыми рядами тянулись вдоль берега, отсвечивая в изломах голубизной. Снег ярко блестел. Было тихо и холодно. Левый берег окаймлен отвесной стеной, выложенной из песчаников, местами так искусно, словно соорудила ее рука большого мастера.

Широкая Караконда разбилась на несколько протоков, образуя большое количество островов. Скалы, которые все время были на левом берегу реки, перешли на правый и фантастической стеной с широкими и тупоконечными шпилями виднелись из-за леса. В воздухе сто-

ял туман. Деревья звенели, казалось, стоило ударить по дереву, и оно рассыпалось бы, как ледяная сосулька. Термометр показывал сорок восемь градусов. У лошадей намерзло в ноздрах, через каждые полтора-два километра обоз останавливался, и возчики очищали им ноздри. Уже сумерки ползли по широкой глади реки, когда транспорт прибыл в большое село Тарск.

Здесь пробыли семь дней.

Аргунов узнал, что впереди едут два человека, один из них называет себя начальником экспедиции. Это обеспокоило Аргунова. Самозванный начальник мог натворить бед. Он мог увлечь за собой не один десяток старателей и создать этим большие трудности для экспедиции. Поедут они все по тому же маршруту, что и экспедиция: тропа с Тарска на Комюсь-Юрях одна. По пути они, разумеется, будут нанимать олений транспорт, и Аргунову придется искать его далеко от тропы. На Комюсь-Юрях наедет много народу, и там начнется голод, который заставит приискателей добывать продовольствие у местного населения. Не обойдется, конечно, без инцидентов. Напуганные якуты и эвенки откочуют, и экспедиция надолго лишится их помощи и доверия.

Из Тарска поехали уже на оленях. Олени звеньями, по три нарты, высунув языки, шли легкой рысью. Проводник гиканьем подгонял передовых. Картины быстро сменялись, версты пройденного пути покорно стелились одна за другой. Впереди еще много лежало неведомых верст.

Сегодня слух о самозванцах, едущих впер-

ди, подтвердился. Экспедиция встретила торгового инспектора, который рассказал, что пять дней назад видел впереди двух сотрудников экспедиции и что с его разрешения они получили в кооперативе необходимые продукты. Один из них, высокий и здоровый, отрекомендовался начальником. Им подменили усталых оленей, и они уехали.

Аргунов в сердцах обозвал инспектора шляпой, но легче от этого не стало.

— Завтра утром, Петр, мы с тобой выскочим вперед. Готовь добрую пару оленей, — сказал Аргунов, обращаясь к своему проводнику.

Петр был расторопный и толковый якут. Он часто ездил по этим местам и не один раз бывал на факториях Комюсь-Юряха.

Утром пара оленей унесла начальника экспедиции с Петром.

* * *

И вот опять путь, переметенный ветром. Тяжелая дорога, как неторенная тропа. Трудно пробираться по ней первому. Бегут олени, грациозно выкидывают тонкие ноги, шерсть серебрится на их заиндевелых боках, в рогулинах рогов. Несется ветер, снег скрипит под полозьями. Позади бесконечно стелется дорога с поворотами то вправо, то круто влево, со спусками и подъемами. Кругом застыла, оцепенела скудная растительность.

Петр удобно сидел на нарте и пел песни. Пел о том, что видел кругом, пел о своих думах.

Со стороны тундры дул холодный ветер.

Бегут дружно олени, высунув языки. Впереди крутой поворот и невысокий подъем. Петрикнул и поежился. Тише пошли в гору олени. Вдруг на самом подъеме они остановились. Правый олень вытянулся, повернул голову, попятился и повалился на бок. Петр соскочил с нарты. Олень лежал, тяжело дыша. В глазах у него не было синеньких огней, которые зажигает яркий снег. Жизнь покидала сильные мускулы, из них как будто выпадали заведенные пружины. Он еще пытался поднять голову, но она снова тяжело падала. По всему телу прокатились судороги, олень на мгновение взглянул на хозяина, как бы прощаясь. Мускулистые ноги с широкими копытами вытянулись, и он испустил последнее дыхание.

Петр застыл потрясенный. Потом лицо его болезненно сморщилось, он схватил голову руками, запричитал, заплакал:

— Какой я несчастный, какая беда, как теперь будет плакать мать! Ой! Как будет плакать сестра, как будет плакать невеста! Ой! Большая беда!

— Не горюй, Петр! Мы эту беду поправим. Давай-ка впрягай заводного оленя да двинемся дальше.

...На третий день они прибыли в Темир-Крест, и здесь вести о двух самозванцах подтвердил председатель сельсовета.

В небольшой населенный пункт, который находился в 30 километрах за Темир-Крестом, Северьяныч с Мусляниным прибыли в полдень.

Они были утомлены такой стремительной поездкой, но им необходимо было как можно дальше оторваться от экспедиции. Здесь они все же решили сделать дневку. Поручив своему проводнику обойти все юрты и узнать, сколько могут местные жители выставить оленей для экспедиции, путешественники легли спать и отсыпались почти целый день. Вечером к ним пришел невысокого роста якут и предложил своих две пары оленей.

— Я с Учугэя, — сказал он.

— С речки Учугэй? — с удивлением переспросил Мусянин.

— С нее, с нее, — ответил якут.

— И ты знаешь приискателей, которые там моют золото?

— Знаю, хорошо знаю. Я часто бываю у них в гостях.

— А как же ты здесь очутился? — снова спросил Мусянин.

— Я пушнину маленько возил. Теперь назад ехать хочу.

— А звать тебя как?

— Степка меня зовут. А тебя как? — в свою очередь поинтересовался Степка.

— Я начальник экспедиции, — важно ответил Мусянин.

— Экспедиции? Какой это? — притворяясь непонимающим, спросил Степка.

— Экспедиции, которая едет на Учугэй. Я сам начальник, вот к вашим приискателям еду наводить там порядок, понял?

— Понял. Ты — сам начальник экспедиции?

— Да, он самый и есть.

Степка был очень доволен, что наконец-то.

после недельного ожидания, встретил самого начальника экспедиции, но не показал и виду.

Рядились недолго. Степка быстро согласился за небольшую плату везти «начальника экспедиции» и его товарища до самого Учугэя.

Хорошо отдохнув после дневки, они выехали рано утром.

— Нам просто повезло, — обрадованно говорил Муслянин Северьянычу.

— Это верно, — согласился тот.

Но везло им недолго...

20

Не застав уже в Темир-Кресте самозванцев, Аргунов послал Петра за якутами, которые могли бы дать нартовых оленей. Вскоре явилось шесть человек. Ступая бесшумно, по-охотничьи, они прошли в комнату и разместились на корточках вдоль стен.

На столе у Аргунова бойко попухивал самоварчик, и начальник экспедиции пригласил гостей погреться чайком. Начались обычные таежные разговоры. Аргунов справился об охоте, о семьях, о нуждах охотников. Якуты, довольные угощением и приемом, дружно отвечали на вопросы, не забывая о крепком ароматном чае.

Наконец разговор зашел и об оплате.

— Сколько вы с меня возьмете за оленей? — спросил Аргунов.

Охотники быстро заговорили между собой на родном языке, и один из них, старший по возрасту, обратился к начальнику:

— Мы, товарищ начальник, маленько думать будем, сколько с тебя взять.

Якуты дружно поднялись и ушли. Аргунов в окно видел, как они тут же, возле фактории, расселись на бревнах и, оживленно жестикулируя, разговаривали между собой. «Сколько они с меня, интересно, сдерут? Рублей по пятьдесят?»

Разговор охотников затянулся. Аргунов начал нервничать. Не раздумали бы совсем! Но вот якуты снова у него.

Старший, помявшись и виновато поглядывая на Аргунова—друг-то ты хороший, да не много ли мы с тебя берем — объявил начальнику цену:

— Тридцать-та четыре полтинника, однако, не много будет?

Полтинники! Аргунову хорошо было известно, как ценили жители Севера серебряные монеты. Умельцы-мастера искусно выделывали из них для девушек и женщин завидные украшения. Изрядное количество этих полтинников лежало у Аргунова в крепком брезентовом мешке на нарте, и потому Аргунов без колебаний согласился на условия каюров.

Тепло в комнате. Варится ужин. Вкусно пахнет варевом. На желтых бревнах еще непобеленных стен блестят капельки смолы.

— Красота, — сказал Бояркин, — ведь верно, Романыч, красота! Я бы так всю жизнь ехал да ехал, а ночевать останавливался... Как ты думаешь, где бы я останавливался ночевать? Только, Романыч, вот в таких краси-

вых домиках. Ты согласен со мной?

Сохатый, помешивая пельмени, охотно согласился.

— Романыч, а пельмени-то скоро будут готовы?

— Как все всплывут кверху, так и готовы.

— А тебе, может, темно? Так я еще тебе пару свечей принесу.

— Зачем свет, я и так слышу, как они всплывают, — шутил приискатель.

Вечером все люди были в сборе и ждали прибытия Шилкина, который уехал по «особому» заданию начальника.

Выполнив «чрезвычайный заказ», Шилкин наконец явился. Он пошептался о чем-то с Аргуновым, и на середину просторной комнаты вышел доктор. Все в нетерпеливом ожидании устремили на него глаза. Бояркин с лукавой улыбочкой поглядывал на Петра.

Доктор произнес небольшую речь о хорошем проводнике, о честном товарище.

— Он проделал с нами немалый путь, много помог нам, а теперь возвращается к своей матери, к своей невесте. Пожелаем ему счастливого пути.

И доктор протянул Петру два больших свертка. Все зааплодировали. Петр держал в руках подарки и растерянным, недоумевающим взглядом обводил всех присутствующих...

— А вон там, — продолжал доктор, показывая на окно, — там ждут Петра два молодых оленя.

Петр кинул быстрый взгляд на окно, хотел что-то сказать, но слов не мог найти. На глазах у него заблестели слезы.

...А утром Петр попросился у Аргунова ехать дальше, и Аргунов с удовольствием взял его с собой.

Сменив оленей, транспорт двинулся в путь.

На горизонте виднелись снежные горы, но даль скрывала расстояние, и казалось, что горы совсем близко, вот там за лесом, и что лагерь будет разбит сегодня у их подножья. Но лишь на второй день транспорт спустился в русло бурной речки Тараннах, безжалостно стиснутой заснеженными горами.

Под ногами лежит подметенный ветром лед. Олени идут, осторожно ступая, но их копыта раскатываются, животные тяжело падают, разбивая в кровь морды, и не могут подняться. Рога обламываются и катятся, как с силой брошенные городочные палки. Лед покрывается крупными пятнами крови. Все с беспокойством смотрят вперед, надеясь увидеть кусочек площадки и разбить лагерь.

Река круто повернула вправо, и показались легкие облака паров над синеющей водой. Наледь оказалась глубокой. Унты и валенки были заменены резиновыми сапогами, и люди начали отыскивать место, по которому можно было бы провести транспорт, не замочив поклажу. Транспорт, и до этого двигавшийся медленно, остановился совсем. Впереди, преграждая путь, распростерлась, косо пересекая речку, полынья.

Объехать было негде: здесь, как назло, возвышались крутые берега. За полыней заманчиво раскинулась небольшая поляна с покатым берегом, вполне пригодная для ночлега.

Якут Петр, как и все другие, искал крепкий лед, который мог бы выдержать пару оленей с нартой. Постукивая палкой, он подходил к узкому перешейку между двумя полыньями, но вдруг край льда рухнул, быстрое течение подхватило и понесло Петра. Он кувыркался и барахтался, захваченный потоком. Вот он сейчас ударится о кромку, отточенную водой и уйдет под лед. Ниже находился Бояркин. Рискую провалиться, он подбежал и подал длинный щуп. Петр схватился за него и выполз на кромку льда.

Аргунов дал распоряжение: тут же, под обрывом, раскинуть палатку.

Мокрая одежда на Петре начала смерзаться. Сохатый принес в кружке спирт, развел водой, и якут, стуча о край кружки зубами, с трудом выпил больше половины. Через несколько минут возле раскаленной печки доктор помог Петру переодеться в сухое чистое белье. Все остальные продолжали отыскивать место переправы. Вскоре был найден более крепкий лед, по которому можно было, хотя и с некоторым риском, переводить по одному оленю, а нарты перетягивать длинной бечевой.

На переправу ушла вторая половина дня.

Последними перебрались на другой берег Петр и доктор. Там уже были раскинуты полукольцом палатки.

Сохатый весело пел. По лагерю неслась его любимая песня:

Буденный — наш братишка,
С нами весь народ.

Приказ: голов не вешать.
А идти вперед...

Узов растягивал широко баян и то переводил песню на вальс, то на удалые прииска-
тельские мотивы.

Костер разложен большой, снег вокруг быстро оттаивал до бурой земли. Показывались маленькие листочки, словно покрытые эмале-
вой краской, они быстро скрючивались и сгорали. На широко расставленных рогульках висит котел, кверху идет пар и перемешивает-
ся с дымом. Золотой жир бурлит и пенится в котле, как вода в диком омуте.

Скоро-скоро, может быть, вот на этом ме-
сте, где сейчас и стоит лагерь, краснобровый глухарь с теплыми ветерками страстной поры заведет свое шелкотанье, вызывая на бой та-
ких же, как и он, красавцев тайги, примани-
вая своей удалю и красотой миловидных са-
мок. Потом в гнезде возле заботливой и бес-
покойной матери появятся крохотные жители этой суровой тайги. Они встанут на свои еще неокрепшие ножки и посмотрят бисеринками глаз на окружающий мир, и он им покажется совсем не таким из-под крыла матери, каков он есть на самом деле.

Аргунов расположился возле костра. По другую сторону сидел Петр и подбрасывал су-
хие ветки в огонь. Они горели с хрустом и злобой.

— Страшно тонуть,—задумчиво говорил он.— Я думал все, утонул. Думал, олени одни до-
мой пойдут. Сказали бы матери и невесте, что нет Петра, что утонул Петр. Жалко бы

им было меня. Плакала бы мать, невеста плакала бы. Шибко бы им жалко было.

Вдруг Петр поднял голову и стал прислушиваться. Глухо лаяла собака.

— На кого это она? — спросил Аргунов.

— Не знаю, на кого она так сердится. Надо идти посмотреть, — сказал Петр, и они пошли на голос собаки.

Недалеко от лагеря, возле толстых валежин, они увидели собаку.

— Ты чего это так сердишься? На кого сердишься? — спросил Петр у собаки.

Перескочив несколько валежин, подошли ближе и увидели, что собака лаяла на небольшую походную палаточку, которая стояла возле толстого дерева.

Петр согнулся и заглянул внутрь.

— Там никого нету.

Осмотрев внимательно палатку, Петр сказал удивленно:

— Смотри, начальник, дырки. Эти дырки пуля делала, я знаю, как пуля дырки делает.

И Петр показал на несколько дырок в полотнище палатки.

— Да, это пробито пулями, — согласился со своим проводником Аргунов.

— Кто-то стрелял в палатку.

— Ты прав, кто-то стрелял в палатку и, конечно, не в пустую, а когда там были люди. Вот видишь, сколько крови. Обожди, не трогай, — остановил Аргунов Петра, когда тот попытался разгрести кровь на снегу.

— А вот чайник! — воскликнул Петр.

Чайник стоял недалеко от палатки, возле валежины. Петр осмотрел его и поднял.

— Они здесь варили чай. Видишь, зола.

— Ладно, Петр. Иди позови сюда инженера, Шилкина и Бояркина.

Аргунов держал в руке чайник и задумчиво смотрел на палатку.

Петр, погоняя свою пару оленей, пел песню, которую он не один раз слышал, как поет Сохатый. Он пел, что Буденный очень смелый, и за ним идет весь народ, и конница у него очень большая. Есть такой приказ, который, наверное, подписал Ленин, чтобы идти все время вперед и побеждать белых, а голов вешать нельзя. И что товарищ Ворошилов самый красный командир и что за СССР, за новую жизнь не жалко и кровь пролить.

Петр гикнул на оленей, помолчал немного и запел о своем доме, о любимой девушке, которая теперь скучает о нем, о родных, которые ждут его. Он пел о том, как чуть не утонул, как пришли бы обратно олени, как сказали бы матери, что нет теперь Петра. Он пел, что скоро-скоро будет Джеронас, откуда он умчится с ветром в спину на своих быстрых домой, к любимой девушке. Он пел о русском человеке, который спас его.

Наледи остались позади.

Остановились ночевать на этот раз в юрте. Юрта была большая, сделана прочно, по-хозяйски. Кругом — хорошее пастбище, богатое ягелем.

Пока готовили ужин, Аргунов разговаривал с хозяином, которого звали Кузьма Кузьмич.

Старый якут с удовольствием рассказывал все, о чем спрашивал Аргунов.

Когда начальник спросил о дороге на Ко-мюсь-Юрях, охотник оживился:

— На какое место туда едете-та?

— На Учугэй, — ответил Аргунов.

— На Учугэй! — воскликнул старик.

— Наверное, бывал там?

Охотник вытащил кисет, выковырял оставшийся в трубке пепел и снова набил ее. Аргунов подал коробку спичек. Старик долго вертел ее, рассматривая наклейку, наконец, вытащил спичку и прикурил.

— Брат там у меня живет. Недавно он перекочевал туда, беда, какой большой охотник, а раньше я там жил, — и Кузьма Кузьмич начал подробно рассказывать, как лучше добраться до Учугэя.

Ужинали все в юрте.

Гостей угощали самыми лакомыми блюдами: сохатиной губой и оленьими языками.

— Пожалуйста, — говорила хозяйка и ставила тарелки с кушаньями.

— Прошу, — в свою очередь обратился врач к хозяйке, угощая ее коньяком.

Она застеснялась, окинула всех быстрыми глазами, неудобно взяла в руки чашечку и поклонилась.

Чай пили из большого медного самовара.

— Давай, Ваня, немножечко еще, а? А то вот доктор преподнес наперсточек, как причастие, с этого разве разговеешься, — сказал Сохатый, обращаясь к Бояркину.

Молодой техник не хотел обидеть старого приискателя отказом.

— Только понемногу.

Сохатый быстро сбегал к своей нарте и принес известную флягу.

— Вот теперь, Ваня, мы поужинаем с аппетитом.

Спать легли поздно.

На другой день после обеда собрались в дорогу. Олени были уже в упряжи. Распрощавшись с хозяевами, тронулись в путь.

Змейкой вьется извилистая тропа, кругом лес, перелески, поляны, как вырубленные квадраты в мерзлой земле, крутые спуски в светлые долины, залитые солнцем.

Устало бегут олени. Ну, родные, поднатужьтесь, скоро конец дороге, скоро Золотая река.

21

Две упряжки оленей дружно бежали по свежей пороше. На передней нарте сидел Степка, вторая нарта была пуста.

Степка не остановился на фактории пить чай. Он быстро проехал мимо, погоняя своих выносливых оленей. Его нарты уходили все дальше и дальше от дымящейся полыньи.

Вот и знакомая юрта, где живет Кузьма Кузьмич. Когда Степка ехал в первый путь, то ночевал здесь, но сейчас нет, ни за что не останется на ночлег Степка. Как он посмотрит в глаза Кузьмы Кузьмича. Нет, он не остановится больше ни в одной юрте. Теперь, как собака, Степка будет спать на снегу возле костра, чтобы ни с кем не разговаривать.

Какие можно рассказывать новости! О чем можно говорить, когда и самый язык-то хочется проглотить, чтобы он как-нибудь не выболтал. Степка тупо смотрел на снег, и когда видел круглые следы лисицы, то ему казалось, что это полтинники, разбросанные рукой Джемса. Блестящие полтинники! И Степка отворачивался.

Утомленный большой дорогой, Степка решил сегодня раньше лечь спать. Он выбрал место на ночлег возле крутого обрыва за ветром, выпряг и пустил кормиться оленей. Жарко горел костер. Степка сидел на шкуре, подогнув под себя ноги, глядел в огонь и лениво подгребал палочкой ярко-красные угли под самое дно чайника. И опять встала перед ним до мельчайших подробностей картина его встречи с двумя русскими приискателями и эта последняя ночь...

Ярко светила луна на чистом небе. Приискатели, поужинав, крепко спали в своей маленькой палаточке. Степка подошел к своей нарте, взял винчестер и долго стоял, держа его обеими руками, потом, мягко ступая по скрипучему снегу, подкрался к палаточке и снова долго стоял, боясь пошевелиться. А дальше Степка плохо понимал, что он делал, казалось, все покрывал какой-то туман.

Он уже много раз спрашивал себя: за что он их убил? Эти два человека ничего не сделали ему плохого. Он отрывал взгляд от огня и грозил кулаком Джемсу. Нехороший этот американ, шибко худой человек. Он сделал худым человеком и его, совсем плохой этот Джемс. Много раз он делал нечестным Степ-

ку. Он велел Степке ничего не говорить про убийство Соловейки. Что сделал плохого Соловейка американам? А когда пришли на Учугэй шесть приискателей, то их самый старший, которого звали Петр Петрович, спросил у Степки, не видел ли он где здесь одинокого приискателя, и Степка сказал, что он никого не видал и ничего не знает. Очень нехорошим человеком стал Степка. Потом, когда Петр Петрович попросил у него мяса, то Степка не дал ему, потому что так велел американ. Чем больше вспоминал Степка Джемса, тем больше ругал себя.

Вода в чайнике бурлила, вылетая в носок. Степка вспомнил, как ему Джемс подарил рубаху, красивую рубаху, изрисованную в большую клетку. Такую же рубаху носил сам Джемс. Ни у кого из сородичей Степки, конечно, не было такой рубахи. Он гордился подарком. С нескрываемой завистью смотрели на его рубаху охотники и часто спрашивали, с какого зверя снята эта шкура. А теперь Степка сорвал с себя эту рубаху. Теперь у Степки больше не будет дружбы с американами. Он вернется домой и укочует далеко-далеко, чтобы никогда не встречаться с ними и никогда не видеть их.

Экспедиция повернула прямо на север. Во все стороны бесконечно простиралась яркая и сверкающая даль, скованная истомой.

Легко и дружно бегут олени. Из густых перелесков часто выскакивали вспугнутые зайцы. Их хорошо уторенные тропы обильно по-

сыпаны круглыми, желтыми орешками помета.

День клонился уже к вечеру. Пора подумать о ночлеге. Место, богатое ягелем, вскоре было найдено. Петр отпустил пастись оленей и стал помогать ставить палатки, а потом взял длинноствольный дробовик и пошел к реке. Вдали виднелся небольшой островок, густо заросший тальником.

Петр осмотрел островок и предложил сделать загон на зайцев. Пять человек с дробовиками и трое загонщиков двинулись к островку. Охотники заняли места, и гонщики погнались. Но зайцы, не добежав до конца острова, где расставлены были номера, выскакивали из тальника и быстро скрывались в зарослях противоположного берега.

Охотники, не считаясь в азарте с расстоянием, палили в убегающих зайцев направо. Стрельбы и дыму было много, а в лагерь возвращались с пустыми руками. Петр был вне себя, он скороговоркой говорил:

— Не так стали, не так, говорил. Здесь надо было стоять, здесь. — Петр махал рукой, путая русские слова с якутскими.

— Дробовик — дробовик, а не винтовка. Нельзя далеко стрелять.

Узов был особенно печален. Догоняя раненого зайца, которого вот-вот уже можно было схватить, он споткнулся, упал и сломал шейку приклада.

Во время ужина разговаривали только про охоту. Шли обычные охотничьи разговоры. Говорили, что надо было так, а не этак, если бы стали так, то получилось наверняка бы вот так, а если б зашли отсюда, то они непременно

но побежали бы туда, а оттуда бесспорно кинулись бы сюда.

В палатке тепло. Некоторые разведчики укладывались уже спать.

Узов снова взял в руки поломанное ружье.

— Ну, надо же было упасть и ни раньше ни позже, а вот тут, именно тут, на гладком льду. Теперь вся охота пропала. Погибла вся охота ни за грош ни за копейку! Что я теперь буду делать, когда приедем на место?

В палатку вошел Петр, присел на дрова, снял шапку и стал молча смотреть на Узова. Тот заталкивал отнятые стволы в чехол.

— Нехорошо ломать ружье,—веско сказал Петр.

Узов повернул голову, бодливо посмотрел исподлобья, словно поверх очков, и ответил:

— Сам знаю, что нехорошо. Ты думаешь, так я ничего и не понимаю?

Ответ получился грубоватым, и чтобы загладить его, Узов уже приветливо добавил:

— Смотри, Петр, и дерево, кажется, крепкое, а вот не выдержало.

— Пожалуй, попробовать надо ремонт делать.

— Нет, эту штуку здесь не отремонтировать — некому.

— Я, однако, пробовать буду.

— Ты! Это штука, брат, тонкая, тут только разве мастер по скрипкам наладит.

Покрутив в руках и стыкая поломанные места, он снова сказал:

— Пропала, Петр, вся охота, — и, подумав, добавил, — на, попробуй, все равно теперь ружье бросовое.

Петр ничего не сказал, взял ружье и ушел к себе в палатку. Устроившись у печки, зажег две свечи и открыл сундучок. Там в порядке было уложено: небольшой сверток замши, рыбий клей, оленьи сухожилия, мелкие гвоздики, ручные тисочки и другой инструмент. Приготовив все необходимое, приступил к ремонту.

Ложе сохло целую ночь, подвешенное над печью. Утром Петр, осмотрев место перелома и убедившись, что проклеенные места хорошо просохли, пошел к Узову.

Узов и другие, кто был в палатке, удивились, рассматривая отремонтированное ложе. Бухгалтер вертел ружье в руках и не мог наслаждаться.

— Да вы только посмотрите, — обращался он то к одному, то к другому, — нет, вы возьмите руками, пощупайте. Ведь здорово, а?

И он снова брал на вскидку ружье, прикладывался, и не было предела его восторгу.

— Здорово, язви его! Не придерешься. Да ты, Петр, скрипки можешь делать! Как вы думаете, — обратился он к инженеру, — может Петр делать скрипки, ну, если, конечно, немного подучиться?

Инженер серьезно ответил:

— Вполне может.

Петр стоял и смотрел на Узова, которого никак не поймешь. Вчера он был злой, как песец, пойманный в капкан, а сегодня веселится, словно выпил. Петр жалел, что здесь не все собрались, а то бы увидели, какой он

большой мастер, как он умеет хорошо налаживать ружья. Очень жалко, что здесь нет самого старшего начальника, фамилия которого Аргунов. Очень, конечно, жаль, что он находится в другой палатке. Может быть, и он бы похвалил Петра.

Пораздумав немного, Петр уселся перед печкой и начал с трудом выводить на клочке бумаги крупные каракули. Писал он долго, несколько раз перечитывал, потом аккуратно сложил бумагу вчетверо и направился к палатке Аргунова. Постояв некоторое время в нерешительности около нее, осторожно вошел, бросил записку на развернутый спальный мешок начальника и торопливо выскочил обратно.

— Что ты это, Петр, куда? — удивленно крикнул Аргунов и выглянул из палатки.

Но Петра нигде уже не было.

Аргунов подошел к своей постели и развернул записку. Читал он ее так же долго, как Петр писал, с трудом добирался до смысла. И только два слова приоткрыли наконец тайну этого неожиданного письма. Это — «ружье» и «спирта».

Аргунов удивился еще больше. За всю дорогу Петр ни разу не обращался к нему с такой просьбой. Но приход Узова с отремонтированным ружьем разъяснил все.

Под вечер Петр снова появился в палатке Аргунова. На этот раз он уверенно подошел к нему.

— Вот, начальник, тебе. На! — и высыпал на ладонь Аргунова около дюжины металлических пуговиц.

— Что это за пуговицы? Откуда они у тебя?

— К оленям ходил, костер старый нашел. Гляжу — пуговицы. Кто насыпал? Зачем доброе в костер бросать?

«Странно,— подумал Аргунов, разглядывая находку, — там палатка простреленная, здесь пуговицы!»

Он сейчас же отправился с Петром к пепелищу костра. Ничего нового они не нашли и установили только, что костер разжигался дня два назад.

22

Уже теплее стали утренники, ласковей пригревало солнце. Первые несмелые ручьи спешат по узким распадкам в долины. Пьяно пенится вода и без умолку рассказывает о близкой весне. Солнце с каждым днем все выше и выше стало забираться над каменистыми горами. Пересвистами лесных рябчиков, заливистыми трелями птиц, отыскиванием логовищ, заботой о потомстве начинается весна в тайге. Высокое небо становится голубым, как голубика.

Артель дедушки Пыха работала, не жалея сил. Золото затыгивало, заманивало, не хотело отпускать от себя людей. Хоть сначала и решили заканчивать понемногу работу, но потом, когда разговор заходил об уходе с прииска, этот день все откладывали и откладывали. На что они надеялись? Если бы задали им такой вопрос, вряд ли они смогли бы на него ответить.

Дедушка Пых вылез из ямы и глубоко вздохнул:

— Говорят, однажды такой случай был, — сказал он и отряхнул шаровары, — за горами, за долами, короче говоря, у нас на прииске появился Иисус Христос, самый настоящий Иисус Христос. Пришел он на прииск, посмотрел, как ребята стараются, каких грехов поднабрались, и опечалился, а как увидел золотишко, то и сам не мог оторваться от соблазна, да и потянул самородку, а тут приискатель его цоп за шиворот, такой-сякой попался, и начали они ему иконы вещать, ничего, что святой.

— Да не мучь, — взмолился дядя Гриша, — покажи, коли нашел.

— А ты откуда взял, что нашел? — строго спросил старшинка.

— А к чему ж тогда присказка, если не нашел? — дядя Гриша понимающе улыбнулся.

Филипп Егорыч вытащил из-за пазухи золотой слиток.

— Настоящий петух! — с видом знатока определил Андрейка, рассматривая самородок.

— Значит, еще курочка с цыплятами есть, — заметил дядя Гриша

— А вот она и курочка.

Старшинка вытащил самородок поменьше.

— Да какая же это курочка! — воскликнул дядя Гриша. — Это же копытце теленка, значит, здесь еще и ножки есть.

И дядя Гриша начал рассказывать, как он однажды нашел самородок. Рассказывал со всеми подробностями, часто приседал, раз-

махивал руками, тряс головой. Иногда он картинно изгибался, припрыгивал.

Возле ям со страстью краснобровых глухарей токовали весенние ручьи. Пенилась и пузырилась снеговая вода.

— И откуда это только золото взялось, — говорил дядя Гриша, окончив рассказ о самородках, — вот смотри, обыкновенный камень, — обратился он к Андрейке.

«Управляющий» взял в руку массивный камень и начал рассматривать его, как будто этот булыжник был какой-то особенный и совершенно другой, чем те, которые лежали кругом в отвалах.

— Вот, смотри, видишь белая жилка идет поперек, а вот серенькое пятнышко, а вот красненькое, почему, а?

Старатель тыкал пальцем то в одно, то в другое место.

— Как это получилось, почему мы не знаем? И наверное, никто не знает, а узнать все это — силу бы человек поймел, наверное, огромную.

Разговор на этом и окончился.

— На сегодня, пожалуй, ребята, хватит, и так уже поздно, пошли чаевать, — сказал старшинка.

Дядя Гриша тяжело вздохнул, посмотрел на яму и поплелся усталой походкой позади всех.

Вечером Андрейка вернулся с охоты и принес зайца. Он вошел в зимовье и бросил добычу возле печки.

Дядя Гриша соскочил с нар, взял зайца за уши, поднял кверху.

— Баран, ей-богу, баран. Где это ты его, Андрейка, а?

— Да вон там, возле колочка.

— Это где мы с тобой следили лису?

— Нет, — возразил Андрейка, — в другом.

— Это в том, что повыше, где ты давно еще подстрелил рябчика?

Андрейка снял полушубок и повесил возле нар. Дядя Гриша все допытывался, уточняя место.

— Так, поди, возле скалы? Больше нигде!

— Нет.

— Ну, где же тогда?

— Да тебе-то зачем, ведь второй там не привязан. Добыл — и весь сказ. И на том спасибо, — заметил дедушка Пых.

— География! — многозначительно произнес дядя Гриша...

Поздний вечер. Свежий ветерок окутывал маленький прииск.

За день солнопеки подтаивали. Вода собиралась в мелкие ручейки. В тайге лежали громадные залежи снега, и много еще нужно тепла, чтобы спустить зимние запасы ручьями в долины. На небе несмело заблестали звезды. Мимо ям, отливая серебром, прошла лиса. Из темного трущобника вышел изюбрь, посмотрел в долину, постриг ушами тишину, шагнул несколько шагов и снова остановился. Где-то там, внизу, глухо зашумела вода. Зверь постоял, послушал и тихо пошел в таежную чашу.

Рано утром старатели пришли к ямам.

— Смотри! — крикнул Андрейка.

Дядя Гриша первый подбежал к нему. Яма чуть не вся была залита водой. Приискатели бросились отводить ручей в сторону. Дядя Гриша, тяжело дыша, опустился на отвал и тупо смотрел, как пенилась в яме вода.

— Как же это могло получиться? — сказал Андрейка. — Ручей совсем в стороне тѣк, а вот тут как-то прорвал.

«Управляющий» отдышался, подошел и стал рассматривать, где проделала вода себе новый путь.

— Никак ее кто-то к нам нарочно направил, сама она не могла пробить здесь дорогу. Наверное, Выгода, знаю я эту бестию.

— Нет, это она сама к нам подобралась, — возражал Андрейка.

— Знаешь ты много!

И «управляющий» начал смело доказывать, что воду в их яму направил ирод Выгода.

— Ему сплошной интерес, чтобы мы свой забой под его яму не гнали. Вот отполировать его лопатой и никаких. Я его найду, он нас еще вспомнит, ему не раз икнется, — грозил старый приискатель.

— Да брось ты молоть на человека. Вот здесь вода подмыла этот камень, он упал и перегородил дорогу. Чего за зря молоть-то? — остановил его дедушка Пых.

— Знаю я, что это за человек, у него и глаза волчьи. Это не человек, а сучок в гнилом пне, лишай на камне, дьявол нечесаный, — ругался красноречивый «управляющий».

— Да будет тебе лаяться, — уговаривал Пых.

— Да тут любой на свете без этих слов не

обойдется. Лаешься... Вот теперь качай эту мутную водичку, а он улыбаться будет. Я по глазам его вижу, что он. Попадись этому человеку. где-нибудь в укромном месте, он за кiset с табаком голову отрубит, не только топором, лопатой оттяпает. Вот так.

И «управляющий» показал всю эту картину наглядно. Он широко размахнул руками, лягнул назад ногой, головой боднул воздух, по-смешному сгорбился и низко присел:

Андрейка засмеялся.

— А ты чего?

И дядя Гриша попутно отчитал Андрейку.

Работы, действительно, предстояло много. Может быть, поэтому и срывал свое зло дядя Гриша на хитром соседе, у которого все обстояло благополучно.

Артель дедушки Пыха, не теряя понапрасну дорогое время, начала отчерпывать воду из ямы.

Сарданга шла между замшелых стволов лиственниц. Из-за гор вырывался теплый ветерок и ласково бил в лицо. Это был первый вестник весны, первый привет ее, посланный издалека. Рваными проталинами дымятся солнопеки гор. На ветках деревьев повисли ледяные свечи книзу огоньками. Они таяли, как стеариновые, и с них падали крупные яркие капли. Скоро над берлогой осядет куржак-надышка, и медведь нехотя откроет чело* бер-

* Чело — наружное отверстие в берлоге медведя.

логи. В гнездах-домиках щенилась белка. Впереди уже виднелась бурная северная весна.

Девушка шла, прислушиваясь, не затокует ли где глухарь, ее быстрый взгляд скользил по деревьям. Вот к ней подбежала остроухая лайка, посмотрела на хозяйку, вильнула хвостом и скрылась снова в кустах.

Девушка пробралась через густую чащу и остановилась, услышав лай своей собаки.

На берегу реки Комюсь-Юрях стояло дуплистое дерево, на которое сердито лаяла собака. Сарданга подошла, и ее острый взгляд быстро обшарил все ветки дерева, на которых ничего не оказалось.

— Ты на кого сердишься, а? — спросила девушка.

Лайка вильнула хвостом и залаяла снова.

— Стой, моя собачка, стой, маленько и я увидела.

Девушка подошла к дереву. Из дупла чуть виднелась красненькая ленточка. Девушка осторожно потянула за нее и вытащила две беличьи шапки. Она их внимательно осмотрела, и, минуту подумав, засунула обратно в дупло.

— Дедушка говорит, нельзя брать чужие вещи. Они приносят беду. Ты поняла меня? — обращаясь к собаке, проговорила Сарданга. — Эти шапки не наши, у них есть хозяин, но зачем он их сюда положил?

Девушка в раздумье подошла к берегу, как будто здесь, на реке, она надеялась найти ответ.

Из-за поворота реки выскочила пара оленей, за ней вторая, третья... Не прошло и ми-

нуты, как весь транспорт, далеко вытянувшийся вдоль реки, был уже перед Сардангой.

— Разведчики! К нам приехали разведчики! — радостно воскликнула она.

23

— Вот он Учугэй, — проговорил Петр.

За широким плесом стал виден обрывистый берег. Экспедиция круто свернула с торосистого льда и пошла вверх по притоку Комюсь-Юрях. В долине лежал мокрый снег. Олени, опустив головы, тяжело тянули нарты. Слева и справа — кругом горы. За поворотом из-за кустов показались два зимовья.

Подле самой кромки тайги лежало открытое место. Ни кустика на нем, ни деревца. Всем понравилась эта чистая и большая поляна. Рядом дрова-сушняк и речка.

Сейчас эти измученные дорогой люди развяжут тюки и поставят стройный ряд палаток. Ведь это не на один день. Разведут жаркий костер и будут покоить свое тело опьяняющим теплом. А потом пообедают и уснут, не думая больше о дороге. Завтра не ехать, не сидеть на этих узеньких, как линейка, нарточках. Может быть, даже Аргунов даст завтра отдохнуть целый день. Скажет, ну, ребята, вы молодцы, приехали вовремя на место.

Но едва только остановились нарты и олени перевели дух, а люди не успели и папироски выкурить, как Аргунов позвал уже всех к себе.

— Вот что, товарищи, — сказал он, — два

человека будут ставить палатки, а остальные — рубить временные бараки. Освобождаю только одного повара. Товарищ Шилкин, разгружайте нарты с пилами, кайлами, топорами и лопатами. Нужный инструмент раздайте людям. Олени будут подвозить лес. Вы, Михаил Александрович, — обратился Аргунов к Коточкову, — будете ответственным за постройку бараков. Я с другой половиной людей пойду в лес. А вам, — обратился Аргунов к старшему каюру, — за эту работу заплатим отдельно.

Каюр посмотрел на своих товарищей и подумал: «Какой быстрый этот начальник. Только-только приехал и хочет уже дом строить».

Осмотрели площадку для строительства. Здесь можно было поставить в ряд три десятка бараков, а если потеснить лес, то и сотню.

— Вот здесь, — сказал инженер и топнул ногой, — здесь будет дом номер один Набережной улицы.

И работа закипела. Первый венец сруба лег плотно к мерзлой земле. Очищенные от коры бревна отливали на солнце желтизной, словно прокипяченные в постном масле. Катились удары топоров, сыпались, как выстрелы. Вспугнутыми птицами летели белые щепки. Красные сучья падали в помятый снег и уже больше не шевелились, не двигались.

От ям шумной толпой шли старатели, громко разговаривали.

— Ну, вот они и приехали, — пояснял товарищам дядя Гриша, — я же говорил, что они приедут.

— Ничего ты не говорил, — возразил ему Андрейка и побежал, обгоняя других.

Впереди своей артели, делая широкие шаги, размахивая руками, ходко шел дедушка Пых. Поступь у него, как у всякого таежника, который много бродил с котомкой за плечами, уверенная, спокойная. Позади всех, опустив голову, плелся Выгода.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал дедушка Пых, обращаясь ко всем. — С приездом вас. Наконец-то прибыли.

Приискатель смотрел улыбающимися глазами.

— Здравствуйте, товарищи приискатели, здравствуйте! Давайте будем знакомиться. Я начальник экспедиции, фамилия моя Аргунов.

Дедушка Пых протянул ему обветренную и широкую, как лопата, ладонь и назвал себя.

— На разведку приехали? — спросил он.

— Да.

— Вы и есть Филипп Егорыч? — спросил Коточков. — Очень приятно.

— Как вас величают-то? — поинтересовался дядя Гриша, протягивая руку Коточкову.

Подмигнув, шепнул Андрейке.

— Первый раз за всю жизнь с инженером за руку здороваюсь, а то все как-то недосуг было.

После всех с Аргуновым поздоровался Выгода. Он глухо назвал свою фамилию, отошел в сторону и стоял, рассматривая приезжих.

— Значит, к нам на разведку... это хорошо, — говорил дедушка Пых.

— Да, будем вести разведку, — подтвердил Аргунов.

Дядя Гриша сел рядом с Андрейкой и, наклонившись, шепнул на ухо.

— Вот, паря, харчей-то они наперли с собой, — показал он на нарты, которые стояли, вытянувшись в длинный ряд.

— У них тут все с собой, не одни харчи.

Аргунов громко, чтобы все слышали, говорил:

— Должен прежде всего, Филипп Егорыч, сказать тебе спасибо за твою заявку, которую ты подал. Если найдем здесь хорошее золото, то будем тебя считать первооткрывателем.

— Да я даже не думал, что так, сразу, сюда много людей пошлют, а золото... ну, золото, это верно, здесь есть.

Возле его глаз появились крупные морщинки. Глаза улыбались.

— Сколько у вас ям? — спросил Аргунов.

— Видишь, товарищ начальник, как мы здесь работаем. Идем двумя артелями. В одной артели за старшего я, мы на двух ямах, а в другой — вот этот... товарищ, у него тоже артель.

Слово «артель» старшинка произносил важно, выделяя его из других слов. Артель — это сила, спаянный коллектив, который может за себя постоять. С желанием артели, с мнением артели на приисках всегда считаются.

Выгода что-то пожевал и промолвил:

— Тоже двумя работаем.

— Как вас звать? — обратился Коточков к Выгоде.

Приискатель посмотрел на всех, мигнул, потер рукавом глаз и улыбнулся:

— Звать-то меня Иваном Попилычем, а ре-

бята кличут «Выгода». Да я не сержусь, привык уж.

Дядя Гриша взглянул на Ивана Попилыча, кашлянул в кулачок и подумал: «Вон у него имя-то какое!»

— А каково у вас содержание? — поинтересовался инженер, обращаясь к Выгоде.

— Да кто его знает. Мы его не меряем. Робим помаленьку, и все тут, — уклончиво ответил приискатель.

— Вы давно здесь? — спросил Аргунов у Филиппа Егорыча.

— На Учугэе-то? Да второй год уже пошел, — ответил нараспев старатель и поднес тяжелую ладонь к бороде.

Старшинка смотрел на свой изодранный и уже не один раз латанный ичиг. Заплат было настолько много, что трудно разобрать, где у него носок, а где пятка.

— Развалился, черт, совсем, — и он по-хозяйски стал уталкивать черную и мокрую стельку, далеко вылезшую из пятки.

— Как у вас с продуктами? — спросил Аргунов.

— С продуктами-то?

Приискатель посмотрел на синеющие горы Комюсь-Юряха, на Учугэй, где уже светила всда. Вздохнул.

— Паршиво.

— Неважно, — добавил дядя Гриша.

— А как там дела в жилухе? — спросил в свою очередь Филипп Егорыч.

И тут старателей словно прорвало, начали

спрашивать о жизни на приисках, о новостях, наперебой задавали вопросы, и Аргунов с инженером не успевали отвечать.

24

Утром Аргунов, Коточков и Бояркин пошли к ямам старателей. День стоял теплый. Мелкие ручейки текли, шурша под ногами.

Аргунов подошел к Выгоде, поздоровался и спросил, как у него золотит.

Приискатель сквозь зубы ответил:

— Не знаю, как богатые, а мы проживем как-нибудь.

— Значит, неплохо. Что, бут поднимаете?

— Уже подняли. Сейчас начнем пески таскать.

Инженер подошел к отвалу, поднял камень и стал рассматривать его, близко поднося к глазам.

— Ваня, возьми пробу, — показал Аргунов на богатую яму.

Выгода посмотрел на Бояркина, потом на Аргунова и снова на Бояркина. «Началось», — подумал он, отошел к куче только что выгруженного из ямы песка, постоял возле него, что-то подумал и повернулся к Аргунову.

— Разведку-то вы будете вести ниже наших ям, али выше? — спросил приискатель.

— Осмотримся, потом решим, — ответил Аргунов.

Бояркин вытащил из рюкзака парусиновый мешочек и спустился в яму.

— Вы что же нам деляны нарежете, али как? — снова задал вопрос Выгода.

— Зачем вам деляны. Работайте, как работали, дальше будет видно.

— Смотрите, — обратился инженер к Аргунову, — галька окатана плохо.

Аргунов подошел к отвалу и поднял горсть породы.

— Да, окатанность плохая.

— Я полагаю, — заговорил инженер, — что эта россыпь образована за счет разрушения коренного месторождения.

Бояркин вылез из ямы, вытряхнул пробу в свой лоточек, начал мыть.

— Михаил Александрович, по-моему, старатели ведут работы в слабо обогащенной части россыпи, — сказал Аргунов, смотря на дальние ямы.

Инженер пожал плечами. Он был удивлен, что Аргунов слишком поспешно делает такие важные выводы.

— А вот смотрите на рельеф местности. Я уверен, что древнее русло находится где-то в стороне от современного.

— Вполне можно полагать, — ответил Коточков. Он тоже смотрел вдоль долины.

Бояркин сделал доводку, отмыл золото на-чисто и подошел к Аргунову и инженеру.

— Смотрите, какое здесь золото.

— Неплохое, — заметил Коточков.

Аргунов взял лоток и стал внимательно рассматривать структуру золота.

— А ведь неплохое у тебя золото, — сказал Аргунов, обращаясь к Выгоде.

— Да уж какое есть, такое и моем.

Остальные приискатели не вступали в разговор, работали и слушали.

Бояркин вытряхнул золото в совочек, просушил на огне и высыпал в капсуль.

— В следующий раз шлиху больше оставляй, — сказал ему инженер.

Бояркин с отвала оглядел местность.

— Смотрите, — сказал он, показывая в сторону террас на чуть заметный отвальчик, — он совсем другого цвета, какой-то серенький.

— Верно, — согласился Аргунов, — а ну, пойдете туда.

И он быстрыми шагами направился к отвалу.

Отвал был, действительно, небольшой. На нем лежала высохшая трава.

Бояркин заглянул в яму:

— Там вода.

— Этот отвал находится совершенно в стороне от других выработок, — сказал, осмотревшись кругом, Аргунов, — и судя по растительности на нем, яма была пробита лет семьдесят тому назад, а то и больше.

Инженер рассматривал прекрасно окатанную гальку гранита, гранодиорита, сланца.

— Как хорошо окатана галька! — сказал он.

— Да, этот отвал совершенно отличен от тех, которые мы осмотрели, — заметил Аргунов, подошел к шурфу и заглянул в него.

Стены старой выработки обвалились. На дне чуть поблескивала вода.

— Давай, Ванюшка, возьмем пробу из отвала, вот хотя бы с этого места.

— Здесь и породы, Николай Федорович,

совсем другие, чем в старательских ямах, — рассматривая на ладони мелкий песок, говорил инженер.

Бояркин набрал в парусиновый мешочек пробу.

— Ну, что же, теперь идемте к Филиппу Егорычу, посмотрим, как у него золотит, — предложил Аргунов.

Около полутора десятка ям, которые на ровном лугу вытянулись звеньями в цепочку, осматривать было очень удобно.

Аргунов с инженером часто спускались в выработки, продвигались от ямы к яме.

— Какая у тебя, Филипп Егорыч, самая богатая яма? — спросил Аргунов.

Дядя Гриша круто повернулся на пятках и впился глазами в Аргунова.

— Вот эта будет, — показал дедушка Пых на крайнюю яму.

— Это она... — подтвердил дядя Гриша.

Он что-то еще хотел сказать, но не мог и, безнадежно махнув рукой, подумал: «сейчас опробуют и запретят, скажут: место только портите, или заставят отрабатывать по правилам».

— Там мокро, — сказал дедушка Пых, видя, что Аргунов собирается спуститься в яму.

— За зря измажетесь только, — добавил дядя Гриша, — у нас ее топило, едва вот откачали. Приходим мы утром, а в нее ручей хлещет...

Андрейка быстро укрепил веревку, сделанную из сырой шкуры оленя, и начал помогать Аргунову спускаться в выработку. Вербка была вся изорвана, узел торчал на узле.

Вслед за Аргуновым спустился Бояркин. Взяли пробу.

— Промой ее, Ванюшка, да и дальше пойдем, — сказал Аргунов, сел на отвал, закурил.

— Ты не знаешь, Филипп Егорыч, кто пробил вон ту яму? — показал Аргунов на sereneйкий отвальчик.

Дедушка Пых сел на вывороченный пенёк:

— Это дело давнишнее. Мой дружок рассказывал, что в этих самых местах старался Соловейка, и ту яму тоже, наверное, пробил он. Когда мы пришли сюда, то вот на этом месте стали мыть. Правда, и в той яме пробу брали.

— Какое там содержание? — поинтересовался инженер.

— Да золотишко так себе, золотишка от золотишки на аршин лежит.

— Значит, плохо?

— Совсем некудышнее.

— А почва какая?

— Почва там глинистая, как подушка. После бута так под ногами и ходит. А здесь у нас пески сподручные, промывистые, да и кайле лучше поддаются.

Бояркин промывал пробу, а рядом с ним сидел Андрейка, рассказывал:

— Вот, как мы первый раз пробу сняли, вот это было да, золотище! Я еще такого никогда не видал, а теперь у нас хуже пошло, на убыль движемся. Наверное, скоро бросим... все бросим.

— Что, уходить собираетесь? — спросил Бояркин, плавно покачивая кругленький лоток.

— Уходить-то нам не хочется, а то бы давно ушли.

— А раз не хочется, тогда зачем уходить?

— Да видишь, мы как думали: хотели эту зиму отработать и податься отсюда, а тут золото вывернулось.

— Ну и работайте.

— Да теперь, может, и останемся, если ваш начальник продуктами поможет.

Бояркин потрянул лоток.

— У вас золото хорошее.

— Вот то-то и оно, что хорошее, — согласился Андрейка.

Бояркин поднялся, собрал осторожно пальцем в кучу золото, подошел к Аргунову и Коточкову.

— Вот что дала проба, — сказал он.

— Хорошее золото, — заметил Аргунов, — у Выгоды, пожалуй, немного похуже.

— У Выгоды хуже!? — обрадованно воскликнул дядя Гриша. — Я так и знал...

Инженер взял в руки лоток и стал внимательно рассматривать каждую золотинку.

— Да нет, пожалуй, такое же, — сказал он.

Дядя Гриша и дедушка Пых первый раз за все время совместной работы узнали, какое золото в ямах у соседа...

— А ты промыл пробу из ямы с серым отвальчиком? — спросил инженер у Бояркина.

— Вот оно у меня уже в капсуле.

— А ну, дай сюда. •

Инженер высыпал на ладонь золото и стал сравнивать. Золото из ямы Соловейки было крупное и хорошо окатанное. Золото из нижних и верхних выработок, на которых работа-

ли старатели, было пористое, с заостренными краями и более светлое по окраске.

После осмотра выработок разведчики пошли на левый увал долины.

Дядя Гриша посмотрел им вслед и сказал:

— Такой молодой парень, а уже работает помощником у начальника и инженера! Ты слышал, Андрейка, какие он слова про наше золото выговаривал? Их нам обоим с тобой не выговорить. Как это чудное-то слово говорил, то ли гнездится, то ли гнедится...

— Генезис, — нехотя ответил Андрейка.

— Генезис? Точно оно, а что это такое?

— Не знаю, — смущенно признался молодой приискатель.

— Хорошо быть ученым. Вот я помню, еще подростком...

И дядя Гриша рассказал, что когда он жил дома, в деревне был один грамотный человек, который иногда заходил к ним. Он часто говорил:

— Учить надо Гришку. Пошлите в станицу, может, из него и человек выйдет.

— Где там при нашей нужде до учения, — отвечал обычно отец Гришки.

На этом и обрывался разговор про учение. В доме был нужен работник. Когда Гришка подрос и стал вот таким же парнем, как Андрейка, он сам стал частенько думать, как бы подучиться, и однажды пошел к этому грамотному человеку. Но только засел за азбуку, началась пахота, потом сенокос, уборка хлеба, молотьба.

— Вот так я и остался на всю жизнь негра-

мотным дядей Гришей. Но расписываться все же научился.

Дядя Гриша со злобой бросил лопату и обратился к Андрейке:

— Давай будем спускаться в яму.

Посмотрел Андрейка на дядю Гришу так, как никогда не смотрел до этого и подумал, что вот пройдет лет двадцать, и будет он вот таким же старателем, дядей Андреем. И пойдет его жизнь от одной ямы к другой в погоне за граммами дорогого металла. «Нет,—сказал себе Андрейка,— не бывать этому. Буду проситься у начальника, чтобы он взял к себе на работу. Подучусь у них, а потом поеду учиться.»

С увала были хорошо видны все ямы, которые вытянулись узкой полоской вдоль реки. Учугэй проработала себе широкое и удобное ложе среди древних, серого цвета, гранитов... Много лет вода грызла крепкую породу, которую с трудом берет сталь инструментов и, наконец, подостлав себе постель из перетертого в песок и щебень гранита, успокоилась, прекратила свою разрушительную работу и теперь мирно текла в невысоких берегах. Результаты ее тысячелетних трудов были видны по правому борту долины в виде террас, которые амфитеатром поднимались в три яруса к крутому склону гор, покрытых стлаником. У подножья нижней террасы виднелись небольшие, наполненные водой, полукольца стариц. Река извивалась на своем пути, делала бесчисленные петли, затягивала крепкие узлы, отходила в стороны, возвращалась и вновь продолжала петлять. Ее вершина пропадала в щеках гор. Слева в реку Учугэй впадал при-

ток, который терялся у высоких гор, побеленных снегом.

Ниже устья притока начинались старательские ямы. Земля была взрыта без всякого плана и порядка. Но вся эта работа совершалась по строгому закону: как можно быстрее, с меньшими затратами времени и сил добыть больше желтого металла. Отрабатывая хищнически золотую россыпь, старатели узкими лазейками, как кроты, лазили под землей и выхватывали самые обогащенные золотом пески, оставляя промышленное золото, заваливая его перемытыми породами. Дальше за холмиком стояли два старательских зимовья, низенькие, приплюснутые к земле. За большой площадью открытого места поднимался начатый вчера сруб нового барака.

— Посмотри, Михаил Александрович, кругом, — показал Аргунов рукой.

— Я и то люблюсь. Красивое место, — ответил Коточков.

— Очень красивое, — согласился Аргунов.

— И зашумит здесь новый прииск да такой, про который и мы сейчас не сможем подумать. Как, Николай Федорович, возможно это?

— А почему нет, уже сейчас можно ставить на эту россыпь около десятка артелей. Но нас должно интересовать другое. Смотри, все ямы старателей идут узкой цепочкой вдоль современного русла. Вполне возможно, что золотоносная россыпь очень узкая, но я уверен, старатели работают на слабо обогащенном ее участке. А эта цепочка тянется к притоку и обрывается у самого устья.

Инженер слушал и молчал, соглашаясь с Аргуновым. Аргунов продолжал:

— Меня, Михаил Александрович, интересует другое. Откуда могла взяться хорошо окатанная галька в яме Соловейки? Яма недалеко от террас. Ты считаешь: место, на котором работают старатели, обогащено правым притоком. Будем его называть Безымянным. Это может быть так, а может быть и не так. Ведь структура золота, породы и окатанность гальки — различные в яме Соловейки и в ямах старателей. Мне кажется, наоборот: старатели дошли до устья Безымянного и потеряли свою россыпь. Я считаю, что яма Соловейки обогащена Безымянным. Поэтому я и предлагаю пересечь шурфами все террасы и хотя бы часть долины.

Инженер сморщил лоб.

— Вот и надо проверить Безымянный. Он нам внесет ясность.

— Как вы хотите, а надо искать Соловейкино золото.

— Вы, наверное, вспомнили сказку, которую здесь рассказывают? — не без иронии спросил инженер.

— Да, вы правы, я вспомнил эту сказку и даже не сказку, а если хотите, чистую правду. К вашему сведению, этот народ никогда не врет, не обманывает и не ворует. Это вы запомните. Если вам когда-нибудь придется с ними работать, мой совет пригодится.

— Благодарю вас, — совершенно серьезно сказал инженер.

Аргунов продолжал:

— Платик у старателей во всех ямах скала,

а по словам Филиппа Егорыча, в яме Соловейки была глина. Как вы на это смотрите, Михаил Александрович? А ты, Ванюша, набросай-ка эскиз, что отсюда видно, отрази на нем террасы, открытые ямные работы, не забудь яму Соловейки.

Аргунов поднял камень, разбил его на руке, посмотрел на свежие изломы и бросил.

— Пойдемте вон к той валежине, на ней можно посидеть, отдохнуть.

— Смотрите! — крикнул вдруг Бояркин. — Лисица! Вон она на террасе.

— Действительно.

— Какая быстрая, — говорил инженер, любясь на ловкого, быстрого зверька, — смотрите, какие делает она большие прыжки!

Лиса мышковала на ровной поляне возле низкорослых кустиков. Она делала несколько шагов — скрадывала, потом прыгала и, ударяя добычу лапами, замирала. Иногда, низко пригнувшись к земле, медленно шла, осторожно ступая. Но вот она остановилась, подняла высоко голову, встала на задние лапы и в одно мгновение сделала большой прыжок, потом второй, третий... мышь была поймана.

— Как она чудно охотится! — восхищался инженер.

— Лиса любит мышковать в тихую погоду, — объяснил Аргунов, — когда ветер не шевелит траву. И стоит только неосторожной мышке шевельнуть травку, как это место сразу же прижимают быстрые лапки лисы.

Отвлеченные на время эпизодом с лисой, разведчики снова вернулись к обсуждению основного вопроса, вызвавшего разногласия.

Инженер считал первоочередной задачей проверить Безымянный. Он говорил, что если там будет найдено золото, тогда можно смело просить у начальника главного управления людей на ведение больших разведочных работ в этом районе.

— Пока мы должны ограничиться поисковой разведкой, — настаивал он. — Собственно, с таким заданием нас сюда и послали. После Безымянного займемся детальной разведкой золотоносного полигона старателей.

— А террасы? — спросил Аргунов.

— Зачем нам рисковать, — упирался инженер, — возможно, на террасах не обнаружим золота, и тогда нас спросят, а кто, друзья, вам поручал заниматься таким большим объемом работ? Ведь нас, Николай Федорович, на это никто не уполномочивал. Наоборот, меня предупредил главный инженер управления, чтобы я был осторожен.

— Это излишняя осторожность, — сказал Аргунов.

— Да вы поймите, что мы можем повязнуть с террасами, потерять дорогое время и ничего не найти. Резонней будет проверить одной линией Безымянный, который внесет кое-какую ясность в характер образования золотоносной россыпи в долине, а потом можно смело детализировать золотоносный полигон старателей. Когда придут к нам кадры, мы тогда смело приступим к широкому фронту работ.

— Хорошо, Михаил Александрович, давайте нарежем одну линию по Безымянному. Времени на эту разведку потребуется немного.

Применяя взрывчатку, мы сможем покончить недели за две. К тому времени, я полагаю, мы привлечем старателей на разведку и займемся террасами, — согласился Аргунов.

25

Вечером за чаем Аргунов говорил, что теперь, после детального осмотра и опробования всех забоев в ямах старателей, можно сказать, что этот район заслуживает большого внимания. Здесь можно развернуть крупные геологоразведочные работы. Коллектива разведчиков для таких работ недостаточно. Необходимо привлечь старателей. Конечно, перевод их на разведку будет сопряжен с трудностями, так как эти люди по натуре своей единоличники и собственники, и нужно повести с ними большую разъяснительную работу, потом можно будет приступить к разведке на террасах, а не на полигоне старателей.

Было решено: взять старателей на продовольственное снабжение, обеспечить приисковым инструментом и по окончании разведки нарезать им золотоносные участки для добычи золота.

Только закончился разговор о предстоящих работах, как на пороге барака появился дедушка Пых. Сегодня на нем была чистая, еще не стиранная рубаша, подпоясанная новым кушаком. Ичиги отмыты от глины, борода аккуратно расчесана.

— Проходите, Филипп Егорыч, садитесь, — пригласил Аргунов.

Бояркин соскочил с ящика, уступил место. Старшинка, осторожно ступая на протесанные половицы, как будто боялся их испачкать, прошел и сел. Потом оглядел всех улыбающимися глазами, вытащил кисет и начал набивать трубку.

Аргунову его улыбка показалась хитровой. Он ждал, что скажет старый приискатель.

— К вам, товарищ начальник, — начал дедушка Пых, — послали меня ребята потолковать, как нам дальше быть.

А тот сидел, облокотившись на стол, и молча ждал.

Не привык старый приискатель говорить прямо о своих нуждах, о своих намерениях. Обычно он долго пытал в разговоре своего собеседника, стараясь прежде узнать, что тот думает и, лишь узнав, выкладывал кое-что из своего.

Но сейчас это все в разговоре с Аргуновым было не нужно. Старатель говорил прямо:

— Измотались мы, измучились. Одним дальше жить, одним работать, разве это жизнь, разве это работа! И фарт, вроде, есть, а из рук выскальзывает. Вот моя артель и решила... проситься к вам на разведку.

Приискатель посмотрел в глаза Аргунова, словно спрашивал: «Наверное, не откажете?» и добавил:

— Только у нас один не согласен, дядя Гриша. Хочет идти к Выгоде. Остальные все согласны: Я им все разъяснил.

— Очень хорошо, — сказал инженер, — дельно вы решили.

— Спасибо, Филипп Егорыч, за ваше решение. Когда вы думаете переходить?

— У нас там песков немного заготовленных есть, вот как смоём, тогда, дня через три, можно перейти.

— С продуктами у вас сильно плохо? — спросил Аргунов и, не дожидаясь ответа, закончил: — Тогда с завтрашнего дня станете к нам на довольствие. Утром приходите за продуктами, вот к Романычу, — показал Аргунов на Сохатого, — он вам выдаст.

Дедушка Пых посмотрел на Сохатого и почему-то улыбнулся. Улыбнулся в ответ ему и Сохатый.

— Теперь, значит, вместе будем работать, — сказал с облегчением дедушка Пых. — Так-то оно лучше.

— Вот про это ты и поговори с Выгодой и его ребятами, — попросил Аргунов. — Когда мы проведем разведку, я обещаю, как это делают всегда на приисках, нарезать вам богатый участок. Кроме того, получите инструмент, мы будем обеспечивать вас продуктами.

Поздно вечером дедушка Пых ушел к себе в зимовье, где его с нетерпением ждали все артельщики, где его ждал сам Выгода.

Утром Аргунов, Коточков и Шилкин собрались на правый приток Учугэя—Безымянный.

— Сегодня мы пойдем с вами разными дорогами. Я двинусь по правому берегу Учугэя, потом перевалю через увал и выйду к устью Безымянного. Вы, Михаил Александрович, с Шилкиным подниметесь на левый водораз-

дел, пройдете километров пять, а потом спуститесь вниз. Там мы встретимся.

Аргунов пересек долину и пошел вверх по Учугэю. Инженер с Шилкиным с большим трудом поднимались по крутому склону. Подъем они избрали в той части горы, где можно было обнаружить коренное обнажение пород. На половине склона они увидели выход на поверхность гранита.

Шилкин точными ударами геологического молотка отбил образец породы. Инженер произвел первую запись в полевой книжке, наклеил квадратик пластыря на образец и написал: «№ 1».

— Великое дело — почин, — сказал Шилкин, опуская образец в рюкзак.

Коточков улыбнулся и ответил:

— Почти всегда так начинается каждый мой геологический маршрут. Я всегда выхожу с каким-то особым чувством: на душе легко, с минуты на минуту ждешь чего-то нового и хорошего. Обычно первые часы даже не хочется разговаривать.

Встретив еще три обнажения, взяв образцы, они поднялись на водораздел. Отсюда были видны длинные цепи гор. Кое-где на макушках высоких гольцов лежал снег.

Инженеру, постоянно работающему в управлении, не так уже часто приходилось видеть подобные картины. И каждый раз при этом он переживал одно и то же: радость за жизнь, за ее великую красоту.

Они прошли весь намеченный путь, установив, что водораздел представлен в основном гранитами. Потом спустились по склону, по-

крытому густыми зарослями молодой лиственницы, и пошли по низине, придерживаясь подошвы горы, до устья Безымянного, где встретились с Аргуновым.

— Как ваши успехи? — спросил тот.

— Нашли несколько обнажений гранитов, взяли образцы.

— Давайте, — предложил Аргунов, — нарежем линию, а то времени уже много. Скоро придут шурфовщики.

Инженер показал рукой, где, по его мнению, наиболее целесообразно нарезать линию.

— Хорошо, я согласен, давайте нарежем в ста метрах от устья... — проговорил Аргунов и сейчас же добавил: — И совсем неплохо, если бы нарезать вторую линию через шестьсот метров выше первой, шурфов хотя бы в двадцать, и третью линию, еще отступив шестьсот метров.

Шилкин вытащил из кармана рулетку, и они приступили к нарезке шурфов.

День стоял ясный и солнечный.

В это время к разведочной линии подошла группа рабочих-разведчиков с лопатами, кайлами и топорами. Во главе бригады шурфовщиков — Бояркин. Он будет вести документацию и опробование шурфов. Позади всех шел повар с двумя большими кастрюлями, готовый обеспечить разведчиков горячей пищей на месте работы.

Рабочие весело и громко разговаривали. Долгожданный день настал. Они сейчас приступят к своей привычной работе — шурфовке. И уже скоро взрывы потрясли тишину, ударились в горы, в стену тайги.

Однажды вечером в зимовье к старателям пришел врач. Все были в сборе. Они как всегда шутили между собой. Один дядя Гриша не принимал участия в их разговоре. Он лежал на нарах и молчал, заложив руки под голову.

— Я хочу сегодня, — сказал врач, обращаясь к приискателям, — проверить ваше здоровье.

Он развернул халат, надел его, из кармана вытащил стетоскоп и приступил к осмотру. Каждый старатель, раздевшись по пояс, подходил к нему. Врач осматривал, выстукивал, выслушивал и говорил:

— Здоров. Следующий.

Вот дошла очередь и до дяди Гриши. Прислушав приискателя, врач поставил ему подмышку термометр.

— Да зря, доктор, вы это все делаете. Какая это болезнь, так себе.

— Я очень доволен, что вы все совершенно здоровы.

— Если бы не наш дядя Гриша...

— Сейчас время такое, простудиться недолго.

Врач взял термометр.

— Да, у вас температура.

И Гусев повел приискателя к себе в стационар. Так он называл свою палаточку, где у него стоял небольшой стол и две койки.

Но когда дядя Гриша увидел койки, заправленные белоснежными простынями, он сразу же категорически отказался лечь.

— Нет, доктор, так я не лягу.

— У вас же температура. Вам сейчас необходим покой.

— Да нет, доктор, я не про это. Вы бы мне дали маленько выпить.

— Что выпить? — не понимая вопроса, спросил врач.

— Шпирту.

— Ах, спирту, — сказал Гусев и засмеялся, — пожалуй, немного можно.

Гусев достал бутылку и налил в стакан.

— Мало, доктор, с этого мне не лечь. Вы бы мне, если дозволили... Я бы сам налил. У меня душа меру знает.

Врач разрешил.

И дядя Гриша быстро опрокинул полный стакан спирта.

— Вот теперь вся болезнь пройдет, — и старатель погладил себя по животу.

— Вам не много будет? — с беспокойством спросил врач.

— Нет, доктор, вы не сомневайтесь, мне это точно в аккурат. Придется лечь на койку, по вашей, так сказать, инициативе. Слово у нас в тайге — закон. Раз я дал слово, что лягу — значит, лягу, была не была.

— Пожалуйста, на любую койку.

— Доктор, а маленько сплясать можно?

— Сплясать? — удивленно спросил доктор.

— Да, вот так.

— Что вы, что вы!

— А спеть, доктор, можно? Я потихоньку, — и он тихо запел.

Андрейка, который проходил мимо палатки, услышав песню, остановился. Врач уговари-

вал дядю Гришу ложиться на койку. Андрейка постоял еще какое-то время и, улыбаясь, пошел дальше. Он шел по тропе, которая вела к реке, и насвистывал веселую песенку. Настроение у него было отличное. Сейчас он встретится с Сардангой.

Вся природа кругом ликовала. Андрейка шел и любовался на маленьких желтогрудых птичек, которые весело пели в кустах. Подойдя к реке, он вдруг остановился и с лица его как будто ветром сдуло сияющую улыбку. На отлогом берегу он увидел Сардангу с Бояркиным. Они стояли рядом и о чем-то оживленно разговаривали. Возле них на земле стоял чайник, котелок и еще какая-то посуда, должно быть, девушка пришла ее почистить. Вот Бояркин взял руку Сарданги и потянул к себе. Девушка выдернула ее, Андрейка услышал ее громкий смех. Еще несколько минут стоял он и, не спуская глаз, смотрел на мирно беседующую пару. Потом круто повернулся и пошел обратно, пнув ногой подвернувшийся камень. Не слышал он, как весело пели желтогрудые пташки.

27

Олени после тяжелого пути хорошо отдохнули на широкой долине Комюсь-Юряха, богатой ягелем. Каюры тепло распрощались с разведчиками и уехали.

Петр остался с экспедицией. Он отправил домой своих оленей, полученные за дорогу деньги и подарки.

Узов сидел один в бараке за своим неуклюжим столом, сколоченным из досок от ящика. Справа у него лежали счеты. Толстая бухгалтерская книга была раскрыта.

Как всегда, мягко ступая, в барак вошел Петр. Узов поднял голову и положил ручку на чернильный прибор:

— Как жизнь молодая, не скучаешь еще?

— Жизнь хорошая, зачем скучать.

— Слушай, Петр, чего это ты решил у нас остаться, ведь у тебя дома невеста?

— Мне хорошо у вас, вы все дружные, и начальник ваш хороший.

— А с невестой-то ты как решил? — снова спросил Узов.

— Невесту потом сюда привезу. Я теперь буду всегда с вами. Только мне, однако, работу надо подходящую подыскать.

— О работе не тужи. Работы у тебя будет много. Вот видишь, какой у меня стол плохой, а вот здесь мне нужна, — Узов показал на стену, — здесь мне нужна полка для книг. Я тебя как-то из виду упустил, ты там с оленями своими возился, а я здесь строил и выстроил такой стол, что сидеть за ним опасно.

Петр осмотрел его, оперся рукой. Стол за скрипел и покосился.

В барак вошел Аргунов с врачом.

— Вот мы, Николай Федорович, с Петром, — начал Узов, — разговариваем о работе. Я ему предлагаю в первую очередь помочь мне... кое-что поделатъ тут. Вот хотя бы стол.

— Николай Федорович,—обратился врач,—я думаю, в первую очередь столяр нужен

мне. В моей амбулатории-стационаре сидеть даже не на чем.

— Да что вы, Леонид Петрович, обождите,—проговорил Узов, — ведь у вас нет ни одного больного. Вы же сами утверждали, что старатели все здоровы. По-моему, вам вполне можно подождать.

— Как ни одного больного! А дядя Гриша?

— Но ведь он утром же и выписался.

— Одну минуточку, товарищи, — прервал спорящих Аргунов, — для Петра есть дело более важное, чем столики и стулики. Нам нужно ежедневно свежее мясо. Не приведи бог, если у кого откроется цынга.

— Совершенно верно, — согласился врач.

— Вот Петр и пойдет с Романычем к Даниле Кузьмичу. Вы согласны со мной, Леонид Петрович?

— Согласен вполне согласен. Пожалуй, и я с ними пойду, — сказал врач.

— А потом, действительно, можно будет вам, доктор, изготовить все, что нужно для стационара, и переделать этот уродливый стол, — продолжал Аргунов.

— Согласен, как дважды два, — подтвердил бухгалтер и бросил на счета четыре косточки.

В барак вошел Сохатый.

— Вот, кстати, и Романыч, — обрадовался, Аргунов. — Ступайте. Да смотри, если дал слово, держи его, не обманывай. Верь всем. Можешь вперед давать деньги. Будь здесь всем другом.

— Да я не первый день в тайге... Николай Федорович, разреши-ка мне сказать свою дум-

ку. Давно уж хочу, да никак не потрафлю вовремячко, ты все занят и занят с этими шурфами. Про мясо я, конечно, договорюсь, питанием всех обеспечу на славу. Но не пора ли мне оставить хозяйственную службу? Может, это и стариковское дело — верховодить кастрюлями, но я хочу переходить на разведку. Пусть кто-нибудь другой возьмется за обеспечение. У кого характер лежит к этому делу.

Аргунов сел за письменный стол к Узову.

— Говоришь, стариковское? — спросил он.

— Я думаю на разведку, — настаивал Сохатый.

— Нет, Романыч, пока занимайся этим. Вот как найдем золото, тогда все решится, кому какую службу нести.

— Значит, когда найдем, тогда?

— Да, Романыч, придется тебе немного потерпеть, — и Аргунов улыбнулся.

Бригада дедушки Пыха на разведочной линии сразу же приступила к работе.

К ней присоединилось еще три человека из артели Выгоды. Как ни странно, дольше всех не соглашался бросать ямы дядя Гриша. Хотя он и ждал разведчиков больше, чем кто-либо иной из старателей, но сейчас заупрямился и заявил, что бросить ямы он не согласен. Его пугала одна мысль. Всю свою долгую жизнь старатель получал за свои труды тяжелый, желтый металл, а теперь он будет получать бумажные деньги. С этим смириться он не мог.

— Да они, рубли-то, у меня из рук высыпаются, — полушутя говорил старатель.

Когда артель собралась, Бояркин повел ее на Безымянный. В эту минуту «управляющий» еще был не согласен. Но стоило его товарищам отойти каких-нибудь двадцать-тридцать шагов, как дядя Гриша соскочил с отвалчика, на котором сидел, и побежал вдогонку.

...Молодой приискатель Андрейка уже прошел растительный слой в своем шурфе. Когда около него появился Бояркин, он удачно бил обухом кайлы в камень-плиту.

— Мне кажется, Андрей, что ты взял шире стандарта, — сказал техник, осмотрев шурф.

— Если тебе кажется, то перекрестись, а у меня размеры шурфа правильные, какие дал товарищ Шилкин.

— А чего это ты на меня дуешься?

— Ничего не дуюсь.

— Я же вижу.

— Что-то ты часто стал ходить любоваться на реку.

— Вот ты о чем! Теперь я понял.

— Тут и понимать нечего.

Андрейка, поплевав на руки, с остервенением взялся за лопату.

Подошел дядя Гриша.

— А как ты думаешь, Андрейка, мне разрешит начальник за промывку взяться?

— Про это говорить еще рано, вот как добьем шурфы, тогда и о промывке говорить будем.

— А я хочу заранее побеспокоиться об этом.

Дядя Гриша еще долго толковал с Андрей-

кой, уверяя его, что ему непременно доверят этот важный участок в работе разведчиков.

Бояркин пождал, пождал и пошел осматривать другие шурфы.

С утра Сохатый с Петром побывали в юрте охотника.

И обо всем бы они хорошо договорились, но Данила Кузьмич наотрез отказался получить от разведчиков деньги за мясо.

И сейчас на вопрос Аргунова, правильно ли он разъяснил все охотнику, Сохатый ответил:

— Да как же, разъяснял я ему, уговаривал. Он и к другим охотникам обещал съездить, чтобы и те помогли... А вот плату ни в какую не соглашается брать. «Мы, говорит, вас ждали вместе с дедушкой Пыхом, как я могу брать деньги. Я помогать должен вам», — вот он как заявил, Николай Федорович.

— А ты не брал с собой? — спросил Аргунов, выразительно прищелкнув пальцем.

— Ни одного золотника не брал! — торжественно произнес Романыч. — Пьяная баба корову доить не пойдет, а разве же можно выпивши про дело говорить. Я знаю, случись что-нибудь, труба тогда мне. Вот хоть у Петра спроси, он не соврет.

— Не было, — заверил Петр.

Сохатый продолжал:

— На прощание я ему сказал, что у нас пока есть мясо, а то, думаю, возьмет да и приведет оленей без всякой платы, а мне потом отдувайся за него. Ты же скажешь: вот Романыч

у нас коммерсант так коммерсант! Позор тогда мне.

— Хорошо, иди отдыхай. У Данилы Кузьмича я побываю сам.

28

Утром Аргунов сходил на линию, вернулся в барак и обратился к Петру:

— Ну, теперь пойдём к Даниле Кузьмичу.

Возле странного дерева, похожего на путника, они остановились.

— Смотри, Петр, — сказал Аргунов, — какое интересное дерево.

— Когда мы шли с Романычем, он его называл часовым.

— Подходит, — сказал Аргунов, — действительно, часовой, который будто бы охраняет эту долину...

— Мы с Романычем, — заговорил Петр, — залезали вон на ту гору. Оттуда видно юрту Данилы Кузьмича.

— Полезем, — предложил Аргунов.

— Зачем, я уже дорогу знаю. Так найдем.

— Мне нужно осмотреть места.

Во всем чувствовалась могучая воинственная весна, какая бывает только на далеком севере. Как будто природа, проснувшись, с гордостью стряхивала с себя жестокие оковы зимы и платила ей сторицей за свой ледяной плен. Лед на реке был серый, середина горбилась. Вот дрожь покатила по льду, он зашумел и начал ломаться. Зашевелились, как живые, широкие льдины. В этот день, двадцать седьмого мая, вскрылась Комюсь-Юрях.

С высокой горы было хорошо видно шумную, пришедшую в движение Золотую реку. Вспомнился рассказ начальника управления о казаках-землепроходцах, которые где-то на порогах нашли крупинку золота.

Теплый ветерок веял по тайге. Она стояла еще прозрачная, с оголенными ветвями, но уже подернулась нежной зеленоватостью.

Внизу, у самой подошвы горы, Аргунов увидел несколько десятков берез. Большой русской семьей стояли они, как будто только что собрались идти куда-то. Впереди широкоплечий, крепкий богатырь, глава семьи. Возле него добротная жена-хозяйка, рядом сыновья «молодец к молодцу», в сторонке тонкая, стройная красавица «белая ликом». И, должно быть, всегда бывает так, когда русский человек увидит это родное дерево, он вспоминает свое детство, место, где родился, где провел юность. И Аргунову вспомнилась жена и дочка, которые были сейчас далеко, далеко. Над рекой со свистом пролетал табунок уток. Быстрокрылые птицы сделали крутой поворот, снизились над гладью реки, хотели опуститься на плес, но снова взмыли вверх и исчезли вдали.

Аргунову вспомнилось, как в детстве любил он сидеть на озерке в скрадке, боясьдохнуть, ожидая мгновения, когда подплывут утки, или зоревать с удочкой, впившись глазами в поплавки. Сидишь и ждешь, когда же нырнет пробка под белое облачко, которое отражается в голубой, как небо, воде.

— Петр, ты не знаешь, караси здесь есть?

— Караси? — переспросил Петр.

— Да, рыба-карась.

— Рыбы здесь много всякой, наверное, и карась есть.

— Как-нибудь выберем свободный денек и сходим с тобой за карасями. Люблю я рыбачить.

Новая юрта Данилы Кузьмича была обнесена изгородью из тонких слег. Во дворе на деревянной перекладине тонкими прутьями висало уже хорошо вывяленное мясо. Возле юрты лежали старые нарты. Недалеко в стороне стоял амбар. В нем хранились шкуры, мясо, свежая рыба, рыболовная снасть и другая хозяйственная утварь.

Данила Кузьмич вышел из юрты, уговорил собаку и пригласил гостей.

Старик обрадовался новым знакомым, с которыми можно о многом поговорить. Добрый разговор в тайге согревает. Тяжело молчать. Хочется рассказывать, слушать, что говорят другие. Намолчался старик за длинные зимние вечера. Много родится дум, когда на дворе пурга замечает след оленя. Думой мяса не добудешь, но и пустой разговор хуже сухой кости. Эти люди не за пустяком сюда пришли. Есть у них большие дела, о которых стоит поговорить.

Когда Аргунов с Петром вошли в юрту, девушка стояла возле сети с челноком в руках. Аргунов обратил внимание на работу. Вязь была чистая и аккуратная. В посадке сеть будет отличной.

— Хорошая работа, молодец. Кто же это тебя учил вязать? — сказал Аргунов, обращаясь к Сарданге.

— Дедушка учил, — смущенно ответила она.

— Моя внучка быстро умеет вязать, — заметил охотник.

— Мастерница у тебя внучка, мастерница, — говорил Аргунов, обращаясь к охотнику. — Скоро, наверное, рыбачить начнешь?

— Люблю охотиться. Белок стрелять люблю, капканами ловить лисиц могу, ловить рыбу тоже надо уметь. Маленько готовлюсь рыбу ловить.

— В реке ловите рыбу?

— Нет, по озерам больше. Вам, однако, рыбы много надо? У нас рыба большая, вкусная.

— Да. У нас народу много, — ответил Аргунов.

— Я один не успеваю ловить. Ходил к другим охотникам. Все будут помогать вам, и мясо дадим много. Мне так охотники сказали: поможем. Иначе никак нельзя, как можно еще иначе! Я всем охотникам рассказал, кто приехал к нам. Все охотники сказали: поможем.

Петр в знак согласия часто кивал головой, желая подтвердить, что охотник говорит чистую правду:

— Так, так.

— Сына своего тоже посылал к охотникам.

— Доктор говорил, что он больной, — удивился Аргунов.

Охотник улыбнулся.

— Доктор вылечил. Маленько дал выпить — и все. Я сказал: говори всем, что приехали люди копать золото и укреплять родину. Так мне сказал твой помощник Романыч. Хороший

человек. У вас еще Ваня хороший человек, он спас Петруху от смерти.

Петр снова кивнул головой и сказал:

— Так, так.

— Сегодня сына с доктором послал. Пусть доктор лечит наших людей. Лечить больных надо. Хороший у меня сын. Это он, товарищ начальник, увозил письмо Филиппа Егорыча, — охотник, как бы спохватившись, что потерял много времени, соскочил с сундучка. — Гостей угощать надо, — сказал он.

И сколько Аргунов ни уверял, что они ничего не хотят есть, охотник не слушал: таежный неписанный закон требовал не отпускать дорогого гостя без угощения. Данила Кузьмич выскочил из юрты, но быстро вернулся и поставил на стол большую деревянную миску, полную лепешек из белой муки, потом снова сходил, принес сушеное оленьё мясо. Настрогал его тонко ножом и пригласил садиться за стол. А в завершение поставил на стол миску с неизвестным Аргунову кушаньем.

— Это что такое? — спросил Николай Федорович.

— Керчех, сбитые оленье сливки. Шибко сладкое кушанье, — причмокнул губами Петр.

— Как нынче поохотились? — спросил Аргунов.

— Много нынче белки было. Хорошо охотились. Сдали на фабрику. Муки купили, сахару, сыну ружье купил. Новое ружье — это хорошо. Припасов много купил.

— Какие товары есть на фабрике? — поинтересовался Аргунов.

— Э, товаров очень много, вся фабрика

полна товаров. Все есть и все дешево, очень хорошо стало теперь нашим охотникам, — ответил Данила Кузьмич и посмотрел на свое ружье.

— Как, хорошо бьет? — спросил Аргунов, взял в руки мелкокалиберную винтовку и посмотрел на марку.

— Тозовка, — ответил охотник и вынул из коробочки один патрон.

— Пойдем, посмотрим, как бьет.

И не дожидаясь согласия, вышел первым из юрты, посмотрел вокруг, подыскивая цель. Не найдя, видимо, ничего подходящего, Данила Кузьмич сунул винтовку Петру, а сам быстро вернулся в юрту.

— В деньгу буду стрелять, — снова показываясь из юрты, сказал охотник.

Он подал Петру двадцатикопеечную монету.

— Держи вот так, — сказал он и вставил на ребро монету между большим и указательным пальцами.

— Держи так, — снова повторил он, — в орла стреляю.

Он взял винтовку и, отмерив двадцать пять шагов, остановился.

— Нельзя так стрелять, — забеспокоился Аргунов, — а вдруг палец отстрелишь?

Петр невозмутимо стоял с поднятой рукой.

Охотник быстро вскинул ружье — щелкнул выстрел. Петр схватился за пальцы, взглянул на них и затолкал в рот.

Данила Кузьмич спокойно стоял и улыбался.

— Покажи руку, — тревожно проговорил Аргунов.

Петр недоуменно посмотрел на него. Как

может бояться начальник? Разве охотник стрельнет мимо? Петр показал совершенно невредимые пальцы.

— А что же ты рукой замахал? — успокоившись, спросил Аргунов.

— Я крепко деньгу держал, а пуля ее выбила и отбила мне пальцы. Метко стреляет Данила Кузьмич, — сказал, восхищаясь, Петр, — я сейчас найду эту деньгу.

— Хорошие ружья делают, — говорил охотник, — все товары на нашей фактории хорошие, и за пушнину много дают. Американцы раньше совсем мало давали. Я все время в долгу был. Если бы их не выгнали, все еще бы платил долги. Беда, как худо нам жилось: кругом обман был.

Петр подошел к Аргунову и подал ему монету. Легкая вмятина была видна в центре.

Они все трое вошли в юрту.

— Раньше было так, — продолжал охотник, — приходил американ, сначала хороший был, беда, какой добрый был, всех даром поил спиртом, целый день поил, два дня поил, потом торговался, свои товары шибко хвалил, а нашу пушнину ругал. Говорил: мало пушнины, плохая пушнина. Потом давал нам маленько товару, говорил, на другой год долг остался. Все охотники должны были американам.

Данила Кузьмич видел, что этот большой человек внимательно слушает его и охотно рассказывал, размахивая руками, улыбаясь, прищуриваясь.

— А ведь я знаю твоего брата Кузьму Кузьмича, — сказал Аргунов, — он нам ездовых оленей давал, когда сюда ехали.

Охотник вскочил, глаза его расширились, но потом сузились, и он засмеялся:

— Ты его видел?

Данила Кузьмич взволнованно глядел в глаза Аргунову.

Весть о знакомстве этого большого начальника с его братом наполнила охотника радостью и гордостью. Вспомнив что-то очень важное, Данила Кузьмич бросился к своему сундучку, на котором только что сидел, и быстро открыл его. Выбросив несколько кусков цветной мануфактуры, он с самого дна достал голубую шкурку песца, тщательно свернутую.

— Вот подарок моего брата, очень дорогой подарок, — осторожно развязывая ремешок, проговорил Данила Кузьмич.

Из песцовой шкурки он вытащил тонкий картон, свернутый в трубку.

В руках Аргунова оказался небольшой портрет Ленина.

— Много охотников ездило ко мне смотреть на портрет товарища Ленина. Покупали у меня охотники, но разве я продам?

И Аргунов снова услышал предание о том, как великий вождь народов жил на севере. И где бы он ни слышал, везде от сердца каждого советского человека брала свое начало эта полная до краев, самая многоводная река народной любви. И каждый раз Аргунов предавался очарованию, слушая порой наивные, но трогательные рассказы о великом человеке.

Закончив, Данила Кузьмич помолчал немного и убежденно сказал:

— Это он велел, чтобы у нас в тайге по-

строили фабрики и чтобы охотников не обманывали. А вам надо золото искать хорошо. Надо обязательно найти здесь золото, — опять повторил он, как бы передавая наказ своих сородичей. — Все наши охотники будут помогать вам.

Но когда Аргунов заговорил о плате за мясо, охотник даже рассердился.

— Какие деньги? — резко перебил Данила Кузьмич, — какие такие деньги? Нам ничего не надо! Мы вам без всякой платы помогать должны.

Аргунов по-дружески взял руку охотника и стал объяснять, что он не имеет права даром брать дорогие продукты.

Якут удивленно смотрел на Аргунова и Петра.

— Начальник по дороге всем хорошо платил, кто помогал нам, кто давал нам мясо, оленей, — подтвердил Петр.

— Я расскажу все это охотникам, — наконец проговорил Данила Кузьмич.

Аргунов стал собираться домой. Данила Кузьмич пошел проводить гостей. «Хороший этот начальник, настоящий друг, с таким человеком можно всю жизнь возле одного костра жить», — думал охотник. Дорогою Аргунов, как можно проще и яснее, рассказывал, что вот, как только они найдут золото, сразу переменится жизнь в тайге, сюда приедет много народу, построят школы, где будут учить детей охотников. Построят больницы, где будут лечить охотников. Выстроят большие магазины, и в каждом доме будут гореть электрические лампочки.

Растроганный услышанными новостями, Данила Кузьмич возвращался домой и пел о больших домах, пел о том, как приедут к ним в тайгу новые люди, как все начнут жить по-новому. Он пел о том, что завтра же расскажет эти большие новости своим товарищам-охотникам.

29

Свежий ветерок гулял по Учугэю. Аргунов с Петром поднялись по глухому сиверу на высокую гору и остановились, любуясь далью. Гряды гор лежали, протянувшись с севера на юг. Между горами блестела широкими плесами Комюсь-Юрях. Она как будто и вытекала из-под гор и далеко где-то исчезала под горами. Разведчики спустились по крутому склону. Река часто делала резкие повороты и ныряла в тенистую чащу. Они осмотрели подножье горы и пошли вверх по речке. Нигде не встретилось ни пепелища от костра, ни пенька, ни щепки. Кажется, здесь и не бывало никогда человека. Тому, кто бродил по девственной тайге, хорошо известно, как радостно встретить не только пепелище, а просто небольшую затеску на дереве, сделанную рукой человека.

Маленький быстрый ручей трепетно бился между камней, прыгая через них, и торопился спрятаться в россыпь, под заскорузлые корневища. Возле ключа, на свежеизрытой влажной земле, остались следы недавнего пребывания медведя. Большие камни выворочены. Должно быть, медведь искал под ними лакомое.

Река при повороте обнажила пласты пород. Крутой берег стоял стеной.

Аргунов осмотрел породы и решил опробовать. Он промыл две пробы.

— Пусто, Петр, ни одного знака, — сказал Аргунов и сполоснул лоток.

Наконец, они выбрались из густой чащи на открытое место. Кое-где на громандой поляне отдельно друг от друга стояли лиственницы. На одной из них сидел ястреб. Другой высоко кружился над ним. Желтогрудая пташка беспокойно чирикала в кустиках жимолости.

— Петр, смотри, яма!

— Наверно, Соловейкина, — воскликнул радостно Петр.

— Пойдем.

Они подошли к яме.

— Нет, Петр, это не Соловейкина яма, — осмотрев выработку, сказал Аргунов. — Видишь, как насыпан отвал и порода разбросана везде.

— Тогда, наверно, наших старателей, — спокойно сказал Петр.

— Говоришь, наших?

Как-то Аргунов, беседуя с дедушкой Пыхом и Выгодой, спросил у них, не вели ли они разведку в соседних долинах, и оба старателя ему ответили, что у них не было в этом нужды.

— Нет, Петр, это не старательская яма, не походит она на старательскую, — заявил Аргунов.

— А чья же тогда? — удивился Петр.

— Это, наверное... скорее всего здесь старался Данила Кузьмич.

Петр удивленно посмотрел на Аргунова.

— Вот, смотри, товарищ начальник,—Петр показал на высокий пенё,—так якут никогда не рубит. Дерево со всех сторон рублено. Кто рубил, не знал, куда оно падать будет. Топор тупой и носок у него сломан. Якут не сломает топор, зачем он будет рубить камень? Он осторожно работает топором. Этот, наверное, первый раз за всю жизнь рубил дерево, сильный он, видишь, как далеко лежат щепки, а не сноровистый. Нет, здесь работал не якут.

Молодой таежник был во всем прав, и его никто не смог бы оспорить. Но Аргунову было понятно и то, что здесь работали не приискатели. Аргунов и Петр детально осмотрели все и пошли от ямы, неизвестно кем пробитой. В густом колке они спустились к ручью и напились воды.

— Наверное, здесь рыба есть, — сказал Петр, — люблю рыбу ловить.

— Я тоже люблю. Вот как-нибудь выберем свободный денек и сходим с тобой на рыбалку,—опять помечтал о долгожданном отдыхе Аргунов.

Они снова углубились в лес и, перевалив через водораздел, начали пробираться через густую чащу. Аргунов, перескакивая толстую валежину, запнулся и упал. Из травы выкатилось что-то белое и круглое. Петр нагнулся и поднял. Это был череп человека.

— Дай-ка его сюда, дай-ка.

И Аргунов, сидя в траве, стал осматривать находку.

— Ты видишь?—обратился он к своему товарищу.

— Пуля,—сказал Петр,—эту дырку сделала.

— Ты прав. Давай поищем, может быть, найдем что-нибудь еще.

Вскоре они нашли позеленевшую гильзу.

— Гильзу мы возьмем с собой, а череп оставим здесь. Я тебя прошу, Петр, никому ни слова о нашей находке, никому.

Потом, спустившись еще с одной торы, они пошли к Комюс-Юряху. Длинные тени от них падали на сочную траву, из которой часто вылетали птички.

Вдруг Петр остановился.

— Пахнет дымом,—сказал он.

Они прошли еще метров пятьдесят и вышли на небольшую тропинку, по которой американцы ходили за водой к ручью.

Аргунов, не спрашивая разрешения, вместе с Петром вошел в землянку.

Джемс лениво поднялся с кровати. Когда он узнал, что перед ним сам начальник экспедиции Аргунов, сонное выражение сразу же сле-тело с его помятого лица.

— Прошу, садитесь, мистер Аргунов, прошу,—и американец начал извиняться за беспорядок в его квартире.

В землянке, действительно, было очень грязно и стоял какой-то неприятный запах. Пол весь в жирных пятнах. На одной из кроватей лежало нечто похожее на меховое одеяло. Вторая кровать, с которой поднялся Джемс, тоже не заправлена. Возле нее на полу много золы, выбитой из трубки. Хозяин не любил утруждать себя излишними движениями и нередко выколачивал трубку, лежа на койке. На законченной стене висел винчестер. Над столом, за который уселся Аргунов, приделана небольшая

полочка, на ней рядом с банками лежала одна-единственная книга.

Петр остался стоять возле дверей: американцы, казалось, и не замечали его.

— Петр, садись вот сюда,— пригласил Аргунов.

— Простите, мистер Аргунов, кто будет этот человек, наверное, ваш проводник?

— Мой товарищ.

— Ваш товарищ?— удивленно переспросил Джемс, и на его лице появилась улыбка.

Дик удивленно смотрел то на Аргунова, то на Петра и, насупившись, молчал. Он не умел скрыть свою ненависть к приехавшим. А Джемс все улыбался и улыбался. Улыбался, когда слушал Аргунова, и улыбался, когда говорил сам. Его верхняя губа часто поднималась, оголяя десны, где не хватало трех зубов.

— И вы давно прибыли в наши дикие места?—спросил Джемс, особенно подчеркнув слово наши.

— Недавно,—ответил Аргунов.

— О, я очень жалею, что не слышал о вашем приезде. Я бы первым пришел к вам познакомиться. Здесь не с кем даже переброситься словом. Тайга и скука. Скука и тайга. Вы представляете, как трудно жить культурному человеку в этих заброшенных, как я бы сказал, местах.

Джемс был одет в просторную рубашку, выпущенную поверх серых брюк. Казалось, уже давно минуло то время, когда он тщательно одевался в хорошо отутюженный и вычищенный костюм и подолгу стоял возле зеркала, осматривая себя. Сейчас его жизнь шла по-ино-

му. Он не только не чистил свой костюм, а просто не замечал его, забывал, что на нем еще держится какая-то одежда.

— Видите ли, мистер Аргунов,—продолжал Джемс.—Мы живем здесь по призванию своей души. И если говорить фигурально, прогресс науки требует от ученого мужа немалых лишений. Один ученый—в тиши кабинета, другой—под знойным солнцем пустыни, третий—во льдах Арктики, каждый стремится к одному — вырвать тайну у природы. Мы, живя здесь, по мере своих сил изучаем этот дикий край. Изучаем растительный мир, всевозможные травы, цветы...

Джемс спохватился, что он, пожалуй, начал говорить слишком витиевато. Потянув дым из трубки, захлебнулся и закашлялся. Потом он тяжело вздохнул и вспомнил Выгоду, который в первый же день после приезда экспедиции пришел поздно вечером и сидел вот здесь же, где сейчас сидит Аргунов, и рассказывал про экспедицию все, что он смог узнать, и советовал Джемсу быть как можно осторожнее с Аргуновым.

Джемс пожалел, что сразу, почти с первых же слов начал болтать о своих научных занятиях. Его еще ни о чем не спрашивали и даже ни на что не намекали, а он начал распространяться о травах и цветах. И намолол какую-то чепуху о науке, о коллекциях, об университете. А вдруг Аргунов поинтересуется и задаст Дику хотя бы один научный вопрос, что тогда? Ведь его коллега, этот тупой дьявол, захлопает глазами и не сможет ответить. Что делать тогда?

Петр тем временем встал, подошел к крова-

ти, начал внимательно рассматривать винчестер, висевший на стене. Дик не спускал с него глаз. Петр заглянул в дуло и отошел к окошку. На подоконнике лежало несколько патронов. Он осмотрел их, не трогая руками, и сел рядом с Аргуновым.

— Мистер Аргунов, скажите, пожалуйста, вы большевик?—вдруг спросил Дик.

— Да, да, мистер Аргунов, в самом деле, вы большевик?—переспросил и Джемс, не зная, как сгладить неловкость заданного вопроса.

— Да, большевик.

— Странно, очень странно. Я представлял большевиков совершенно... как бы вам сказать, совершенно другими...

— А как же вы представляли себе большевиков?—спросил в свою очередь Аргунов.

— Видите, вся наша пропаганда... Нам говорят, что большевики, как бы вам сказать... варвары, которые уничтожают культуру и... Лучше, мистер Аргунов, давайте выпьем по маленькой,—любезно предложил окончательно запутавшийся Джемс и потянулся за флягой, которую Дик уже поставил на стол вместе с холодной закуской.

— Благодарю, я не пью,—сказал Аргунов.

— О, мистер Аргунов, что вы, что вы, ради такой приятной встречи, как можно не выпить?

Аргунов встал.

— Уже поздно, пора домой.

Вечер опускался на тайгу. Трава блестела в обильной росе. Было прохладно. Аргунов с Петром подошли к отлогому песчаному берегу. Широкая густая тень от гряды гор лежала на воде, отчего контуры берегов скрывались, и

вся река казалась еще шире. Аргунов стоял и смотрел на реку.

— Товарищ начальник, видел, как они, эти мериканы, улыбаются? Одними ртами улыбаются, а глаза смотрят по-волчьи.

— Да, Петр, ты прав, по-волчьи смотрят они на нас.

— А топор с обломанным носком видел? Он лежит возле кровати. Я посмотрел на винчестер и на патроны... Такие же патроны, как гильза возле черепа.

— А ты глазастый, — похвалил Аргунов.

Темнело. Недалеко от барака лежала толстая валежина с вывернутыми из земли корнями, которые, как удавы, обвив друг друга, застыли с высоко поднятыми головами. На ней сидят рядом Сарданга и Андрейка. Над ними склонились ветки берез. Возле их ног лежит остроухая лайка Золотинка.

— Это кольцо мой отец сделал и подарил мне на память, — ответила девушка на вопрос Андрейки, где взяла она такое кольцо.

— Ты знаешь, что, Сарданга, вот когда найдем золото на террасах, мы с тобой обязательно поедем посмотреть Москву, и я там куплю тебе много подарков и красивое, красивое кольцо с драгоценным камнем. Есть такие камни, которые как будто горят.

Вдруг Андрейка поднял голову, прислушавшись. Было слышно песню и аккомпанемент баяна.

— Ты слышишь? Это наши опять собрались возле костра. Пойдем к ним.

И молодой приискатель быстро встал, взял девушку за руку, и они побежали вниз с горки:

— Тише! Тише, Андрейка! Ты так меня убьешь,—едва успевая бежать за Андрейкой, кричала Сарданга.

Когда они подошли к костру, их встретили дружные голоса:

— Андрейка, Андрейка, Сарданга, давайте сюда! Вот эти споют!

— Давайте, молодые люди, спойте нам,—и Узов подал баян Андрейке.

— Перво-наперво, Андрейка, спой какую-нибудь веселую,—попросил Шилкин.

Молодой приискатель растянул баян, как бы пробуя голос, и запел. Он пел, что ему на Севере всегда тепло, потому, что у приискателя горячее сердце и что он не стал бы жить в Африке, в которой не бывает зимы и не бывает там никогда нежных и красивых зорь. Он очень любит северную зарю. Пусть не верят люди, но она его согревает...

Все с удовольствием слушали эту жизнерадостную гордую песню. Но вот она кончилась, и приискатели зашумели:

— Теперь валяйте вдвоем. Сарданга, давай, не стесняйся.

Когда молодые люди спели, им долго и радостно аплодировали.

— А теперь все споем, хором нашу приискательскую,—предложил Андрейка.

В качестве запевалы выступил дядя Гриша. Он запел, но взял слишком высоко. Возле костра, пригретая теплом, развалившись, спала Золотинка. Но когда дядя Гриша взял не-

померно высокую ноту, Золотинка подняла голову, с обидой посмотрела на человека и начала жалобно подвывать. Голос дяди Гриши сорвался на самой высокой ноте, и все приискатели захохотали.

— Высоко, соловей, взял, чуть не до небес. Давай, Андрейка, ты запевай,—раздались голоса со всех сторон.

Аргунов с Петром, тем временем, подошли к жилию. От костра летела широкая песня.

Они зашли в барак. На столе стоял заботливо оставленный ужин.

А песня приискателей плыла по широкой долине Учугэй и сливалась с тихим шелестом ночных трав.

После ужина Аргунов подошел к костру и позвал Шилкина, Бояркина и Сохатого.

— Вот что, товарищи.

Он подробно рассказал о найденном шурфе, о том, что был у американцев, о человеческом черепе и гильзе от винчестера.

— Они на нашей советской земле занимаются разведкой! — воскликнул с негодованием Шилкин.

— Это они Соловейку убили. Его череп, — проговорил Сохатый, сжимая кулаки.

— Возможно, что и так,—сказал Аргунов,— давайте решим, как с ними поступить.

Советовались долго. Разведчикам было понятно, что американцы так сразу отсюда уйти не смогут, если и захотят. Нужно на дорогу заготовить продукты, а такая подготовка при всем желании не могла бы пройти скрыто. И притом у Джемса и Дика была одна дорога к отступлению—это спуститься вниз по Комюсь-

Юряху и ждать шхуну, которая может приплыть этим летом.

— А по-моему, арестовать их— и делу конец,—предложил Шилкин.

— Я думаю, мы правильно поступим, если об этих двух проходимцах сообщим в Якутск. Кстати, сообщим и о простреленной палаточке, помните, которую мы нашли на берегу реки по дороге сюда.

Шилкин, Сохатый и Бояркин согласились с предложением Аргунова.

30

Дни стояли на редкость теплые. Пахучий ветер будоражил покров земли, покачивал смолистые ветки деревьев. Солнце грело полетному. Зазеленели, закурчавились белые березы. Пели птицы, радуясь теплу. Токовал тетерев. Много радостей, но и много забот принесла весна обитателям тайги: нужно приготовить гнезда, норы, логова для своего потомства.

Сохатый и дедушка Пых шли на разведочную линию и толковали о работе.

«Ку-ку! Ку-ку!» — донеслось из колочка, заросшего дикой зарослью. Сохатый остановился, остановился и дедушка Пых. Они оба повернули головы, прислушались.

— Кукует, — сказал Сохатый.

— Кукует, — согласился дедушка Пых.

— Закуковала, — повторил умиленно Сохатый.

— Чертова птица, — заметил Пых.

— Наш бывший генерал Кукушкин.

— Командует старый генерал по-прежнему, а мы не слушаемся. Вот оно как пошло.

Они постояли еще минутку, слушая кукушку, и молча пошли дальше.

Сохатый вспомнил свои побеги с каторги, которые всегда совершались по весне, когда покрывается зеленью лес и начинает куковать кукушка.

В это же самое время, вытаскивая сеть с обильным уловом, Данила Кузьмич тоже слышал кукушку. Остановился и заулыбался.

— Рано в этом году закуковала. Это хорошо. Хороший будет год, охота хорошая будет и дружба большая с новыми знакомыми.

Данила Кузьмич набил трубку душистым табаком из маленького кармана на широком кожаном поясе, вытащил огниво, трут и только хотел выбить искру, как улыбка снова появилась на его лице. «Надо чиркнуть», — он вспомнил, что это слово он не раз слышал от русских. Данила Кузьмич долго смотрел на пламя спички, на маленький огонек, который быстро поедал белую палочку и превращал ее в черный уголь. Закурил и пошел с надеждой, что этот год будет удачливым.

Дедушка Пых шел, наклонив низко голову и вспоминая, как он первый раз законтраковался на прииск. Целую зиму проработал он тогда в мокрой шахте. Но вот началась оттепель. Как-то в теплое весеннее утро молодой приискатель шел со свсим напарником на работу.

— Стой! — сказал ему тот, — слышишь?

В лесочке куковала кукушка.

— Кукует. Это наш генерал подает команду.

— Какую? — удивленно спросил молодой приискатель Филька.

— Это нам команда бежать с прииска.

— Бежать?!

— А что, ты хочешь еще мантулить? К весне и животина слабеет, а мы все же люди. Харчи худые, нам весну не вынести.

— А наш контракт?

— Поймают — своими боками рассчитаемся за аванец, а не поймают — еще, значит, жить будем. Если мне все контракты отрабатывать, так еще лет сто жить надо, во как! — разъяснил старый приискатель.

Филька еще не пробовал «скуса» золота. Но уже до дна испил горькую чашу приискательской жизни. Они бежали в теплый майский вечер, когда бездомная кукушка щедро отсчитывала кому-то года.

Аргунов по два-три раза в день бывал на разведочной линии.

Шурфы уже добивались.

Не сегодня-завтра должны начаться промывки четвертей и тогда будет все ясно: есть или нет в правом притоке Учугэя золото. Шилкин смыл несколько лотков, пробуя верхние пески, но золота не было. Аргунов думал: а вдруг его там не окажется, вдруг эта линия, которую заложили, не пересечет золотоносную россыпь? Неужели ошибка? Зарезать пять линий шурфов, занять всех людей, потерять время, сжечь две-три сотни килограммов аммонала — и все это в воздух, или на языке старателей — «забить глухаря».

Аргунов вспомнил старика с лопатой, которого он видел в одном из зимовьев, когда ехал сюда. Тот «сердцем чуял золото», а сидел на пустом месте.

Сейчас Аргунов тоже «чуёт», что на террасе должно быть золото. Это же «чуют» и дедушка Пых и Сохатый. Золото, конечно, должно быть, но какое будет содержание, какие запасы? Оправдают ли они надежды коллектива?

— Ну как, Филипп Егорыч, скоро у тебя зазолотит? — спрашивал Аргунов у дедушки Пыха.

— Дня через три, наверное, на почву сядем, можно промывать.

— А вот у тех ребят, наверное, завтра почва покажется, — говорил Аргунов.

— Дак они же раньше нас начали, — и, улыбаясь, дедушка Пых показал на дядю Гришу, — он нас подвел.

А получилось это так. На второй день работы бригады дедушки Пыха на линии Шилкин сделал замечание «управляющему», что тот небрежно выкладывает четверти и путает их. Дядя Гриша был этим оскорблен до глубины души и, ничего не сказав, ушел к Выгоде. Но, не проработав там и дня, разругался с ним и вернулся. Вот на это и намекал дедушка Пых.

— Ну, а теперь как? — спросил Аргунов.

— Работает с «инициативой», — коротко, но точно определил дедушка Пых.

К себе в барак Аргунов возвращался обычно поздно.

Как-то раз его догнал Бояркин и стал рас-

сказывать про Андрейку, о его желании учиться.

— У нас объем работ увеличится, когда мы перейдем на террасы... — говорил Бояркин.

— Ты хочешь его взять на документацию и опробования? — перебил его Аргунов.

— Я его кое-чему подучу, и он будет неплохой коллектор.

— Как вы думаете на этот счет, Михаил Александрович? — обратился Аргунов к подошедшему инженеру.

— Что же, — сказал Коточков, — предложение дельное, тем более, если этот парень собирается учиться. Мы его очень многому научим, и он пройдет хорошую практику.

— А потом пошлем учиться, — добавил Аргунов.

Таким образом судьба молодого старателя была решена.

В бараке Аргунова поджидал врач.

— Вы, кажется, Леонид Петрович, сегодня куда-то ходили? — спросил Аргунов.

— Да, Николай Федорович, вот я вам и хочу рассказать: понимаете, захожу я в юрту, это километра три вниз по Комюсь-Юряху, а в юрте никого нет, осмотрелся, гляжу — лежит старушка и, оказывается, больная. Переговорил я с ней, как мог, и приглашаю к себе в стационар, но она не соглашается. Вернулся обратно, взял кое-какие медикаменты и рассказал ей, как принимать. Тут пришел и ее муж — охотник. Я выяснил положение в других семьях и вот теперь думаю сходить завтра туда.

— С ней что-нибудь серьезное? — спросил Аргунов.

— Небольшая температура. Я думаю, дня через два поправится.

— К другим охотникам вам, действительно, сходить надо. Может быть, там будет нужна ваша помощь.

— Данила Кузьмич говорил, что в одной юрте лежат двое больных детишек. Я уже договорился. Завтра меня к ним проведет сын Данилы Кузьмича.

— Правильно, Леонид Петрович, завтра же снаряжайтесь в поход.

Шурфы по пади Безымянная почти все уже были добыты до почвы, и Аргунов дал команду приступить к последнему этапу работ — к промывке кучек-четвертей.

Возле шурфа на площадке Андрей осторожно выкладывал последнюю четверть.

Бояркин, как всегда под вечер, размахивая геологическим молотком, обходил шурфы. Он подошел и к молодому приискателю.

— Андрей, да ты мог бы вот здесь четверть выкладывать, чтобы породу далеко не таскать.

— Я сам знаю, куда надо таскать, — сердито ответил тот.

— Ты все еще на меня сердишься?

Бояркин сел на пень тут же возле шурфа и вытащил из бокового кармана пиджака кожаный бумажник.

— Андрей, иди-ка сюда. Да иди же.

Молодой приискатель нехотя подошел к Бояркину.

— Вот смотри, — техник вытащил из бумажника несколько фотографий.

— Видишь, какая славная девушка и ничем не хуже твоей. Она в этом году окончит техникум и, может, сюда приедет, а ты меня ревновать к Сарданге вздумал.

— Но я же видел вас вместе, и ты ее за руку брал,—неумело оправдывался приискатель.

— Я у нее кольцо смотрел. И что же тут особенного, если я ее и за руку брал.

— Я думал...

— Чудак ты человек. Ты вот на меня сердисься, а я с начальником о тебе говорил...

И Бояркин рассказал о решении начальника.

— Ну! — удивился Андрейка.

— Вот тебе и ну.

— Правда? Так и сказал, что пошлет учиться?

— Да, так и сказал, что ты у нас пройдешь хорошую практику, а потом поедешь учиться. А на меня больше не дуйся.

— А я и не дуюсь.

Дядя Гриша отряхнул глину со своих широких шаровар, выпустил подлиннее концы широкого красного кушака, поправил на голове шапку и обратился к Андрейке:

— Как ты все же думаешь, Андрейка, разрешит мне наш начальник взяться за промыску?

Андрейка снова ему ответил, что об этом нужно поговорить с Шилкиным.

— Нет, я хочу, чтобы мне разрешил сам начальник.

И дядя Гриша подошел к Аргунову.

— Товарищ начальник, я уже двадцать лет

мою золото. Вы бы мне разрешили промы-
вальщиком быть.

— Михаил Михайлович, — обратился Аргунов к Шилкину, — вот вам и опытный промывальщик. Приступайте.

«Управляющий» с победным видом взглянул на Андрейку. Потом он не спеша обжег на костре внутреннюю часть лотка до темно-коричневого цвета.

— Вот теперь... как ее, Андрейка, зовут эту... самую маленькую штучку.

— Какую еще?

— Вот не понимает! Да ту самую, что ни на есть маленькую. Ты вчера ее называл.

— Молекула, что ли?

— Во, во. Теперь в моем лотке все до самой маленькой молекулы видно будет, не то что мелкое золото. Тут надо чисто работать, дело — государственное.

И он приступил к промывке.

Бояркин с Андрейкой разграфили новый журнал документации и начали заносить результаты опробования.

— Сколько я этих проб смыл, — сказал дедушка Пых, обращаясь к Аргунову и инженеру, — а сейчас сердце бьется сильнее, чем прежде билось.

Уже была промыта порода из двух шурфов — и все пусто, ни одной золотишки.

— Вот тебе и индустрия! — говорил огорченно дядя Гриша, обращаясь к Андрейке.

— Обожди, дядя Гриша, обожди, это еще не факт.

— Если сыпнет, так вон там, — сказал де-

душка Пых, показывая на шурфы, пробитые возле русла реки.

— А может, вот здесь, — показал Аргунов немного правее.

— Да, тут тоже может сыпнуть, — согласился дедушка Пых.

На разведочную линию пришли Узов с доктором.

— Разрешите посмотреть, Николай Федорович, — сказал врач, — не терпится узнать, что даст наша первая разведка.

— Пусто... пусто пока у нас. Что-то не золотит в наших шурфах, — с грустью промолвил Аргунов.

Врач присел на корточки и стал смотреть в лоток, где кружилась мутная вода.

— Николай Федорович, — обратился Узов, — Данила Кузьмич пригнал оленей на мясо, хочет вас видеть. Он сейчас там с Сохатым беседует.

— Что же, придется идти.

Возле барака стояли хорошо упитанные олени. На одном из них была навязана в перемет всякая дичь: глухари, тетерки, рябчики.

Аргунов пожал охотнику руку и пригласил в барак пить чай.

Не прошло и двух часов, как в барак с шумными разговорами ввалились почти все разведчики.

— Вот оно! — воскликнул инженер и поставил на стол лоток с пробой золота.

Аргунов взял самую крупную золотину, осмотрел ее и сказал:

— Смотрите, Михаил Александрович, та

же структура золота и тот же цвет, как и в яме Соловейки. Теперь можно смело браться за террасы.

Аргунов с Коточковым стояли и любовались террасами.

— Давайте первую линию зададимте здесь, — предложил Аргунов. — А вторую можно будет там, выше.

— Согласен. Приступим к разметке.

На месте будущего шурфа Шилкин забивал колышек.

Уже колышки вытянулись в стройный ряд. С Безымянного пришла бригада дедушки Пыха.

— Значит, будем, товарищ начальник, пытаться террасы, — сказал бывший старшинка.

— Да, решили взяться за террасы.

Дедушка Пых из-за кушака вытащил рукавицу-голичку. Все приискатели невольно подались к нему.

Перед тем, как ударить кайлой в землю, искатели форта любили поворожить.

Дедушка Пых взмахнул рукой и высоко подбросил рукавицу-голичку. Рукавица закружилась, заперевортывалась в воздухе. Все с трепетом ожидали, как она упадет. Рукавица ударилась о землю и перевернулась напалком кверху. Все весело засмеялись, закричали. Кто-то крикнул ура. Когда рукавица падала напалком кверху, это был «верный признак», что здесь есть золото. Так в шутку делали старатели, когда зарезали на фарт яму.

— Значит, будет нам фарт, — посмеялся Аргунов.

— Факт, здесь будет золото, — подтвердил и дядя Гриша.

— Товарищ начальник, золото, которое мы здесь найдем, будет подарком нашей пятилетке! — торжественно провозгласил дедушка Пых.

— Если мы здесь обнаружим богатую золотую россыпь, — согласился Аргунов, — это будет действительно вклад в нашу первую пятилетку.

— Дай бог, чтоб было так.

Аргунов сидел за своим дневником. В дверь барака раздался стук и показалась голова Сохатого.

— Николай Федорович, можно?

Аргунов посмотрел на него и удивленно спросил:

— Чего это ты сегодня придумал с разрешением входить?

— Я на минутку, Николай Федорович.

— Чего стоишь в дверях, проходи.

Лицо Сохатого помято. Усы опустились вниз. Глаза сощурились.

— Я вчера был на террасе и обошел все шурфы... Ты, Николай Федорович, выслушай меня со вниманием.

Аргунов окончил писать и закрыл тетрадь.

— И что?

Сохатый помолчал какое-то мгновение и тихо заговорил:

— Так вот я и хочу сказать, Николай Федорович, что золото на террасах мы найдем богатое.

— Как это ты узнал? — удивился Аргунов.

— Вот бывало так, как я во сне пшеницу увижу, ожидай форта в своей яме. Сегодня я сон видел: стою, будто, я на террасе, а кругом меня громадное поле пшеницы и конца ему нету и края. Пшеница высокая и колос тяжелый, тяжелый, словно золотом налитой. И все это для нас. Вот, думаю, жизнь пришла. Теперь жизнь наша стала смысл иметь. И захотелось мне жить много, много лет.

Сохатый погладил усы, продолжал:

— А поле так и золотится от спелой пшеницы и волнуется, и катится по нему золотая волна! Я вошел в пшеницу, а она мне по самые грудки. Взял я колос, размял на ладони. Зернушки все, как один, полные, тяжелые, чисто золото. Сдается мне, будет золото на террасе, и богатое... Ну, ладно, пиши, не буду я тебе мешать, пойду.

И Сохатый направился к двери.

— Романыч, пошли ко мне Петра. Завтра я с ним пойду смотреть соседнюю долину. Выдай ему продукты.

— Фляжку тоже налить?

— Налей.

— А сон-то мой, Николай Федорович, помни.

— Ладно. А ты сейчас иди и проспись, — посоветовал Аргунов.

31

Тихо в лесу. Ветерок иногда пробегает по вершинам высоких деревьев, покачивая ветки. Сарданга с Андрейкой идут рядом.

— Вот оно это дерево с дуплом, — сказала девушка, показывая рукой на старую высохшую лиственницу с обломанной вершиной.

Андрейка невольно прибавил шаг. Подошли к дереву. Девушка встала на толстый корень, вылезший из земли, пошарила в дупле, и на ее лице появилось недоумение.

— Их кто-то уже взял, — огорченно произнесла Сарданга.

— Сколько раз я тебе говорил: покажи, покажи, а вот теперь их уже нету. Интересно, кто здесь мог прятать шапки.

Андрейка задумчиво смотрел в черные глаза девушки.

Сарданга стала уговаривать Андрейку, чтобы он не сердился на нее, и позвала его на залив, где дедушка сейчас будет вытаскивать сети.

— Наверное, сегодня рыбы много попало, пошли.

Джемс спустился с горы в глухой, густо заросший тенистый колос. Он медленно шел по берегу ручья. В колке было много зайцев, и охотник приготовил винчестер. Вдруг где-то справа хрустнула ветка. Джемс остановился, напрягая слух, но кругом снова стало тихо. Он уже хотел идти дальше, но в это время крикнула птица. Американец выругался:

— Проклятая!

Он не успел сделать и трех шагов, как птица прокричала снова таким же диким голосом.

— Фу ты!

Джемсу стало не по себе, он перекрестился, круто повернулся и пошел прочь из колка.

Впервые он слышал крик этой птицы, когда они вместе с Диком, совершая обход тайги, вышли к ямам приискателя Соловейки, о котором узнали от Степки, хорошо уготив его спиртом.

Соловейка тогда стоял возле породы, выгруженной из выработки. Среднего роста, широкий в плечах, с чисто выбритым энергичным лицом и двумя крупными складками между бровей, он спокойно ждал приближения незнакомцев.

Джемс осмотрел ямы, которые были неглубоки, взял на ладонь песок, долго рассматривал его.

— Как золотишко? — спросил он.

Приискатель пожал плечами. Джемсу было ясно и без ответа, что золото в ямах богатое. Недолго думая, американец решил завладеть чужим сокровищем. Он подмигнул Дику, и тот понял, что нужно делать. Снял с плеча винчестер и выстрелил в голову Соловейки. В это время в тайге закричала какая-то птица, будто ее ранили.

Джемсу врезались в память ненавидящий взгляд приискателя, его бессильно вскинувшаяся рука и гневный возглас:

— Убийцы!

И сегодня опять эта птица! Джемсу стало жутко. Оглядываясь, он вошел в землянку, бросил на кровать шапку и сел за стол. Вытащил трубку, набил ее мелко нарезанным табаком и раскурил. Пуская клубами дым и

глубоко затагиваясь, он сосредоточенно смотрел в окошечко.

— Ты чем-то встревожен, старина? — спросил Дик, усаживаясь рядом.

Джемс промолчал. Дик тасовал карты и с беспокойством поглядывал на своего друга.

— Что-нибудь случилось? — снова спросил Дик.

Джемс несколько раз глубоко затагнулся.

— Ты понимаешь, — он вытащил изо рта трубку, — я давно где-то читал, что души мертвых, ну и... людей убитых переселяются в животных, птиц и другую дрянь. Я тогда даже засмеялся над такой чепухой, а теперь, как бы тебе сказать, ну... вот я иду по лесу, слышу, как птички чирикают и чертовщина всякая в голову лезет,

Дик, довольный, что беспокойство вызвано пустяками, встал и бросил на стол карты.

— Представляю я, как одна птичка кричит: «Джемс Соловейку видел! Джемс Соловейку видел!» А другая, такая же маленькая птичка, отвечает: «Убийца! Убийца!». Нервишки шалют у тебя, старина.

И Дик, довольный своей выдумкой, громко захохотал.

— Дурак, перестань болтать глупости.

— Но ведь души переселяются. Помнишь Соловейку? Он крикнул: «Убийцы!» Вот его душа теперь и кричит по-птичьи.

И Дик снова весело захохотал.

— Ты не веришь в существование души? — спросил Джемс.

— Душа душой, а чтобы птички говорили человеческим языком, это чушь.

— Дурак ты, я тебе говорю о душе человека, а ты мне — птички.

Чтобы чем-нибудь досадить своему компаньону, Джемс проворчал:

— Любовник, черт тебя сунул терять этот нож. Я вчера его видел у твоего соперника!

— А что-нибудь случилось?—с беспокойством спросил Дик.

— Ничего, пока ничего.

Степка неуверенно подошел к землянке американцев. Ему страшно стало входить в неприветливое, ушедшее, как нора, глубоко под землю, жилье. Там его будут спрашивать об этих двух русских. Он положил руку на скобку, не решаясь открыть дверь.

— Кто там? — услышал Степка знакомый голос. Этот голос послал его и пообещал много денег.

Степка медленно отворил дверь, виноватой походкой подошел к столу и сел. Джемс подмигнул Дику, показав глазами на винчестер. Лицо Степки было черно, скулы выпятились вперед и заострились, казалось, он не спал несколько суток.

— О Степка, наш Степка! Откуда ты взялся? Мы тебя совсем потеряли. Где ты пропадал?

— За горой теперь живу, далеко живу.

— Вот как!

— Беда!

— Что случилось?—испугался Джемс.

— Сын заболел. Шибко болеет, еду не берет.

— Фу ты. Напугал только. Так сын, говоришь?

— Сын.

И Степка начал рассказывать, что его сын лежит весь красный и вот уже три дня ничего не ест. Жалобно всхлипнув, он попросил дать ему тех беленьких лепешек, которые глотал Джемс, когда больным лежал у него в юрте.

— И говоришь, сильно болеет?— переспросил Джемс.

Степка снова рассказал, как сильно мучается сын. И опять повторил свою просьбу. Джемс внимательно выслушал.

— Н-да, плохо дело,— задумчиво произнес он.—Лепешки бы помогли.—И вдруг, разводя руками, закончил:—Да вот несчастье, нет больше у меня этих лепешек.

Степка низко опустил голову. Но вдруг он вскочил, откуда-то из-за пояса вытащил шкурку лисы и торопливо протянул ее Джемсу. Американец быстро опытной рукой подхватил ее, тряхнул и стал любоваться нежным мехом.

— Стой, совсем забыл. Кажется, у меня где-то оставалось немного этих лепешек,—вскочил Джемс.

Он подошел к своему сундучку и вытащил целый пакетик таблеток аспирина.

— Это лекарство обязательно поможет твоему сыну. Очень дорогое лекарство.

Джемс отсчитал шесть таблеток, аккуратно завернул их в бумажку, подал Степке и стал небрежно объяснять, как ими нужно пользоваться.

Джемсу не терпелось узнать, ездил ли Степка с его заданием, почему не задержал экспе-

дицию, почему не убил начальника. Но он хорошо знал Степку, что тот ничего не ответит, пока не добьется своего.

— Ты ездил?—сгорая от любопытства, спросил наконец Джемс.

Степка как будто очнулся, он поднял голову и стал смотреть на американца, словно не понял вопроса.

— Ты ездил, куда я тебя посылал?—повторил Джемс.

Степка вытащил из-за пазухи две беличьи шапки и бросил их к ногам Джемса.

Джемс, как голодная собака, схватил их.

— Ты кого убил?

— Двух начальников.

— Каких начальников?

Степка склонил голову и на вопрос не отвечал.

— Год дэм! Он проглотил язык,— решил Дик.

Джемс подошел к граненой фляге и налил из нее чуть не полную кружку.

— На, пей.

Степка выпил, не переводя дыхания, и облизнул губы.

— Каких ты убил начальников?

— Русских начальников.

— А что-нибудь еще ты взял у них? Я тебя учил взять все, что у них есть. Их документы взял?

— Шибко страшно было. Не взял.

— Но кого все же ты убил? Как убил?

И Степка стал рассказывать, как он встретил и повез двух русских начальников.

Не dokonчив, он замолчал и опять опустил голову.

— Потом что?—допытывался Джемс.

— Еще маленько налей.

Джемс налил.

— Потом я в палатку стрелял, потом их в речку бросал, потом долго сидел возле костра. Потом поехал.

— Дурак ты, Степка, ты кого-то другого убил.

Степка уже изрядно опьянел.

— Ты сам дурак. Зачем ты меня посылал. Ты меня сделал плохим. Совсем плохим человеком стал Степка. Гадиной стал Степка. Рубаху, которую ты подарил, в костре сожгет. Пусть горит собачья кожа. Она беду приносит. Пуговиц много, беды много. Совсем плохая рубаха. Зачем ты меня сделал плохим человеком? Я начальнику все расскажу. Ты убил Соловейку. Я не убивал. Ты сам дурак.

Заложив руки назад, Дик прогуливался от стола к кровати, от кровати к столу.

— Олл райт!—наконец сказал Джемс.

Дик понял, что беседа окончена и что больше у якута ничего не выпытаешь. Он подошел к Степке, положил руку на плечо и сказал:

— Молодец. Теперь ты будешь богатым.

Джемс медленным движением взял флягу, побулькал ею возле своего уха, улыбнулся чему-то и незаметно подмигнул Дику. Тот неторопливо вытащил нож и с силой ударил в спину Степки.

— Ты прав, Джемс, не надо на него больше тратить спирта,—сказал Дик, и на его щеке

быстро-быстро задергался мускул. Джемс заметил это и обрадованно проговорил:

— Смотри, Дик, у тебя нервный тик. Нервы шалют.

Дик поволок Степку вон из землянки.

— Аспирин-то у него вытащи,— крикнул вслед Джемс.

32

На разведочных линиях в террасах углубка шурфов шла форсированными темпами. Инженер и Шилкин с утра до вечера были на шурфах, наблюдали за ходом работ.

Где-нибудь возле шурфов Аргунов встречал Бояркина с Андрейкой.

— Ведем документацию,— отвечал Андрейка на вопрос начальника.

Аргунов брал журнал документации, рассматривал аккуратно зарисованный шурф. Похвалив молодого геолога за успехи, он шел на другую линию.

— Как-то раз во время перекура, еще до вашего приезда, — рассказывал Бояркину Андрейка, — наш «управляющий» взял камень и говорит: «Откуда взялись камни, почему в них белые жилки и серенькие крапинки, откуда взялось золото? Наверное, про это никто не знает». Вот теперь я ему как-нибудь расскажу, откуда это все взялось. Но только, пожалуй, не поверит он мне.

— Почему не поверит? Если расскажешь убедительно, то поверит.

— А ты, Андрейка, хотел мне рассказать,

почему дядю Гришу прозвали «управляющим».

— Да это было лет двадцать тому назад, — начал Андрейка. — Дядя Гриша работал на одном старом прииске. Золото было бедное, и решил он попытать фарт, как много раз и до этого делал. Ударил в соседней долине на счастье шурф. На этот раз счастье улыбнулось ему. В шурфе оказалось неплохое золото. Как было ни выпить на радостях! Вечером он расхвастался перед приискателями найденным золотом. «Шапку снимать будете передо мной», — бахвалился он пьяный.

Утром, когда он пришел к своему шурфу, то там уже стояла хозяйская охрана, а долина была застолблена. Что делать? Приискатель направился с жалобой к самому управляющему прииском. Его, конечно, к нему не допустили. Теперь дядя Гриша выпил уже с горя и, подзадоренный товарищами, снова пошел к управляющему. «Я самому хочу жаловаться, — кричал он возле хозяйского дома, — пусть сам управляющий рассудит нас, кто прав, кто виноват. Я докажу, я доберусь, я обскажу ему...»

Хозяйские холоуи подхватили дядю Гришу с крыльца, увели на конюшню и «отпустили» плетей на его приискательскую спину. Так ничего он и не доказал. На месте, найденном им, начал работать прииск, а дядя Гриша с тех пор сам стал «управляющим».

33

Яркое солнце уже стояло над высоким гольцом. Аргунов с Петром заканчивали свои

приготовления к очередному выходу на разведку.

— Иди, Петр, к Романычу, возьми у него продукты и пойдем. Мы должны найти ямы Соловейки.

— Искать будем, найдем, — спокойно сказал Петр.

Он взял рюкзак, который ему отдал Аргунов, и вышел из барака. По дороге к Сохатому он встретил Андрейку и на вопрос его рассказал, что он собирается с начальником сегодня идти к острой сопке. Андрейка пожелал удачи и, не торопясь, посвистывая, отправился по своей заветной тропе к реке.

Сегодня в лесу особенно пахло прелой травой и мохом. Северные цветы щедро источали ароматы.

Андрейка уже подходил к реке. Из-за кустов показался рябющий плес. Вдруг неожиданно он увидел Сардангу, которая быстро шла по тропе к нему навстречу.

— Ты куда это пошла? — удивился Андрейка.

— К начальнику.

— К начальнику! Зачем?

Девушка засмеялась.

— Хочу пожаловаться, что ты меня плохо любишь.

— Иди, иди, а я пойду и пожалуюсь твоему дедушке, что ты меня плохо любишь.

— А начальник дома?

— Не знаю. Они собирались с Петром идти на разведку.

— Пойдем скорее.

— Зачем?

— Бежим скорее, дорогой расскажу.

Девушка схватила его за руку, и они побежали. Вот и барак. Андрейка открыл дверь, но в бараке уже никого не было.

— Пойдем догонять, — предложил Андрейка.

Не теряя времени, они отправились в путь.

— Давай вон на ту горку поднимемся, отсюда будет далеко все видно, — сказала девушка, когда они прошли густой лес и вышли на широкую долину.

Осмотрелись.

— Вон они! — крикнула радостно Сарданга.

Они увидели, как Петр вскинул к плечу дробовик и выстрелил. Из ствола вылетел дымок.

— Кого-то подстрелил. Идем скорей, — предложил Андрейка.

Они быстро спустились по крутому склону горы и, минуя перелески, догнали разведчиков. Аргунов стоял с геологическим молотком, в руках Петра был заяц.

— Что случилось? — спросил удивленно Аргунов, когда Сарданга и Андрейка подбежали к нему.

Сарданга стала торопливо рассказывать, что дедушка послал ее предупредить начальника о большом ненастье.

— И что шурфы наши может затопить, — добавил Андрейка.

— Будет дождь!? — с недоверием переспросил Аргунов.

— Дедушка сказал, что большой дождь будет, и речка Учугэй широко разольется. И еще сказал, он вам в подарок медведя убил.

— Спасибо, спасибо большое твоему дедушке.

Аргунов посмотрел на небо. Оно было чистое. Только на горизонте вытянулась серая узенькая полоска. Сорока, покачивая хвостом, летела к темному бору. Сова сидела на самой верхушке сухостоя и по-глупому пялила свои большие глаза. Громко и протяжно выводил надоедливый черный дятел свое «пи-и-и-ть». «Что случилось? Что случилось?» — кричала из трущобы какая-то птица. Расфранченная ронжа к кому-то торопилась на «именины». Высоко в небе кричал коршун: «Шурфы! Шурфы!».

«Сегодня была багрово-красная заря, а ночью мерцали звезды, — подумал Аргунов, — это действительно признак, что будет плохая погода».

И только Аргунов с Петром вошли в барак, как появился Шилкин.

— Николай Федорович, откуда взяли, что будет большое ненастье?

— Данила Кузьмич сказал.

— Но ведь погода стоит хорошая.

— По-моему, человеку, прожившему всю жизнь в этих местах, нельзя не поверить.

— А мы сейчас пробу взяли, и нет золота на террасе.

— Нет золота?

— В одном шурфе до почвы дошли, взяли пробу — и ни одной золотинки.

— Вот когда все опробуем, тогда и говорить будем, есть золото на террасе или нет, а сейчас надо спасать шурфы. Пошли.

На разведочной линии Аргунов собрал всех разведчиков и рассказал, в чем дело.

Все начали обсуждать, как спасти шурфы, как спасти четверти.

Инженер предлагал окопать каждый шурф канавой с водостоком из нее. Так обычно делают разведчики. Шилкин резонно возражал. Чтобы лучше прорыть канаву вокруг каждого шурфа, потребуется много времени, и они не успеют спасти даже половины шурфов. Со своей стороны он предложил вдоль каждой линии провести по одной водоотводной канаве.

«Будем делать так, как говорит Шилкин, — решил Аргунов, — этот метод нами уже проверен».

Серое небо спускалось на высокий голец, горизонт был черный, как от пожара. Теперь каждый понимал, что охотник бесспорно был прав.

Разведчики всю ночь работали на канавах. Проходили до мерзлоты, строя земляной вал; укрепляя его глиной и дерном.

К утру ненастье начало спускаться темными полосами с гор. Вершина долины скрылась за сеткой дождя. Под вечер мутная и темная вода уже металась в узком логове русла. Перевертываясь и ныряя, плыли сучья. Шурфам, которые были пробиты возле самого русла реки, угрожало затопление.

Бригада дедушки Пыха бросилась туда, но ничего поделать не могла. Вода постепенно на глазах у людей добиралась до кромки шурфа и ручейком стекала в выработку.

Дядя Гриша, не жалея сил, выворачивал большой камень.

— Дай сюда, я его сейчас выверну.

Шилкин схватил лопату, со всей силой подцепил камень, но черенок не выдержал и, хрустнув, переломился.

— Эх, ты, инструмент только испортил! — укорил дядя Гриша.

— Иди за запасной.

И Шилкин руками принялся выворачивать камень.

Дядя Гриша пересек поляну, подошел ко второй линии и увидел сквозь сетку дождя низко сгорбившегося человека, который неуклюже топтался на месте. «А это что за диковина?» — подумал он и зашагал прямо к незнакомцу. Когда «управляющий» подошел вплотную, то узнал охотника Данилу Кузьмича. Охотник, упершись животом в черенок лопаты, ковырял землю.

— А ты почему здесь? — спросил не без удивления старатель.

Охотник взглянул щелками глаз и попытался улыбнуться.

— Я помогать пришел.

— Помогать! — удивился дядя Гриша.

— Вода много, помогать надо.

— Помогать! Ха, а лопату путем держать не умеешь. Лопатой работать — нужна долголетняя прах... практика, опыт. Лопатой работать — это тебе не медведя стрелять. Медведя что! Прицелился, бац — и готово. А здесь нужно умение и опять же опыт. Дай-кось ее сюда, я тебе покажу, как держать надо.

Он взял у охотника из рук лопату.

— Во, как надо, через колено. Это тебе не винтовка. Вот так и орудуй.

Данила Кузьмич взял лопату и, подражая

старателю, начал работать. Но у него снова ничего не получалось.

— Дай-кошь этот инструмент обратно. Я вижу, тебе уже поздно учиться нашему ремеслу. Года, так сказать, ушли. Ты лучше таскай вон тот дерн сюда. Это, пожалуй, тебе сподручней будет.

Дядя Гриша перебросил из руки в руку лопату и начал удало рыть канаву. Подошел Аргунов.

— Да ты, — обратился он к старателю, — сильно-то глубоко не копай, здесь и такой глубины достаточно.

Дядя Гриша поднял голову. Но Аргунов уже шел дальше.

— Во, брат, дела какие, — сказал смущенно приискатель, обращаясь к охотнику, — здесь не надо глубоко рыть, понимаешь. Здесь и такой глубины достаточно. Наука! Она, брат, — во всем. Девушку поцеловать — и то, как придется! Другая и смажет.

Аргунов подошел к бригаде дедушки Пыха.

— Шилкин! Шилкин! Видишь, — закричал он, показывая на узкое место реки.

Шилкин бегом бросился туда. Валежины, сучья, прошлогодняя трава, все это перемешалось вместе и образовало запруду, словно специально сооруженную человеком.

Шилкин, торопливо выдергивая из прорезиненной сумки промасленные пакеты с аммоном, бежал к реке. С разбега он заскочил в воду и побрел к плотине, чтобы бросить их в самое узкое место. Он подобрался как можно ближе к запруде и поджег коротенькие, высунувшиеся из пакетов бикфордовы шнуры

и бросил пакеты в самое уязвимое место запруды. Через несколько минут два султана мелких брызг выросли над завалом, и вода с бешеной яростью рванулась в приготовленную для нее брешь.

— Славнецки получилось, — сказал дедушка Пых.

— Товарищ начальник! Николай Федорович! — кричал Узов, подбегая к Аргунову. — Там вон, на второй линии, канаву размыло, хлещет — спасу нет, людей туда надо скорее.

Последние слова Узов кричал вдогонку Аргунову, который уже бежал к месту катастрофы.

Вода возле канавы скопилась большим озером. Сооруженный из глины и дерна вал не выдержал, лопнул и вода хлестала в узкий прорыв.

Когда подбежали Аргунов с Узовым и дедушкой Пыхом, там уже работал инженер; дядя Гриша и Данила Кузьмич. Вода неслась, не встречая сопротивления, размывая невысокий вал все больше и больше. Прибежал Шилкин, он быстро сбросил сумку со взрывчаткой и схватился за лопату.

Аргунов увидел Шилкина и показал ему на растущие невдалеке лиственницы.

— Давай их сюда.

Шилкин подобрал свою сумку и побежал к деревьям. Раздался взрыв, дерево подскочило и свалилось на сырую землю. Быстро срубили ветки и вместе с землей затрамбовали их в образовавшуюся брешь...

На вторые сутки дождь перестал. Вода в реке Учугэй простояла еще один день на вы-

соком уровне, а потом быстро начала сбывать. Больше всех пострадала первая линия, в ней было затоплено четыре шурфа. Меньше всех — третья. Во второй была размыва часть кучек. В четвертой и пятой линиях стояли колышки, там к шурфовке еще не приступали.

Яркое солнце грело и сушило землю. От нее шло обильное испарение.

34

В тайге пели радостно птицы, просохла земля. Возле лисьей норы играли резвые лисята. Лиса-мать лежала рядом с норой и, как все матери на свете, с гордостью смотрела на своих шаловливых детей. Вот она вскочила, подняла голову и насторожила уши. Лисята один за другим мгновенно исчезли в норе. Недалеко от логова прошли Сарданга с Андрейкой. У приискателя на поясе был подвязан крупный глухарь.

Молодые охотники вышли из леса на открытое место. Кое-где на громадной поляне, отдельно друг от друга стояли лиственницы. И снова на одной из них сидел ястреб. Другой высоко кружился над ним. Где-то в кустах беспокойно чирикала желтогрудая птичка.

— Где же наш дедушка? — воскликнула Сарданга, осмотревшись кругом.

— Пойдем к заливу, там он мимо нас не пройдет, — предложил Андрейка.

— Идем, — согласилась девушка.

— Смотри-ка, кто-то вон возле дерева яму

бьет, — с удивлением сказал приискатель. — Пойдем посмотрим.

Они направились к высокому дереву, возле которого виднелся отвал и стоял человек.

— На охоту ходили, молодые люди? День сегодня чудесный, одно удовольствие прогуляться. А вот мы решили побаловаться. Ради любопытства копаемся, — проговорил Джемс, когда Сарданга и Андрейка подошли к шурфу.

— И золотишко есть? — полюбопытствовал молодой приискатель.

Джемс стал горячо объяснять, что они и мыть-то не умеют это самое золото и что эту яму бьют просто так, ради забавы, от нечего делать. Джемс говорил, что у них, как у ученых, есть более важные дела и что их задачи — изучать растительный и животный мир.

— А эту яму мы бьем просто так, — снова повторил он.

— А может, и здесь золото есть, может, и фартанет, — сказал Андрейка.

Он пожелал им счастья, удачи, и они с Сардангой пошли по направлению к реке. И только молодые люди отошли от шурфа, Джемс склонился над ямой и проговорил:

— Это твои знакомые были. Черт их сюда принес. Вылезай быстрее «ученый».

Дик вылез из ямы. Джемс беспокойно забегал вокруг, размышляя: «Теперь начальнику экспедиции будет известно, чем они здесь занимаются, какие изучают цветочки».

— Я сейчас их души переселю в твоих птичек, — предложил Дик.

Он быстро взял в руки винчестер и пошел вслед за Сардангой и Андрейкой.

— Смотри, будь осторожней, слышишь! — прокричал Джемс вдогонку.

Сарданга и Андрейка стояли на берегу залива и любовались широкой гладью воды, в которой, как в зеркале, отражалось голубое небо и белые курчавые облака. Андрейка взял камень-плиточку, пустил ее по глади воды и предложил Сарданге искупаться.

— Пока мы купаемся и дедушка подойдет.

А в это же самое время между кустов и деревьев, стараясь мягко ступать, пробирался Дик. Он сосредоточенно смотрел вперед. Вот между просветами кустов он увидел две фигуры и стал осторожно подкрадываться. Сделав несколько шагов, он спрятался за толстое дерево, смахнул пот с лица. Вдруг в стороне, справа, с шумом взлетел рябчик. Дик вздрогнул и замер, не шевелясь ни одним членом.

Сарданга и Андрейка стояли на песчаном берегу.

— Давай, Андрейка, кто вон до того камня доплывет первым, тот, значит, счастливый, — предложила девушка.

Она бросилась в воду. Андрейка поплыл вслед за ней, широко размахивая руками.

Дик сделал несколько шагов и остановился.

Молодые люди вылезли на берег, стояли и весело смеялись, показывая на камень, который походил на спину какого-то морского чудовища.

Дик долго смотрел на них, но вот его вин-

честер стал медленно подниматься. Вот уже приклад уперся в плечо. Дерево, под которым прятался Дик, было высокое, ветвистое. На толстой разлапистой ветке, вытянувшись, затаилась рысь. Когда Дик остановился под этим деревом, она начала подниматься, подбирая под себя задние ноги, готовясь к прыжку. Кисточки замерли на ее ушах. Рысь не спускала глаз с американца. Еще мгновение — и хищница сделает прыжок на спину Дика. И вдруг прогремел выстрел. Рысь как-то неестественно выпрямилась и замертво свалилась с дерева. Дик вздрогнул всем телом и быстро повернул голову на выстрел.

— Здорово были! — приветствовал американца Данила Кузьмич.

Охотник стоял недалеко между кустов и все еще держал на изготовке винтовку. Дик опустил винчестер и вытер пот с лица. Мертвая рысь лежала рядом с ним.

— Ты пошто здесь охотишься? Вон там возле гор надо охотиться. Там глухари большие, сладкие. Там надо охотиться. Здесь будешь охотиться, я сердиться буду. Смотри, как я сержусь.

Он вскинул винтовку. Над лесом кружилось воронье, вспугнутое выстрелом. Новое эхо прокатилось по горам, и птица камнем упала в кусты.

Дик закинул на плечо винчестер и пошел в сторону от залива.

Жаркие дни стояли в тайге. Тайга благоухала. Зеленые ковры были щедро разбросаны по широким падам. Кипела смола на коре вековых лиственниц.

Аргунов, осмотрев шурфы на террасах, возвращался на стан. И только он по небольшому мостику перешел ручей, как увидел Бояркина, который бежал к нему навстречу.

— Николай Федорович, гости к нам приехали, какой-то военный и охотник Кузьма Кузьмич.

Аргунов прибавил шаг.

Возле барака разведчиков стояли усталые олени, низко склонив головы. Их уши обвисли, видно, что они прошли немалый путь.

Аргунов вошел в барак.

Мужчина средних лет в военном костюме отрекомендовался сотрудником ОГПУ.

— Очень приятно, — сказал Аргунов, пожимая руку.

На скамейке сидел старик-якут, которого Аргунов узнал не сразу. Протянув ему руку, он увидел у него в зубах знакомую трубку, которую он подарил, когда ночевал у него в юрте.

— О! Старые знакомые, Кузьма Кузьмич! Рад видеть у себя в гостях.

Аргунов справился о здоровье, о том, как проехали такой тяжелый путь. Старик, набивая трубку, рассказал, что ехать было плохо, воды было много, речек было много. Кузьма Кузьмич и не собирался на Учу-

гэй, но его попросил вот этот военный начальник, и он согласился проводить его.

Разведчики сидели кто где. Аргунов, по просьбе сотрудника ОГПУ, подробно рассказал об американцах, потом наклонился к чемодану, достал гильзу и подал сотруднику.

— Это та гильза, найденная около черепа, о которой я вам говорил.

Сотрудник осмотрел ее, достал из полевой сумки еще несколько гильз и начал их сличать.

— Вот посмотрите, пожалуйста, — обратился сотрудник к Аргунову, — эти гильзы я нашел около той палаточки. Вот смотрите, калибр один и тот же. А на пистоне у вашей и моих гильз удар бойка делает одинаковую присечку.

Бояркин, Андрейка, дядя Гриша и другие стали рассматривать гильзы.

— Точно. Присечка одинаковая, — сказал Бояркин.

— Неоспоримо, — подтвердил и дядя Гриша.

— Выходит, человек убитый здесь и те два трупа... вы говорили... в полынье... были убиты из одного и того же винчестера?

— Совершенно верно, — согласился сотрудник ОГПУ с Аргуновым. — Теперь ясно, чем занимаются эти «ученые».

Дядя Гриша сидел и внимательно слушал разговор. Потом встал и вышел из барака.

Небо чисто. Крутом тихо. Дядя Гриша стоял и, глядя на террасы, щурился от яркого солнца. Ему не терпелось кому-нибудь рассказать обо всем услышанном. Его взгляд

остановился на зимовье Выгоды. Дядя Гриша хитровато улыбнулся.

— Сейчас я этого барсука огорошу новостями!

И дядя Гриша большими шагами направился к Выгоде. Когда он зашел в одинокое зимовье, Выгода лежал, подложив под голову руки.

— Чего это ты развалился?

— Прихворнул немного, а тебе чего надо? — недовольным тоном проворчал приискатель.

— Ты лежишь! Хэ, а у нас...

— Чего у вас?

— А ты ничего не знаешь?! — дядя Гриша, не спеша стал вытягивать из кармана кисет.

— Чего тамстряслось у вас? — не утерпел Выгода.

— Сегодня их этих самых того...

— Чего?

И тут дядю Гришу прорвало...

— Сейчас к американцам собираются, — сыпались слова. — Сам начальник поведет. Сейчас их там того...

Выгода, не дослушав, как ужаленный, вскочил с оленьей шкуры и быстро полез под нары.

— Ты чего это? — удивился дядя Гриша, — зачем туда?

— Да так... Табак у меня там хранится, — ответил Выгода, вылезая из-под нар.

Он на ходу схватил свою потрепанную тулупку и выскочил из зимовья.

— Ты куда это? — крикнул вдогонку дядя Гриша.

Выгода быстро скрылся в кустах.

— Огорошил я его!

Дядя Гриша, довольный, смотрел вслед Выгоде.

— Теперь надо доложить начальнику, что Выгода убежал, — решил дядя Гриша и направился в барак к Аргунову.

А Выгода напрямик через горы спешил к американцам. Руку он сунул за пазуху и поддерживал мешочек с золотом. «Только бы успеть! Мать честная! Вместе бежать в Америку!».

Он распахнул дверь и влетел в землянку.

— Вас идут арестовывать! Милиция приехала, — прохрипел Выгода.

У Джемса и губа отвалилась, и ноги отнялись. Потом вскочил.

— Бежать! Надо бежать! — Заметался, забегал, хватая что попало под руки.

— Я с вами бежать решил, — твердил Выгода.

Джемс заталкивал что-то в рюкзак и только окрысился.

— На кой черт ты нам нужен, нам и без тебя тошно!

Выгода ошалело переводил взгляд с Джемса на Дика. Тот, торопливо шаря, совал мимо кармана патроны.

— Вы же обещали, — выдавил наконец приискатель.

Дик взглянул на него таким взглядом, что Выгода сразу же кинулся прочь из землянки. Дик схватил винчестер и выскочил вслед за ним. Приискатель не успел отбежать от землянки и тридцати шагов. Пуля Дика настигла его. Выгода упал, широко раскинув руки. Дик

быстро обшарил его карманы и вытащил мешочек с золотом. «Я хорошо знал, что этот парень не побежит в Америку с пустыми карманами».

Джемс ни о чем не спросил своего партнера, когда тот вернулся в землянку. Теперь все пропало. Погибли все его планы. Прощай богатство. Поспешно собрав самое необходимое, они с винчестерами наперевес выскочили из землянки.

Дик сразу увидел трех человек на невысоком холмике среди кустов. Он, вскинув винчестер, выпустил три патрона, и побежал с Джемсом через поле к лесу. Не пробежав и полсотни шагов, увидели другую группу в четыре человека, которая отрезала им путь. Теперь деваться было некуда. Оставаться на открытом месте — значило подставлять себя добровольно под пули. Они бегом кинулись в землянку и начали бесцельно стрелять в окно.

Шилкин, Узов, инженер и дедушка Пых пошли в обход со стороны горы. Они быстро поднялись по каменистому склону.

Солнце сияло. Листва шумела, на чистом голубом небе ни облачка. Сохатый лежал на спине и тяжело дышал. Лицо его казалось утомленным. Морщины стали глубже, глаза сузились. Аргунов расстегнул ему ворот рубашки. Скинув с себя пиджак, свернул вчетверо и подсунул ему под голову. При каждом выдохе в груди у Романыча что-то булькало. Пуля пробила ему грудь.

— Беги за врачом, — крикнул Аргунов, обращаясь к Андрейке.

— Не надо, врача не надо, — слабым голосом произнес Сохатый и облизал сухие губы.

Аргунов стоял на коленях, осторожно развязывая у раненого кушак.

— Николай Федорович, как же так, а? Сколько мы с тобой ходили по тайге... топили вместе... а вот американцы...

Сохатый закрыл глаза. Аргунов подался вперед и взял его руку.

— Жить хочется, а тут вот умирать... пришлось. Еще хотелось прииск один открыть для нашей родины... хотелось еще поработать вместе.

Глаза Романыча закрылись. Дыхание становилось все реже и реже.

— Романыч!

— Я еще живой, Федорович, — и он медленно повернул голову к Аргунову, — я тебе был всегда верным товарищем. Прощай! Прощай и не вспоминай лихом.

Последние слова Сохатый произнес чуть слышно. Рука, которую держал Аргунов, ослабела и опустилась.

Откуда-то из-за гольца показалось белос облачко. Оно плыло в чистом, звонком и прозрачном воздухе и становилось все меньше и меньше и скоро растаяло в голубом небе.

Аргунов склонил голову.

«А пшеница высокая, высокая и колос тяжелый, словно золотом налитой. А поле так и золотится от спелой пшеницы и волнуется», — вспомнились ему слова Сохатого.

Голова Аргунова опустилась еще ниже.

На предложение сотрудника ОГПУ сдаться, американцы снова открыли стрельбу из окна. Но вдруг они прекратили стрелять.

Джемс и Дик совещались, что им, делать. Ясно было одно: можно сохранить жизнь только одним способом — сдаться. Они выбросили в окно свое оружие и вышли.

Сейчас Джемс и Дик стояли рядом возле землянки.

— Я протестую против ваших незаконных действий, — возмущался Джемс, обращаясь к сотруднику ОГПУ. — Я буду жаловаться. Мы мирные ученые...

Взгляд американца остановился на Выгоде, который по-прежнему лежал с широко раскинутыми руками, и Джемс замолчал.

Данила Кузьмич повертел в руках замок, повернулся, захлопнул дверь землянки, навесил замок и замкнул его.

36

Белые перистые облака плыли над горами. Вдоль долины тянуло прохладой.

Возле барака разведчиков стояли два оленя, на их спинах была навьючена вперемет крупная рыба. Андрейка с Сардангой снимали поклажу. Они быстро стаскали рыбу и вошли в барак.

Данила Кузьмич рассказывал Узову о рыбалке, приглашая его порыбачить с ним.

— Как-нибудь соберусь, — обещал Узов охотнику.

Аргунов с Петром, усталые, возвращались с поисков.

— Как ваши успехи, Николай Федорович,— спросил Узов, когда тот снял рюкзак и сел за стол.

— Сегодня неплохие, нашли две ямы.

— Соловейкины? — с нетерпением спросил Узов.

— Кажется, его.

Сарданга и Андрейка сидят рядом и о чем-то тихо разговаривают. Андрейка взял руку девушки и стал надевать ей кольцо.

— Андрей, откуда у тебя такое? — вдруг спросил Узов, заинтересовавшись оригинальным колечком.

— Это не мое, это вот Сарданги. Ей отец сделал на память.

— Разрешика, Андрей, я посмотрю, — попросил Аргунов.

Андрей подал кольцо и сказал:

— Оно сделано из золота, которое ее отец нашел где-то возле острой сопки.

— Возле острой сопки?! — переспросил Аргунов.

Он взял пробирный камень.

— Что вы хотите, Николай Федорович? — спросил Узов.

— Мы с Петром километров за двадцать отсюда нашли обвалившиеся ямы и рядом с ними небольшую землянку. В отвалах ям мы добыли несколько золотинок. Вот сейчас и определим пробу кольца и пробу добытого золота.

Аргунов вытащил из кожаной сумки капсулу, развернул ее и выбрал крупную золотину. На гладкой поверхности камня он сделал две жирные черты: одну кольцом, дру-

гую золотиной. Обе черты были абсолютно одного цвета.

— Проба одна, — сказал Аргунов.

— Николай Федорович, так вы же нашли россыпь Соловейки, о которой столько идет разговоров! Там богатейшее золото! — воскликнул Узов.

Аргунов ничего не ответил своему товарищу, хотя проба кольца и золотины действительно говорила о том, что это золото Соловейкино. Он взял рюкзак, неторопливо развязал шнурок.

— А возле ям, в землянке, Петр нашел вот это.

И Аргунов достал из рюкзака красиво отделанные серебром ножны. Как только девушка увидела их, она невольно приподнялась.

— Это ножны моего отца, — сказала она дрогнувшим голосом и сделала несколько шагов к Аргунову.

Аргунов подал ей дорогую находку. Девушка прижала ее к груди обеими руками.

— Дедушка, видишь, ножны моего отца?

— Да, внучка, это они. Это он их сам делал.

— Андрейка, дай нож, который я тебе подарила.

Она вложила его в ножны.

— Как тут и был, — воскликнул Андрейка.

— Вот теперь можно сказать, что россыпь Соловейки найдена, и после террас мы займемся ею.

В барак шумно и радостно ввалились разведчики. Впереди инженер.

Он подошел к столу, начал торжественно высыпать из сумки большие капсулы, которые падали с глухим стуком. Все разведчики стояли кольцом вокруг небольшого стола.

— Золотая россыпь на террасах найдена, Николай Федорович, — сказал громко инженер.

Шилкин, улыбаясь, смотрел на Аргунова. Дедушка Пых, потирая руки, тоже улыбался. Аргунов взял одну капсулу, развернул ее и высыпал богатую пробу на лист белой бумаги. Крупные, хорошо окатанные золотины рассыпались вокруг высокой кучки золота.

— Чудесное золото! — проникновенно сказал Аргунов.

Инженер, развертывая остальные капсулы, укладывал их друг возле друга.

— Вот это золото! Прямо сказать, фарт мы обеими руками схватили, — провозгласил дедушка Пых.

— А этот не выскользнет? — усмехнулся Аргунов.

— Нет, этот не вывернется, это и есть тот, который мы всю жизнь искали, — уверенно сказал дедушка Пых.

Улыбин Николай Николаевич

ПЕТРОНУТЫЕ СНЕГА

Редактор *Л. Покровская*
Художественный редактор *И. Табаков*
Художник *А. Стелькин*
Технический редактор *М. Юганова*
Корректор *Е. Кузьмина*

Сдано в набор 18/II 1957 г. Подписано в печать 7/III 1957 г.
Форм. бум, 70×92 1/32—4,375 бум, л, = 10,24 печ. л,
/10,13 уч. - изд, л,/ Тираж 30000 экз, ФД 00759,

Читинское книжное издательство, Чита, Молотова, 3,
Заказ № 1620, Типография управления культуры
Чита, Анохина, 2. Цена 3 р. 55 к.

З р. 55 и.

ГОРЬКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД 1957